

К ДАК И ТЕБЕ
КАСИ
И
СОВЕТ
МЕЛНАС
ПИРОСА

Гюстав

ФЛОБЕР

Бувар
и Пекюше

Бувар и Пекюше

Гюстав Флобер Бувар и Пекюше

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169558

Бувар и Пекюше: АСТ; 2003

ISBN 5-17-018611-8

Содержание

I	4
II	30
III	78
IV	134
V	179
VI	210
VII	251
VIII	266
IX	332
X	387

Гюстав Флобер

Бувар и Пекюше

I

Стояла жара – тридцать три градуса, и на бульваре Бурдон не было ни души.

Внизу, замкнутый двумя шлюзами, тянулся ровной линией канал Сен-Мартен с темною, как чернила, водою.

Посредине стояла баржа, груженная лесом, а на берегу громоздились бочки, сложенные в два ряда.

По ту сторону канала, между строений, разделявших деревянные склады, виднелась лазурь широкого чистого неба; в солнечном сиянии белые фасады домов, шиферные крыши, гранитные набережные ослепительно сверкали. Где-то далеко в теплом воздухе разносился смутный гул; все словно замерло в праздничном бездействии, в томительной печали летнего дня.

На бульваре появились два человека.

Один шел от площади Бастилии, другой – от Ботанического сада. Первый, высокого роста, в полотняном костюме, шагал, сдвинув шляпу на затылок, расстегнув жилет и держа галстук в руке. Другой, ростом пониже, в наглухо застегнутом коричневом сюртуке, семеня мелкими шажками, пону-

рив голову и нахлобучив на лоб картуз с острым козырьком.

Дойдя до середины бульвара, они уселись, оба разом, на одну и ту же скамью. Вытирая лоб, оба они сняли головные уборы и положили рядом с собой; низенький прочел на подкладке шляпы своего соседа надпись «Бувар», а тот, заглянув в картуз незнакомца, разобрал слово «Пекюше».

– Вот занятно, – сказал он, – нам обоим пришлось в голову написать на шляпе свою фамилию.

– Ну да, ведь мой картуз могли бы обменять у нас в конторе.

– И у меня, я тоже служу в конторе.

Тут они присмотрелись друг к другу.

Приятная внешность Бувара сразу очаровала Пекюше.

Голубые глаза из-под полуопущенных век озаряли улыбкой его румяное лицо. Просторные панталоны топорщились внизу, на касторовых штиблетах, и обтягивали живот, вздувая рубашку у пояса, а светлые волосы в легких завитках придавали его физиономии что-то ребячливое. Он постоянно что-то насвистывал, выпятив губы.

Бувара поразила серьезная мина Пекюше.

Черные пряди волос так гладко облегли его высокий череп, что их можно было принять за парик. Лицо из-за длинного висячего носа было как будто постоянно обращено к вам в профиль. Ноги в узких люстриновых брюках казались несоразмерно короткими в сравнении с туловищем; говорил Пекюше низким глухим голосом.

У него вырвалось восклицание:

– Как хорошо сейчас в деревне!

Но Бувар возразил, что за городом невыносимо от кабацкого шума и гама. Пекюше согласился, но все-таки пожаловался, что начинает тяготиться столичной жизнью. Бувар испытывал то же.

Они обводили глазами груды строительного камня, грязную воду канала, где плавали пучки соломы, фабричные трубы, торчавшие вдаль; из сточной канавы несло воню. Они обернулись в другую сторону: там перед ними тянулись стены хлебных амбаров.

– Право же, – удивился Пекюше, – на улице еще жарче, чем дома!

Бувар посоветовал ему снять сюртук. Наплевать ему на приличия – пусть говорят, что хотят!

Тут по аллее проковылял какой-то пьянчуга, выписывая кренделя ногами; заговорив по этому поводу о рабочих, они перешли на политические темы. У обоих оказались одинаковые взгляды, хотя, пожалуй, из них двоих Бувар был либеральнее.

По мостовой, в вихре пыли, с лязгом и грохотом прокатили три коляски по направлению к Берси; там ехали невеста с букетом, несколько горожан в белых галстуках, дамы, утопавшие до самых плеч в пышных юбках, две-три девочки, школьник-подросток. При виде свадебного поезда Бувар и Пекюше заговорили о женщинах и пришли к выводу, что все

они легкомысленны, сварливы, упрямы. Правда, встречаются иной раз женщины лучше мужчин, но обычно они все-таки хуже. Словом, гораздо спокойнее жить без них; потому-то Пекюше и остался холостяком.

– А я вдовец, – заявил Бувар, – и детей у меня нет.

– Может быть, это и к лучшему. А впрочем, одиночество под конец становится тягостным.

На набережной появилась уличная девица под руку с военным, черноволосая, бледная, с рябым лицом. Она шла вперевалку, опираясь на руку солдата и шаркая туфлями по панели.

Дав ей отойти подальше, Бувар отпустил непристойную шутку. Пекюше густо покраснел и, видимо, желая переменить тему, указал ему на священника, который к ним приближался.

Аббат величаво проплыл по аллее, обсаженной вдоль тротуара тощими вязами; как только его треугольная шляпа исчезла из виду, Бувар вздохнул с облегчением и заявил, что терпеть не может иезуитов. Пекюше, не защищая их, все же признался, что относится к религии с уважением.

Между тем наступили сумерки, и в доме напротив подняли жалюзи. Прохожих стало больше. Пробило семь часов.

Их беседа лилась неиссякаемым потоком; за анекдотами следовали рассуждения, за личными мнениями философские идеи. Они раскритиковали в пух и прах ведомство путей сообщения, пошлины на табак, торговые дома, театры,

морское министерство и весь род человеческий, – как будто они все испытали и во всем разочаровались. Каждый из них, слушая другого, вспоминал свое забытое прошлое, узнавал самого себя. И хотя они вышли из возраста наивных восторгов, оба испытывали что-то новое, неизведанное, расцвет чувств, прелесть зарождающейся дружбы.

Раз двадцать они вставали со скамьи, садились опять, прохаживались вдоль бульвара, от верхнего шлюза до нижнего, то и дело собирались уйти, но не в силах были расстаться, будто их приворожили.

Наконец они распрощались, как вдруг, при последнем рукопожатии, Бувар воскликнул:

– Погодите! А что, если нам пообедать вместе?

– Я уж думал об этом, – подхватил Пекюше, – но не решился вам предложить.

Бувар повел его в ресторанчик против ратуши, где, по его словам, уютная обстановка.

Он сам заказал обед.

Пекюше остерегался пряностей, как слишком возбуждающего средства. Это послужило поводом поспорить о медицине. Затем они начали превозносить науку: сколько интересного можно узнать, сколько исследований произвести... если бы только хватало времени! Увы, все их время уходило на то, чтобы заработать на хлеб. И тут выяснилось, что оба они служат переписчиками; от изумления сотрапезники всплеснули руками и, перегнувшись через стол, едва не бросились

в объятия друг друга. Бувар работал в одном торговом доме, а Пекюше – в морском министерстве, что не мешало ему вечерами уделять время научным занятиям. Он сообщил, что выискал много ошибок в сочинении Тьера, зато отозвался с величайшим почтением о некоем профессоре Дюмушеле.

У Бувара были другие достоинства. Изящная часовая цепочка, сплетенная из волос, манера сбивать соус – все обличало в нем человека бывалого, умеющего пожить; за обедом, зажав салфетку под мышкой, он забавлял Пекюше уморительными историями. У Пекюше был характерный смех – басистый, на одной ноте, с долгими паузами. Бувар смеялся благодушно, звонко, скаля зубы, поводя плечами, и посетители невольно оборачивались на него.

Отобедав, они зашли выпить кофе в другое заведение. Пекюше, оглядевшись при свете газовых рожков, поворчал на излишне роскошную обстановку, затем презрительным жестом отбросил газеты. Бувар был гораздо снисходительнее. Он любил всех писателей без разбору, а в юности намеревался поступить актером в театр.

Ему вдруг захотелось показать ловкие фокусы с бильярдным кием и двумя шарами, какие при нем проделывал его приятель Барберу. Но шары беспрестанно падали на пол, под ноги посетителей, и закатывались куда-то в угол. Лакей, которому всякий раз приходилось, ползая на четвереньках, доставать их из-под скамеек, в конце концов начал ворчать. Пекюше наорал на него; явился хозяин, но Пекюше не пожелал

слушать извинений и разругал все кушанья в ресторане.

После этого он предложил мирно закончить вечер у него на дому; это совсем рядом, на улице Сен-Мартен.

Войдя, он напялил какую-то полотняную курточку и повел гостя осматривать помещение.

Письменный стол елового дерева стоял, загораживая проход, как раз посреди комнаты, а повсюду вокруг – на полках, на стульях, на старом кресле и по углам – в беспорядке громоздились книги: несколько томов «Энциклопедии» Роре, «Руководство для магнетизера», томик Фенелона; там же, вперемешку с кипами бумаг, лежали два кокосовых ореха, всевозможные медали, турецкая феска и несколько раковин, привезенных Дюмушелем из Гавра. Стены, когда-то выкрашенные в желтый цвет, были покрыты бархатным слоем пыли. На краю постели, с которой свисали простыни, валялась сапожная щетка. На потолке чернело большое пятно от коптящей лампы.

Бувар, не выносивший спертого воздуха, попросил позволения отворить окно.

– Но ведь бумаги разлетятся! – вскричал Пекюше, который пуще всего боялся сквозняков.

Однако и сам он задыхался в тесной комнатушке, накалившейся с утра от шиферной кровли.

– На вашем месте я бы снял фуфайку, – сказал Бувар.

– Как можно!

Пекюше, ужаснувшись при мысли, что расстанется с фла-

нелевым набрюшником, предохранявшим от простуды, пожал плечами.

– Проводите-ка меня до дому, – предложил Бувар, – на свежем воздухе вы проветритесь.

И Пекюше пришлось снова натягивать сапоги.

– Вы просто околдовали меня, честное слово! – ворчал он.

Несмотря на расстояние, он проводил приятеля до самого дома, до угла улицы Бетюн, против моста Турнель.

У Бувара была большая комната с навощенным до блеска полом, перкалевыми занавесками, мебелью красного дерева и с балконом, выходившим на реку. Главными украшениями служили погребец на комодe и дагерротипы у зеркала, изображавшие друзей хозяина. В алькове висела картина масляными красками.

– Мой дядя, – сказал Бувар и, подняв свечу, осветил портрет пожилого господина.

Рыжие бакенбарды обрамляли широкое лицо, увенчанное взбитой прической с завитком на хохолке. Пышный галстук и тройной воротник – от сорочки, бархатного жилета и фрака – туго стягивали шею. На жабо блестела бриллиантовая булавка. Глаза его щурились над обвислыми щеками, а губы лукаво усмехались.

– Его скорее можно принять за вашего отца! – невольно заметил Пекюше.

– Это мой крестный, – небрежно отозвался Бувар и добавил, что его нарекли при крещении Франсуа-Дени-Бартоло-

ме. Пекюше носил имя Жюст-Ромен-Сирил; они оказались ровесниками; обоим было по сорока семи лет. Такое совпадение их обрадовало, хоть и удивило. Каждый считал другого гораздо старше. Тут оба принялись восторгаться мудростью провидения, чьи пути неисповедимы.

– Подумать только; если бы мы не встретились нынче на прогулке, мы бы так и умерли, не узнав друг друга.

Обменявшись адресами по месту службы, они пожелали один другому покойной ночи.

– Смотрите, не заверните к девочкам! – крикнул Бувар, провожая гостя на лестницу.

Пекюше спустился по ступенькам, ничего не ответив на эту нескромную шутку.

На другое утро во дворе конторы братьев Декамбо «Эльзасские ткани», на улице Отфей, 92, кто-то громко позвал:

– Бувар! Господин Бувар!

Бувар высунул голову в окошко и узнал Пекюше.

– Я не простудился, я ее снял! – крикнул тот еще громче.

– Что такое?

– Я ее снял, фуфайку! – объяснил Пекюше, показывая на грудь.

Их вчерашние разговоры, жара в комнате и тяжесть в животе не давали ему заснуть, так что, не выдержав, он скинул с себя фланелевый набрюшник. Наутро, удостоверившись, что это не имело дурных последствий, он поспешил поделиться новостью с Буваром, который теперь еще более возвысился

в его мнении.

Пекюше был сыном мелкого торговца и не помнил своей матери, рано умершей. Пятнадцати лет ему пришлось уйти из школы и поступить на службу к частному приставу. В один прекрасный день в дом явились жандармы, и вскоре его хозяина сослали на галеры. Пекюше до сих пор не мог вспомнить этой истории без ужаса. После этого он перепробовал много профессий: был аптекарским учеником, репетитором, счетоводом на пакетботе Верхней Сены. Наконец какой-то начальник, восхитившись его почерком, нанял его писцом в контору. Пекюше, при его пытливом уме, мучило сознание, что он недостаточно образован. Нрава он был раздражительного и жил совершенно один, без родных, без любовницы; по воскресным дням, в виде развлечения, ходил наблюдать за строительными работами.

Самые ранние воспоминания Бувара были связаны с фермой на берегу Луары. Потом дядя повез мальчика в Париж обучать торговому делу. Достигнув совершеннолетия, он получил в банке несколько тысяч франков. Тогда он женился и открыл кондитерскую лавку. Полгода спустя его супруга сбежала, прихватив с собою кассу. Кутежи с друзьями, чревоугодие, а главное, лень очень скоро довели его до полного разорения. Но он догадался пустить в ход свой талант – красивый почерк, и вот уже двенадцать лет работал на том же месте, в конторе торговцев тканями, братьев Декамбо, улица Отфей, 92. О своем дяде, когда-то приславшем ему на па-

мять пресловутый портрет, Бувар ничего не слышал, не знал даже его адреса и больше не рассчитывал на его помощь. Полутора тысяч франков дохода и жалованья переписчика ему хватало, чтобы вечером посидеть и подремать в кофейне.

Итак, случайная встреча стала важным событием в жизни обоих. Их сразу неодолимо потянуло друг к другу. Чем, в сущности, можно объяснить взаимную симпатию? Почему иные характерные черты, иные недостатки, безразличные или нетерпимые в одном человеке, восхищают вас в другом? Так называемая любовь с первого взгляда встречается в жизни нередко. Короче говоря, к концу недели Бувар и Пекюше перешли на ты.

Они то и дело навещали друг друга на службе. Как только один появлялся, другой запирал свой стол, и они отправлялись гулять по улицам. Бувар шел, широко шагая, а Пекюше, путаясь в длинном сюртуке, едва поспевал за ним, будто катясь на роликах. Так же мало совпадали их личные вкусы. Бувар курил трубку, любил сыр, после обеда неизменно выпивал чашечку кофе. Пекюше нюхал табак, за десертом ел только варенье и макал сахар в свой кофе. Один был доверчив, беспечен, великодушен, другой скрытен, серьезен и скуповат.

Желая доставить удовольствие Пекюше, Бувар познакомил его с Барберу. Это был биржевой делец, в прошлом коммивояжер, славный малый, патриот, волокита, любивший щегольнуть крепким словом. Пекюше нашел его неснос-

ным и повел Бувара к Дюмушелю. Этот ученый (он опубликовал книжку по мнемонике) преподавал литературу в пансионе молодых девиц, высказывал ортодоксальные взгляды и держался с необычайной серьезностью. Бувару он скоро наскучил.

Приятели не скрывали своих мнений, и каждый признал правоту другого. Вскоре они изменили прежним привычкам и, отказавшись от домашнего пансиона, стали день за днем обедать вместе.

Они беседовали о нашумевших пьесах, о политике правительства, росте цен на провизию, о мошенничестве в торговле. Иногда вспоминали дело об ожерелье королевы или процесс Фюальдеса, рассуждали о причинах революции.

Они бродили по лавкам старьевщиков, посетили Музей искусств и ремесел, аббатство Сен-Дени, фабрику гобеленов, Дом инвалидов, осмотрели все выставки, все коллекции.

Когда у них требовали пропуск, они делали вид, что потеряли его, или выдавали себя за иностранцев, за двух англичан.

В галереях Музея естественной истории они подолгу стояли у чучел четвероногих, любовались бабочками, равнодушно проходили мимо витрин с металлами; ископаемые возбуждали их любопытство, а моллюски не вызывали никакого интереса. Они разглядывали теплицы сквозь стекла, содрогаясь при мысли о ядовитых испарениях. Кедр поразил их тем, что когда-то мог уместиться в шляпе.

В Лувре они принуждали себя восхищаться Рафаэлем. В Национальной библиотеке пытались выяснить точное число томов.

Как-то раз они зашли в Коллеж де Франс на лекцию об арабском языке и, к величайшему удивлению профессора, принялись старательно что-то записывать. При помощи Барберу им удалось проникнуть за кулисы бульварного театра. Дюмушель достал им билеты на заседание Академии. Они интересовались научными открытиями, читали книжные каталоги и, по свойственной обоим любознательности, развивали свой ум. Кругозор их расширился, каждый день им открывалось что-то новое, что-то смутное и чудесное.

Любуясь старинной мебелью, они сокрушались, что не жили в те времена, хотя о самой эпохе не имели ни малейшего представления. Слыша названия стран, мечтали о далеких краях, тем более прекрасных, что они ничего о них не знали. Книги с непонятными заглавиями привлекали их обаянием тайны.

Новые идеи приносили им новые страдания. Когда на улице им встречалась почтовая карета, их неодолимо тянуло уехать куда-то вдаль. На Цветочной набережной они тосковали о лугах.

Однажды в воскресенье, ранним утром, они отправились на прогулку пешком; прошли через Медон, Бельвю, Сюрен, Отейль, весь день бродили среди виноградников, рвали мак на полях, отдыхали на траве, пили молоко, закусывали в за-

городных кабачках под акациями; вернулись они поздно ночью, изнуренные, счастливые, все в пыли. Они часто повторяли такие прогулки, но наутро им становилось так тоскливо, что пришлось от них отказаться.

Однообразная работа в конторе обоим им опротивела. Все те же ножички и резинки, те же перья и чернильницы, все те же сослуживцы! Бувар и Пекюше считали конторщиков болванами и все меньше с ними разговаривали. Те обижались и дразнили их. Чуть ли не каждое утро оба приятеля опаздывали на службу и получали выговор.

Прежде они были вполне довольны своим положением, но с тех пор как высоко о себе возомнили, их профессия стала казаться им унижительной. Они внушали это один другому, подстрекали, раззадоривали друг друга. Пекюше перенял вспыльчивость Бувара, Бувар усвоил угрюмую манеру Пекюше.

– Уж лучше быть паяцем в ярмарочном балагане! – вздыхал один.

– Или стать тряпичником! – восклицал другой.

Ужасное положение! Безвыходное! Безнадежное!

И вот однажды (это было 20 января 1839 года), когда Бувар работал в конторе, почтальон принес ему письмо.

Бувар всплеснул руками, голова его медленно запрокинулась назад, и он упал на пол без чувств.

Конторщики бросились к нему, развязали ему галстук, послали за врачом. Бувар открыл глаза; на обращенные к

нему вопросы он отвечал бессвязно:

– Ах!.. Это пустяки... На воздухе мне станет лучше. Нет, оставьте меня! Позвольте выйти!

Несмотря на свою тучность, он во весь дух помчался в морское министерство; он вытирал лоб, стараясь успокоиться, ему казалось, будто он сходит с ума.

Он просил вызвать Пекюше.

Пекюше явился.

– Мой дядя умер! Оставил мне наследство!

– Быть не может!

Бувар показал извещение:

Нотариальная контора г-на Тардивеля

Савиньи в Септене,

14 января 1839 г.

Милостивый государь!

Прошу вас пожаловать в мою контору, чтобы ознакомиться с завещанием Вашего отца, г-на Франсуа-Дени-Бартоломе Бувара, бывшего негоцианта в городе Нанте, скончавшегося в нашем округе 10-го числа сего месяца. В завещании содержится весьма важное распоряжение в Вашу пользу.

Примите уверение в моем глубоком уважении.

Нотариус Тардивель

Пекюше, ослабев от волнения, присел на тумбу во дворе.

Вернув бумагу, он произнес запинаясь:

– Лишь бы только... это не оказалось... шуткой!

– Ты думаешь... это кто-то подшутил? – спросил Бувар сдавленным голосом, похожим на предсмертный хрип.

Однако почтовые штемпеля, печатный бланк нотариальной конторы, подпись нотариуса – все подтверждало подлинность документа. Они пристально смотрели друг на друга, губы у них дрожали, а в глазах стояли слезы.

Им не хватало воздуха. Они дошли пешком до Триумфальной арки и зашагали обратно по набережным, мимо собора Парижской Богоматери. Бувар побагровел. Он дубасил Пекюше кулаком в спину и бормотал какую-то чепуху.

Оба они не могли удержаться от смеха. Уж конечно, Бувар получит не меньше...

– Ох, это было бы слишком хорошо! Не стоит говорить об этом.

И все-таки заговорили. Что им мешает сразу же попросить разъяснений? Бувар написал нотариусу.

Нотариус прислал копию завещания, которое заканчивалось словами:

«Вследствие чего я завещаю Франсуа-Дени-Бартоломе Бувару, моему внебрачному сыну, признанному мною, полагающуюся ему по закону часть моего состояния».

Старик Бувар тщательно скрывал грех своей молодости, воспитывал сына вдали от города, выдавая за племянника,

и тот всегда называл его дядей, хотя догадывался обо всем. К сорока годам Бувар-отец женился, потом овдовел. Два его законных сына огорчали его дурным поведением, и он стал раскаиваться, что бросил на произвол судьбы своего первенца. Не будь он под башмаком у своей кухарки, он выписал бы сына к себе. Когда из-за семейных раздоров кухарка ушла от них, старик, оставшись в одиночестве, решил перед смертью искупить давнюю вину, завещав все, что мог, плоду своей первой любви. Наследство составляло около полумиллиона, на долю скромного переписчика приходилось двести пятьдесят тысяч франков. Старший из братьев, г-н Этьен, заявил, что признаёт завещание.

Бувар ходил как одурелый. Блаженно улыбаясь, точно пьяный, он все шептал:

– Пятнадцать тысяч франков ренты!

Пекюше, хоть голова у него была покрепче, тоже не мог опомниться.

Их сразу отрезвило письмо Тардивеля с неприятным известием. Младший сын, г-н Александр, объявил о своем намерении оспорить завещание в суде и, если удастся, признать его недействительным; он требовал опечатать имущество, составить опись, наложить арест и прочее! У Бувара разлилась желчь. Едва оправившись, он поехал в Савиньи, но вернулся ни с чем, не добившись никакого решения и досадуя, что даром потратился на дорогу.

Потянулись бессонные ночи, мучительные переходы от

отчаяния к надежде, от восторгов к полному упадку сил. Наконец, через полгода несносный Александр смирился, и Бувар вступил во владение наследством.

Первым делом он воскликнул:

– Вот теперь мы переедем в деревню!

Это решение разделить с другом свалившееся на него счастье показалось Пекюше вполне естественным: союз этих двух людей стал тесным и неразрывным.

Однако Пекюше заявил, что не желает жить на счет Бувара и никуда не поедет, покуда не дослужит до пенсии. Еще два года – подумаешь! Он был тверд и непоколебим; на том они и порешили.

Выбирая место, где поселиться, они перебрали все провинции. На севере плодородные земли, но слишком холодно; на юге климат чудесный, но отравляют жизнь москиты, а в центральных областях, по правде сказать, нет ничего интересного. Бретань, пожалуй, подошла бы, но там живут одни святоши. О восточных округах из-за местного диалекта нечего и думать. Однако есть же и другие края. Что такое, к примеру, Форе, Бюже, Румуа? В географических картах ничего о них не сказано. Впрочем, не важно, в том или другом месте они поселятся, – главное, у них будет свой дом.

Они уже представляли себе, как будут без пиджаков работать в саду, подрезать розовые кусты, рыть, копать, рыхлить землю, пересаживать тюльпаны. Проснувшись рано, под пение жаворонка, они пойдут на пашню, отправятся с корзи-

кой собирать яблоки, станут наблюдать, как сбивают масло, молотят, стригут овец, подкармливают пчел, будут наслаждаться мычанием коров, запахом свежего сена. И никакой переписки! Никакого начальства! Никаких платежей в срок. Ведь у них будет свой собственный дом! Куры из своего птичника, овощи со своего огорода, обеды по-домашнему в затрапезном платье.

– Мы будем делать все, что душе угодно. Хоть бороды отрасли.

Они купили садовый инвентарь, разные мелочи, «которые могут пригодиться», ящик с инструментами (необходимый в хозяйстве), потом весы, землемерную цепь, ванну на случай болезни, градусник и даже барометр системы Гей-Люссак для физических опытов: а вдруг им придет охота этим заняться? Не мешает иметь в доме литературу для чтения – не все же время работать в саду; они даже начали подыскивать книги, часто не зная хорошенько, подходят ли они для домашней библиотеки.

Наконец Бувар принял решение:

– К черту! Нам не понадобится библиотека.

– К тому же можно взять мою, – сказал Пекюше.

Они строили планы. Бувар перевезет свою мебель, Пекюше – большой черный стол; если прихватить еще занавески да немного кухонной утвари, этого будет достаточно.

Они условились хранить все в тайне, но лица у обоих сияли, и сослуживцы подшучивали над ними. Бувар писал, ле-

жа грудью на конторке, расставив локти, чтобы аккуратнее выводить косые буквы, и все время весело насвистывал, хитро подмигивая из-под тяжелых век. Пекюше, взгромоздясь на высокий соломенный стул, писал так же старательно, как и прежде, тем же четким почерком с нажимом, но невольно раздувал ноздри и кусал себе губы, словно боясь проговориться.

Уже больше полутора лет они искали, где бы поселиться, но ничего не могли найти. Путешествовали по окрестностям Парижа, ездили от Амьена до Эвре, от Фонтенбло до Гавра. Их тянуло в деревню, в настоящую сельскую местность, пускай не слишком живописную, но на широком просторе.

Они избегали слишком многолюдных поселков и вместе с тем опасались одиночества.

Иногда они уже делали выбор, затем, боясь разочароваться, отменяли решение, ссылаясь на нездоровую местность или на резкий морской ветер, на близкое соседство фабрики или на неудобное сообщение.

На помощь им пришел Барберу.

Узнав об их заветной мечте, он сообщил им в один прекрасный день, что слышал о продаже поместья в Шавиньоле, между Каном и Фалезом. Поместье состояло из фермы в тридцать восемь гектаров, господского дома и фруктового сада, приносящего доход.

Друзья поспешили съездить в Кальвадос и пришли в восторг. Однако за ферму вместе с домом (их не продавали по-

рознь) с них запросили сто сорок три тысячи франков, а Бувар не давал больше ста двадцати тысяч.

Пекюше спорил с ним, убеждал пойти на уступки и объявил наконец, что доплатит недостающие деньги из своих личных средств. На это ушло все его состояние – материнское наследство и собственные сбережения. Этот капитал он хранил в тайне от всех на черный день.

Вся сумма была уплачена полностью к концу 1840 года, за полгода до выхода Пекюше на пенсию.

Бувар уже не работал переписчиком. Первое время, еще не уверенный в будущем, он ходил на службу, но лишь только решил вопрос о наследстве, вышел в отставку. Однако он охотно заглядывал в контору братьев Декамбо и накануне отъезда угостил пуншем всю компанию.

Пекюше, напротив, угрюмо распрощался с сослуживцами и, уходя в последний раз, сердито хлопнул дверью.

Ему еще надо было последить за упаковкой вещей, исполнить множество поручений, закупить кое-что и нанести прощальный визит Дюмушелю.

Профессор обещал вести с ним переписку, сообщать ему все литературные новости, потом еще раз поздравил и пожелал доброго здоровья.

Барберу простился с Буваром гораздо сердечнее – даже бросил неоконченную партию в домино. Он дал слово приехать к нему в гости, заказал две рюмки анисовки и крепко обнял на прощание.

Вернувшись домой, Бувар вышел на балкон и, вздохнув полной грудью, воскликнул: «Наконец-то!» В воде канала отражались огни набережной, вдали затихал шум омнибусов. Бувару вспомнились счастливые дни, прожитые в этом огромном городе, кутежи в ресторане, вечера в театре, болтовня привратницы, все его прежние привычки, и он почувствовал стеснение в груди, печаль, в которой не решался признаться самому себе.

Пекюше до двух часов ночи расхаживал из угла в угол. Никогда больше он не вернется сюда, и слава Богу! Однако, чтобы оставить что-то на память о себе, он нацарапал свое имя на стенке камина.

Тяжелую кладь они отправили еще вчера. Садовые инструменты, кровати, тюфяки, столы, стулья, жаровню, ванну и три бочки бургундского решили везти баржой по Сене до Гавра, а оттуда доставить в Кан, где Бувар их дождется и переправит в Шавиньоль.

Портрет отца, кресла, погребец с ликерами, книги, стенные часы и прочие ценные вещи погрузили в фургон, который должен был ехать через Нонанкур, Верней и Фалез. Пекюше вызвался его сопровождать.

Надев самый старый сюртук, шарф, рукавицы, упрятав ноги в меховой мешок, которым пользовался в конторе, он уселся на скамье рядом с проводником и в воскресенье 20 марта, на рассвете, выехал из столицы.

Первое время его увлекала быстрая езда и новые впечат-

ления. Но вскоре лошади пошли шагом, и он повздорил из-за этого с кучером и проводником. Для ночлега они выбирали самые омерзительные постоянные дворы, и, хотя хозяева отвечали за сохранность багажа, Пекюше от излишней мнительности ночевал там же.

Наутро они пускались в путь с рассветом, и все та же дорога тянулась перед ними до самого горизонта. Мелькали кучи щебня, канавы, полные воды, расстилались широкие, однообразные поля холодного зеленого цвета, по небу бежали облака, то и дело моросил дождь. На третий день поднялась буря. Брезентовый верх, плохо привязанный, хлопал на ветру точно парус. Пекюше ежился, нахлобучив фуражку на нос, и всякий раз, открывая табакерку, поворачивался спиной к ветру, чтобы уберечь глаза. При сильных толчках он слышал, как перекачивается позади него вся их кладь, и надоедал проводнику советами. Увидев, что это не помогает, он переменял тактику: принял добродушный тон, шутил, угождал, помогал возчикам толкать фургон на крутых подъемах и даже угощал их кофеем с водкой после обеда. Тогда они покатали так резво, что, не доезжая Гобюржа, у них треснула ось, и повозка завалилась на бок. Пекюше тут же бросился проверять поклажу: фарфоровые чашки разбились вдребезги. Он простирал руки к небу, скрежетал зубами, осыпая проклятиями обоих болванов. Наутро кучер напился, и они потеряли целый день, но у Пекюше уже не хватало сил возмущаться: чаша горечи была переполнена.

Бувар выехал из Парижа только через день, так как ему захотелось еще раз отобедать с Барберу. Он примчался на почтовую станцию в последнюю минуту, а проснувшись, увидел перед собой Руанский собор: впопыхах он ошибся дилижансом.

Вечером все места на Кан были заняты; не зная, как убить время, Бувар пошел в театр. Там, любезно улыбаясь, он рассказывал соседям, что он – коммерсант, удалившийся от дел, владелец нового поместья в окрестностях города. Когда наконец он добрался до Кана, его багаж еще не прибыл. Получил он его лишь в воскресенье и отправил в Шавиньоль на телеге, известив фермера, что сам поедет следом через несколько часов.

В Фалезе на девятый день пути Пекюше нанял еще пристяжную, и до захода солнца лошади бежали рысью. Миновав Бретвиль, они свернули с большака на проселочную дорогу, и Пекюше все ждал, что вот-вот покажутся крыши Шавиньоля. Между тем колеи на проселке становились все мельче, наконец исчезли совсем, и фургон очутился среди вспаханного поля. Надвигалась темнота. Что делать? Пекюше слез с повозки и, шлепая по грязи, отправился на поиски. Когда он подходил ближе к фермам, на него лаяли собаки. Он кричал во все горло, прося показать дорогу. Никто не отвечал. Наконец ему стало страшно, и он побежал назад. Вдруг в темноте загорелись два фонаря. Пекюше разглядел коляску и бросился навстречу. В коляске сидел Бувар.

Но куда же девался фургон с поклажей? Битый час они бродили впотьмах, окликая возчиков. Наконец фургон отыскался, и они приехали в Шавиньоль.

В камине жарким огнем пылали сучья и сосновые шишки. Стол был накрыт на два прибора. Мебель, привезенная на телеге, загромождала прихожую. Все было доставлено в целости. Приятели уселись за стол.

Им подали луковый суп, цыпленка, сало и крутые яйца. Старуха кухарка то и дело приходила спросить, по вкусу ли им угощение. «Отлично, замечательно!» – отвечали они; пышный хлеб, который так трудно было резать, сливки, орехи – все приводило их в умиление. В полу были щели, стены сочили сыростью. И все же они с удовольствием оглядывали комнату, закусывая вдвоем за столиком, на котором горела свечка. Лица их разрумянились на свежем воздухе. Выпятив животы, откинувшись на спинки скрипучих стульев, они все повторяли:

– Наконец-то мы дома! Какое счастье! Уж не сон ли это?

Хотя уже пробило полночь, Пекюше вздумалось прогуляться по саду. Бувар согласился. Они взяли свечу и, защитив ее от ветра старой газетой, прошлись вдоль грядок. Оба радостно вскрикивали, показывая друг другу огородные овощи.

– Гляди-ка, морковь! А вот капуста.

Затем они осмотрели шпалерники. Пекюше пытался отыскать молодые побеги. По стене иногда пробежал паук, а

две их тени, непомерно удлиненные, вырисовывались на ней, повторяя каждый их жест. С тонких стеблей капала роса. Наступила полная темнота, и все замерло в великом молчании, в глубоком покое. Где-то вдали пропел петух.

В стене, разделявшей их спальни, оказалась потайная дверь, заклеенная обоями. Когда двигали комод, дверца соскочила с петель, и между комнатами открылся проход. Это было приятной неожиданностью.

Раздевшись и улегшись в постель, они еще поболтали некоторое время, потом уснули. Бувар спал на спине, с непокрытой головой, с разинутым ртом; Пекюше – на правом боку, прижав колени к животу, нахлобучив теплый колпак; и оба уютно похрапывали, залитые лунным светом, струившимся через окно.

II

Как радостно было их утреннее пробуждение! Бувар закурил трубку, Пекюше втянул понюшку табаку, и оба воскликнули, что никогда в жизни не испытывали такого удовольствия. Потом они подошли к окну полюбоваться пейзажем.

Прямо перед ними расстились поля, справа виднелись рига и церковная колокольня, слева – ряды тополей.

Две главные аллеи, пересекаясь крест-накрест, разделяли сад на четыре части. Среди грядок с овощами росли кое-где карликовые кипарисы и кусты. С одной стороны стояла на пригорке беседка, увитая виноградом, с другой – стена, подпиравшая шпалерник, а в глубине, в просветах изгороди, открывался широкий вид на поля. По ту сторону стены раскинулся фруктовый сад, дальше шла буковая аллея, роща; за изгородью тянулась тропинка.

Пока они обозревали окрестности, какой-то господин с проседью, в черном пальто, прошел по дорожке, колотя палкой по всем жердям изгороди. Старуха служанка сообщила, что это господин Вокорбей, известный в округе врач.

Другими именитыми гражданами были: граф де Фаверж, бывший депутат, владелец образцового скотного двора; Фу-ро, здешний мэр, который торговал лесом, известкой и всем, чем угодно; нотариус Мареско, аббат Жефруа и г-жа Борден, вдова, жившая на свои доходы. Их служанку звали Жерме-

ной, по имени Жермена, ее покойного мужа. Она работала поденщицей, но охотно пошла бы в услужение к новым господам. Они согласились ее нанять и отправились осматривать ферму, расположенную всего на расстоянии километра.

Когда они вошли во двор, фермер, дядя Гуи, орал на какого-то мальчишку, а фермерша сидела на табуретке, зажав между колен индюшку и кормила ее мучными клецками. Мужчина был широкоплечий, низколобый, с острым носом и хитрым недоверчивым взглядом. Жена – светло-русая, с веснушками на щеках, простоватого вида – похожа была на крестьянок, изображенных на церковных витражах.

На кухне с потолка свисали связки пеньки. У высокого камина стояли три старых ружья. Середину стены занимал буфет с расписной фаянсовой посудой; сквозь окна бутылочного стекла падал тусклый свет на кухонную утварь из жести и красной меди.

Двое парижан, которые только раз, мельком, видели свое поместье, пожелали подробно все осмотреть. Дядя Гуи с женой пошли их провожать, и начался бесконечный поток жалоб.

Все строения, от сарая до винокурни, нуждаются в починке. Надо бы пристроить еще сыроварню, обновить железные скрепы на воротах, поднять ограду в загоне, вырыть канавы и пересадить множество яблонь во всех трех дворах.

После этого они осмотрели посевы; дядя Гуи не одобрял здешней земли. Она требует много навозу, возить его на-

кладно, повсюду мелкие камешки, луга зарастают сорняком. Такое охаивание земельных угодий отравляло удовольствие, с каким Бувар обходил свои поля.

Обратно они вернулись ложбиной, ведущей в буковую аллею. С этой стороны был виден парадный двор и фасад дома.

Дом был белого цвета с желтыми лепными украшениями. Каретник и кладовая, пекарня и дровяной сарай примыкали к нему с боков в виде двух низеньких крыльев. Кухня выходила в маленькую залу. Дальше шла прихожая, вторая зала побольше и гостиная. Четыре комнаты во втором этаже соединялись коридором, выходящим окнами во двор. Пекуше занял одну из них для своих коллекций; в последней комнате они решили разместить библиотеку; отпирая шкафы, они обнаружили еще какие-то книги, но даже не удосужились прочитать заглавия. Им не терпелось заняться садом.

Проходя по буковой аллее, Бувар вдруг заметил среди ветвей гипсовую женскую статую. Склонив головку набок, согнув колени, она двумя пальцами придерживала юбку, словно боясь, что ее застигнут врасплох.

– Ах, извините! Пожалуйста, не стесняйтесь!

Эта шутка так их позабавила, что они повторяли ее раз двадцать на дню несколько недель подряд.

Между тем жители Шавиньоля жаждали познакомиться с новыми соседями, даже подглядывали за ними через калитку. Когда они забили калитку досками, это всех возмутило.

Чтобы защититься от солнца, Бувар обматывал голову

платком в виде тюрбана. Пекюше надевал картуз; он носил длинный фартук с карманом на животе, засунув туда садовые ножницы, платок и табакерку. Бок о бок, засучив рукава, они без устали копали, пололи, подстригали, понукая друг друга, едва успевая поесть, но кофе всегда пили на пригорке, в увитой виноградом беседке, чтобы любоваться видом.

Если им попадалась улитка, они подбегали и давили ее каблуком, скривив рот, точно щелкая орехи. С заступом они не расставались и с такой силой рассекали им надвое белых червей, что железо уходило в землю на три дюйма.

Чтобы избавиться от гусениц, они яростно колотили палкой по деревьям.

Бувар посадил посреди лужайки пионы, а по стенам беседки – помидоры, чтобы они свисали со сводов, как фонарики.

Пекюше велел вырыть возле кухни глубокую яму с тремя отделениями, куда собирался закладывать компост; из отходов вырастут всевозможные побеги, их перегной даст новые ростки, те опять обратятся в удобрение, и так до бесконечности; стоя на краю ямы, он мечтал о будущем и уже представлял себе горы фруктов, море цветов, груды овощей. Но ему не хватало лошадиного навоза, столь полезного для парников. Земледельцы не продавали, на постоянных дворах его нельзя было достать. Наконец, после долгих поисков, несмотря на уговоры Бувара, Пекюше махнул рукой на приличия и, потеряв всякий стыд, решил сам собирать навоз на

дорогах.

За этим занятием и застала его однажды на большаке г-жа Борден.

После любезных приветствий она спросила, как поживает его друг. Черные блестящие глазки этой дамы, яркий румянец и самоуверенные манеры (у нее даже пробивались усики) напугали Пекюше. Он что-то пробурчал и повернулся к ней спиной. За такую невежливость ему попало от Бувара.

Вскоре наступили ненастные дни, сильные холода, пошел снег. Они укрылись в доме; мастерили трельяжи на кухне, расхаживали по комнатам, болтали у камелька, глядели в окно на дождь.

Со середины поста они с нетерпением ждали весну, каждое утро повторяя «Все проходит!». Но весна запаздывала, и они старались утешиться словами: «Все пройдет!»

Наконец на грядках появился зеленый горошек. Пошла в рост спаржа. Виноградные лозы давали надежду на урожай.

Друзья решили, что раз они так хорошо разбираются в садоводстве, им должно удалиться и земледелие; ими овладело стремление заняться обработкой земли на ферме. Руководясь здравым смыслом да немного подучившись, они, без сомнения, добьются успеха.

Прежде всего следовало посмотреть, как поставлено дело в других хозяйствах, и они отправили письмо г-ну де Фавержу, прося позволения посетить его поместье. Граф тут же послал им приглашение.

Пройдя около часу, они поднялись по склону холма, возвышавшегося над долиной Орна. Река текла глубоко внизу, извиваясь змеей. Глыбы красного песчаника, торчавшие там и сям, и камни покрупнее, образуя вдали как бы скалистую гряду, обрамляли поле зрелых хлебов. На другом холме, напротив, среди разросшейся зеленой листвы прятались дома. Ряды деревьев делили холм на неравные квадраты, вырисовываясь темными линиями среди лугов.

Дальше перед ними вдруг открылся общий вид на поместье. По черепичным кровлям можно было узнать строения фермы. Замок с белым фасадом находился справа, на фоне леса; от него спускалась лужайка к реке, в которой отражались ряды платанов.

Приятель вышел на луг, где сушилась люцерна. Работницы в соломенных шляпах, ситцевых косынках, бумажных повязках ворошили граблями скошенную траву, а на другом конце луга, возле стогов, сено быстро навивали на длинные возы, запряженные тройкой лошадей. Хозяин вышел навстречу гостям в сопровождении управляющего.

Подтянутый, прямой, в канифасовом костюме, с бачками в форме котлет, граф был похож и на судейского чиновника, и на светского денди. Лицо его, даже когда он говорил, оставалось совершенно неподвижным.

После обмена любезностями граф ознакомил посетителей со своей системой травосеяния. Ряды скошенного сена надо ворошить, не раскидывая; в копны сгребать сразу, на месте,

затем собирать их десятками, стога складывать в форме конуса. Английские грабли здесь не годятся – местность для них слишком неровная.

Какая-то девчушка в туфлях на босу ногу, в дырявом платье, сквозь которое просвечивало голое тело, упирая кувшин в бедро, поила женщин сидром. Граф спросил, откуда взялся этот ребенок, но никто ничего не знал. Работницы приютили ее на время покоса, и она им прислуживала. Он удалился, пожимая плечами и возмущаясь безнравственностью деревенских жителей.

Бувар отозвался с похвалой о его люцерне. Граф признал, что она хорошо уродилась, хотя повилика принесла ей большой вред (будущие агрономы вытаращили глаза, впервые услышав о повилике). Чтобы прокормить стада, он особенно заботится о разведении кормовых трав; к тому же это полезно для севооборота, который не всегда удается на лугах с естественной растительностью.

– Это уж не подлежит сомнению.

Бувар и Пекюше дружно подхватили:

– О, разумеется, не подлежит сомнению!

Они подошли к тщательно возделанному полю; лошадь, которую вели под уздцы, тащила широкую тележку на трех колесах. Снизу семь лемехов распахивали тонкие параллельные борозды, куда через трубки, свисавшие до земли, падали семена.

– Здесь я сажаю турнепс, – сказал граф. – Турнепс – ос-

нова моей четырехпольной системы.

Он начал объяснять устройство сеялки. Но тут за ним пришел слуга. Его вызывали в замок.

Графа заменил управляющий, тщедушный человек, угодливый и льстивый.

Он повел «почтенных господ» на другое поле, где четырнадцать работников с обнаженной грудью, широко расставив ноги, косили рожь. Железные косы со свистом срезали колосья, ложившиеся направо. Каждый широким взмахом описывал перед собою полукруг, и все, выстроившись в ряд, шагали вперед в ногу.

Могучие руки косарей восхитили парижан; их обоих охватило чуть ли не религиозное благоговение перед плодородием земли.

Они обошли еще несколько возделанных участков. Надвигались сумерки, на вспаханные поля садились вороны.

Дальше им повстречалось стадо. Овцы разбрелись по лугу; было слышно, как они щиплют траву. Пастух, сидя на пне, вязал шерстяной чулок, а у его ног лежала собака.

Управляющий помог Бувару и Пекюше перелезть через изгородь, и, пройдя мимо двух лачуг, они очутились во дворе, где коровы жевали жвачку под яблонями.

Все постройки фермы, примыкая друг к другу, окружали двор с трех сторон. Работы производились при помощи водяной турбины, к которой нарочно подвели русло ручья. Кожаные приводные ремни протянулись с одной крыши на

другую; посреди навозной кучи работал железный насос.

Управляющий показал им низенькие отверстия в стенах овчарни, а в свинарнике – замысловатые дверцы, запиравшиеся автоматически.

В риге потолок был сводчатым, как в соборе, с кирпичными арками, возведенными на каменных стенах.

Чтобы развлечь господ, птичница бросила курам пригоршню овса. Давильный станок поразил двух друзей своими гигантскими размерами; потом они взобрались на голубятню. Особенно восхитила их молочная ферма. Из кранов, расположенных по углам, стекала вода на каменные плиты пола, и, едва войдя, они ощутили прохладу. На полках рядами стояли темные глиняные кувшины, до краев полные молока, и крынки поменьше со сливками. Круги масла лежали, точно обрубки медной колонны, а в жестяных подойниках, только что поставленных на пол, пенилось парное молоко. Красой и гордостью фермы был воловий хлев. Вмазанные в стену деревянные перекладыны делили его по всей длине на два помещения: одно для волов, другое для скотников. Там стояла полутьма, так как отдушины были закрыты. Привязанные на цепях волы жевали, похрустывая, под низким потолком; от их боков валил пар. Вдруг кто-то отворил дверь, и струя воды разлилась по желобу вдоль кормушек. Послышалось мычанье; с треском и стуком сталкиваясь рогами, волы вытянули морды из стойла и начали медленно пить.

В ворота въехали большие телеги, заржали жеребцы. В

нижнем этаже зажглись два-три фонаря, потом погасли. По двору прошли работники, стуча по камням деревянными башмаками, зазвонил колокол, сзывая к ужину.

Оба посетителя отправились домой.

Все, что они видели, привело их в восторг, и они утвердились в своем решении. В тот же вечер они разыскали в библиотеке четыре тома «Сельской усадьбы», выписали курс Гаспарена и подписались на агрономическую газету.

Чтобы удобнее было ездить на ярмарку, они купили одноколку, которой правил Бувар.

В синих блузах, широкополых шляпах, гетрах до колен, с палками, какие носят барышники, они обходили торговцев скотом, расспрашивали крестьян, неизменно присутствовали на всех сельскохозяйственных выставках.

Вскоре они до смерти надоели дяде Гуи своими советами; они особенно возмущались тем, что он оставлял землю под паром.

Но фермер вел хозяйство по старинке. Он попросил господ отсрочить платеж под тем предлогом, что выпал град. Арендной платы он и вовсе не вносил. В ответ на любое замечание, самое справедливое, его жена начинала голосить. В конце концов Бувар объявил, что не желает возобновлять договор.

Тогда дядя Гуи припрятал удобрения, перестал полоть сорняки, растратил все запасы и уехал разъяренный, явно затаив план мести.

Бувар рассчитал, что двадцати тысяч франков, то есть суммы, в четыре раза больше арендной платы, вполне хватит на первое время. Его нотариус прислал эти деньги из Парижа.

Их земельные угодья состояли из пятнадцати гектаров лугов и пастбищ, двадцати трех – пахотной земли и пяти гектаров неудобной земли на каменистом холмике, носившем название Бугор.

Они закупили необходимые орудия, четырех лошадей, двенадцать коров, шесть поросят, сто шестьдесят овец, наняли двух работников, двух скотниц, одного пастуха, завели большого пса.

Чтобы добыть денег на расходы, они продали все запасы кормов. С ними расплатились на дому: золотые монеты, отсчитанные на ящичке с овсом, показались им особенно блестящими, необыкновенными, высшей пробы. В ноябре они вздумали заготовить сидр. Бувар погонял лошадь хлыстом, а Пекюше, стоя над чаном, помешивал выжимки лопатой.

Пыхтя от натуги, в тяжелых деревянных башмаках, они зажимали винт, вычерпывали сусло из кадки, следили за втулками, забавляясь от всей души.

Решив, что выгодней всего получить как можно больше зерна, они заняли под пашню чуть ли не половину своих искусственных лугов, а так как удобрений им не хватало, они закопали жмыхи, не размельчив их, и хлеб уродился плохо.

На следующий год они густо засеяли поле. Разразилась

гроза. Колосья полегли.

Невзирая ни на что, они упрямо сеяли пшеницу и задались целью обработать землю на Бугре. Камни вывозили в плетеной повозке. Круглый год с утра до вечера, в дождь и в непогоду все та же лошадь, погоняемая тем же возчиком, тащила ту же повозку вверх, вниз и снова вверх на маленький холмик. Иногда позади шел сам Бувар, делая остановку на полдороге, чтобы отдышаться и вытереть пот.

Не доверяя никому, они сами лечили скотину, поили ее слабительным, ставили клистиры.

Скоро начались всякие напасти. Птичницу кто-то обрюхатил. Когда они наняли женатых людей, родились дети, понаехали родственники, тетки, дядья, золовки; целая орава жила на их счет, и друзья решили по очереди ночевать на ферме.

Но по вечерам там было тоскливо. Грязная комната вызывала отвращение, да и Жермена, приносящая ужин в такую даль, всякий раз ворчала. Обманывали их напропалую. Молотильщики набивали зерном кувшины и кружки. Поймав одного из них, Пекюше с криком вытолкал его в спину:

– Мерзавец! Ты позоришь деревню, где родился на свет!

Его здесь никто и в грош не ставил. К тому же его мучила совесть при мысли о саде. Он должен посвятить все свое время, чтобы привести сад в порядок. Пускай Бувар занимается фермой. Обсудив этот вопрос, они поделили обязанности.

Прежде всего надо было позаботиться о парниках. Пекю-

ше велел построить парник из кирпича. Он сам выкрасил рамы и, опасаясь солнечных лучей, замазал мелом все стекла.

Подготавливая черенки, он осторожно срезал почку вместе с листьями. Он испробовал разные способы прививки – прививку дудкой, венчиком, щитком, глазком, английским методом. С каким старанием он прилаживал привой к дичку! Как плотно прикручивал мочалой! Как обильно обмазывал садовым варом!

По два раза в день он приносил лейку и размахивал ею над посадками, точно кадиллом. Глядя, как растения зеленеют и свежеют под мелкими водяными брызгами, он словно оживал и возрождался вместе с ними. Потом, увлекшись, он срывал сетку с лейки и поливал прямо из горлышка, обильной струей.

В глубине буковой аллеи, возле гипсовой статуи, стояла будка из бревен. Там Пекюше хранил садовые инструменты и проводил блаженные часы, сортируя семена, надписывая этикетки, расставляя в порядке горшочки с отводками. В минуты отдыха он усаживался на ящик у входа и раздумывал, как бы еще украсить сад. Перед крыльцом дома, внизу, он разбил две клумбы герани, между кипарисами и кустарником посадил подсолнухи. А так как грядки поросли лютиками и аллеи были заново посыпаны чистым песком, то их сад золотился всеми оттенками желтого цвета.

Между тем в парнике развелись личинки и, несмотря на перегной из сухих листьев, под заботливо выкрашенными

рамами и замазанными стеклами выросли какие-то жалкие, чахлые стебельки. Черенки на деревьях не привились, обмазка отклеилась, почки засохли, отводки не давали ростков, корни дичков побелели; у сеянцев был самый плачевный вид. Ветер, словно резвясь, опрокидывал подпорки у фасоли. Клубнике повредила излишняя подкормка, томатам – недостаточное пасынкование.

Пекюше загубил спаржевую капусту, брюкву, кресс-салат, которые ему вздумалось выращивать в лохани. После оттепели пропали все артишоки. Единственным утешением была капуста. На один кочан Пекюше возлагал особенно большие надежды. Он разрастался, разбухал, достиг чудовищных размеров, но оказался совершенно несъедобным. Не беда! Пекюше все равно радовался, что вырастил такое диво.

Наконец он попробовал заняться труднейшим, по его мнению, искусством – выращиванием дынь.

Он посадил семена различных сортов в плошки с перегноем и врыл их в землю внутри парника. Потом выстроил другую теплицу и пересадил туда самые сильные ростки, прикрыв их колпаками. Он действовал по всем правилам, как опытный садовод: оставил цветы, дал завязаться плодам, выбрал по одному на каждом стебле, срезав остальные, и когда дыни стали величиной с орех, просунул под кожуру дощечки, чтобы они не сгнили в навозе. Он обогревал их, проветривал, протирал носовым платком запотевшие стекла и, как только погода портилась, бежал за соломенными щитами.

По ночам он не мог заснуть от беспокойства. Случалось, даже вскакивал с постели и, наскоро натянув сапоги на босу ногу, в одной рубашке, дрожа от холода, мчался через весь сад, чтобы накрыть парник своим одеялом.

Канталупы созрели. Попробовав первую, Бувар поморщился. Вторая оказалась не лучше, третья тоже; для каждой из них Пекюше находил оправдание, вплоть до последней, которую он выбросил в окно, заявив, что ровно ничего не понимает.

А дело было в том, что он выращивал рядом разные сорта, и сахарные дыни смешались с обыкновенными, португальские – с монгольскими, соседство помидоров принесло еще больше вреда, и в результате выросли омерзительные убудки, похожие по вкусу на тыкву.

Тогда Пекюше занялся разведением цветов. Он выписал через Дюмушеля саженцы и семена, купил перегною и смело взялся за дело.

Но пассифлоры он посадил в тени, анютины глазки – на солнце, гиацинты удобрил навозом, лилии полил после цветения, погубил рододендроны, обкорнав их, подкормил фуксии костяным клеем и засушил гранатовое деревцо, поставив его на кухне, возле плиты.

Опасаясь холодов, он накрыл кусты шиповника картонными колпаками, обмазанными свечным салом, и получилось нечто вроде сахарных голов на ножках.

Георгины держались на несоразмерно высоких подпор-

ках, а между их рядами торчали кривые ветви японской софоры, которая нисколько не менялась – не гибла и не росла.

Между тем в Шавиньоле самые редкие растения должны были привиться, раз они произрастают в парижских садах, и Пекюше достал индийскую лилию, китайскую розу и эвкалипт, входивший тогда в моду. Все эти опыты провалились. Каждая неудача повергала его в недоумение.

Бувару тоже встречались немалые трудности. Друзья советовались, просматривали одну книгу за другой и, сталкиваясь с противоположными мнениями, не знали, на что решиться.

Взять хотя бы мергель. Пювис его рекомендует, а Роре отвергает.

Риефель и Риго не одобряют известь, несмотря на положительный результат, полученный Франклином.

По мнению Буvara, держать землю под паром – средневековый предрассудок. А у Леклерка приводятся случаи, когда это было необходимо. Гаспарен ссылается на некоего лионца, который пятьдесят лет выращивал хлебные злаки на одном и том же поле, что начисто опровергает теорию севооборота. Туль восхваляет вспашку в ущерб удобрению; наконец, майор Битсон отменяет и вспашку, и удобрение!

Чтобы научиться предсказывать погоду, друзья стали изучать облака по классификации Льюка Говарда. Они созерцали облака, походившие на конские гривы, на острова или на снеговые горы, и пытались отличить дождевые от перистых,

слоистые от кучевых; но формы облаков так быстро менялись, что они не успевали подобрать для них подходящее название.

Барометр их обманул, показания градусника были бесполезны; тогда они прибегли к способу, изобретенному при Людовике XV неким турецким священником. Пиявка, помещенная в банку с водой, должна была держаться на поверхности перед дождем, лежать на дне при устойчивой ясной погоде и извиваться в ожидании бури. Но атмосферные явления почти никогда не совпадали с поведением пиявки. Наши исследователи поместили в банку еще три пиявки. Все четыре вели себя по-разному.

После долгих размышлений Бувар признал, что ошибался. Поместье нуждалось в образцово поставленном хозяйстве, в применении интенсивной системы. И он вложил в это дело весь свой наличный капитал – тридцать тысяч франков.

Поддавшись влиянию Пекюше, он помешался на удобрениях. Компостная яма была заполнена ветками, кровью, требухой, перьями, всем, что попадалось под руку. Он применял в качестве удобрения фекальную жидкость, бельгийскую и швейцарскую, щелок, копченую сельдь, водоросли, тряпки; выписал гуано, попытался сам его добывать и дошел до того, что уничтожил отхожее место – моча и та не должна была пропадать даром. Во двор к нему отовсюду несли дохлых животных. Поля были усеяны кусками падали. Среди всего этого смрада Бувар ходил гоголем. Установленный на

повозке насос поливал всходы навозною жижей. А тем, кто морщился от отвращения, он говорил:

– Это же золото, чистое золото!

И сожалел, что у него мало навоза. Счастливы обитатели стран, где встречаются пещеры, полные птичьего помета!

Сурепица уродилась плохо, овес вышел посредственный, а пшеницу покупали неохотно из-за неприятного запаха. И странное дело: на Бугре, очищенном, наконец, от камней, урожай был гораздо хуже, чем прежде.

Бувар счел нужным обновить инвентарь. Купил скарификатор Гильома, экстирпатор Валькура, английскую сеялку и огромный плуг Матье де Домбаля, но работнику плуг не понравился.

– Научись сперва пользоваться им!

– Ну что ж, покажите.

Бувар пытался пахать, у него ничего не получалось, и крестьяне насмехались над ним.

Бувар никак не мог приучить поденщиков работать по сигналу, по звону колокола. Беспреданно бранил их, бегал туда, сюда, заносил выговоры в записную книжку, назначал деловые свидания, забывал о них, и голова у него пухла от широких замыслов. Он собирался разводить мак для получения опиума, а главное, астрагал, который можно продавать под названием «домашнего кофе».

Каждые две недели Бувар пускал кровь быкам, чтобы поскорее их откормить.

Он не заколол ни одной свиньи, закармливал их соленым овсом, и они плодились и множились. В свинарнике стало слишком тесно. Свиньи заполонили двор, ломали заборы, кусали людей.

Летом, в самый зной, двадцать пять овец принялись кружить на месте и вскоре околели.

На той же неделе издохло три быка, ослабевших от кровопусканий Бувара.

Для уничтожения личинок майских жуков он приказал двум работникам тащить за плугом клетку на колесиках, куда посадили несколько кур; все птицы переломали себе лапы.

Он наварил пива из листьев дубровника и напоил им жнецов вместо сидра. Начались желудочные заболевания. Дети плакали, женщины голосили, мужчины ругались. Работники пригрозили Бувару, что возьмут расчет, и он уступил.

Желая, однако, доказать безвредность своего напитка, он в их присутствии выпил сам несколько бутылок, и хотя почувствовал себя плохо, скрыл недомогание под веселой улыбкой. Он велел даже отнести это снадобье к себе домой. Вечером они пили его вместе с Пекюше, и оба расхваливали напиток. Впрочем, не выливать же было добро!

Вскоре у Бувара так разболелся живот, что Жермену послали за доктором.

Доктор – сурового вида господин с большим выпуклым лбом – прежде всего напугал Бувара. По всей вероятности, сказал он, это холерина, вызванная тем самым пивом, о ко-

тором говорят в округе. Он пожелал узнать состав питья и раскритиковал его, выражаясь по-научному и пожимая плечами. Пекюше, давший рецепт снадобья, был посрамлен.

Несмотря на пагубное применение извести, отсутствие вторичной вспашки и несвоевременное выпалывание чертополоха, Бувар получил на следующий год прекрасный урожай пшеницы. Он надумал высушить зерно посредством брожения, по голландской системе Клап-Мейера, а именно – велел скосить всю пшеницу, сложить ее в скирды и разметать их для просушки не раньше, чем начнется выделение газа; распорядившись таким образом, Бувар ушел домой, несколько не беспокоясь о дальнейшем.

На следующий день, за обедом, друзья услышали грохот барабана, доносившийся из буковой рощи. Жермена вышла узнать, в чем дело, но глашатай был уже далеко. Почти тотчас же тревожно зазвонил церковный колокол.

Бувара и Пекюше охватило беспокойство. Они вскочили из-за стола и отправились в Шавиньоль, не успев надеть шляпы, – им хотелось поскорее узнать, что случилось.

По дороге им повстречалась старуха. Она ничего не знала. Они остановили подростка.

– Кажется, где-то пожар, – сказал он.

Барабан продолжал грохотать, колокол так и заливался. Наконец, они дошли до первых деревенских домов. Еще издали лавочник крикнул им:

– У вас горит!

Пекюше заторопился, Бувар побежал рядом с ним.

– Раз, два! Раз, два! – командовал Пекюше по примеру венсенских стрелков и торопил друга.

Дорога шла в гору, возвышенность скрывала от них дали. Они поднялись на гребень, неподалеку от Бугра, и с первого взгляда уяснили себе размеры бедствия.

Все скирды пылали, как вулканы, посреди оголенной равнины, под вечерним небом.

Человек триста собралось возле самого крупного скирда; под руководством мэра Фуро в трехцветной перевязи парни с шестами и крючьями в руках раскидывали верхние снопы, чтобы спасти остальные.

Запыхавшийся Бувар чуть было не сшиб с ног стоявшую тут же г-жу Борден. Заметив одного из работников, он выбралил его за нерадивость. А между тем бедный малый, проявив излишнее усердие, побежал к себе домой, затем в церковь, наконец к Бувару, но разминулся с ним на обратном пути.

Бувар растерялся. Работники окружили его, крича все разом, а он запрещал раскидывать скирды, молил о помощи, просил принести воды, вызвать пожарных.

– Да откуда у нас пожарные? – спросил мэр.

– Если нет, так по вашей вине! – вскричал Бувар.

Он вспылил, наговорил лишнего; присутствующие поражались терпению г-на Фуро, человека с виду грубого, если судить по его толстым губам и бульдожьей челюсти.

Пожар разгорался; к скирдам уже нельзя было подойти. Солома извивалась, трещала среди ненасытного пламени, зерна пшеницы хлестали по лицу, как дробинки. Затем скирд рушился, превращаясь в огромный костер, откуда веером разлетались искры; огненные языки пробегали по этой раскаленной массе, то красной, как киноварь, то коричневой, как запекшаяся кровь. Настала ночь, подул ветер; клубы дыма окутали толпу. Только искры время от времени очерчивали черное небо.

Бувар глядел на пожар и тихо плакал. Глаза у него заплаыли, все лицо словно опухло от горя. Перебирая бахрому своей зеленой шали, г-жа Борден называла его «мой бедный друг» и пробовала утешать. Слезами горю не поможешь, с неизбежным надо примириться.

Пекюше не плакал. Очень бледный, даже посеревший, с открытым ртом и слипшимися от холодного пота волосами, он стоял в стороне и о чем-то напряженно думал. Неожиданно появился аббат и вкрадчиво зашептал:

– Это большое несчастье. Прискорбно, весьма прискорбно! Поверьте, я глубоко вам сочувствую!..

Из остальных никто не прикидывался огорченным. Люди беседовали, улыбались, грея руки у огня. Какой-то старик поднял тлеющий колос, чтобы раскурить трубку. Дети принялись плясать. А какой-то озорник закричал, что пожар – веселая штука.

– Веселье хоть куда! – отозвался Пекюше, услышавший

эти слова.

Огонь стал утихать, обгоревшие скирды съжились, и час спустя на поле остались только черные кучи, покрытые золой. Тогда люди разошлись.

Госпожа Борден и аббат Жефруа проводили до дому Буvara и Пекюше.

По дороге вдова любезно попрекнула соседа за его нелюбимость, а священник выразил крайнее удивление, что до сих пор не имел чести познакомиться с одним из своих наиболее почтенных прихожан.

Оставшись вдвоем, друзья стали искать причину пожара, но вместо того, чтобы объяснить его просто самовозгоранием сырой соломы, заподозрили злой умысел. Поджигателем был, вероятно, дядюшка Гуи или же кротолов. Полгода назад Бувар отказался от его услуг и даже заявил во всеуслышание, что уничтожение кротов – вредный промысел, и властям следовало бы его запретить. С тех пор кротолов бродил в окрестностях. Он не брил бороды и казался друзьям особенно страшным по вечерам, когда появлялся неподалеку от поместья с длинной жердью, увешанной кротолами.

Убыток оказался значительным, и, чтобы установить его размеры, Пекюше целую неделю вникал в дела Буvara, которые показались ему «сущим лабиринтом». Когда он просмотрел ежедневные записи, деловую корреспонденцию и приходо-расходную книгу, покрытую карандашными пометками и ссылками, ему открылась печальная истина: ни това-

ра для продажи, ни векселей, да и в кассе пусто. Дефицит выражался в сумме тридцати трех тысяч франков.

Бувар не поверил другу. Раз двадцать они все пересчитывали заново и приходили к тому же выводу: еще два года такого хозяйствования – и от состояния ничего не останется. Единственный выход: продать поместье.

Следовало все же посоветоваться с нотариусом. Бувару это казалось слишком тягостным. Пекюше взял переговоры на себя.

По мнению нотариуса Мареско, давать объявление о продаже не стоило. Он сам поговорит с солидными покупателями и посмотрит, какую цену они предложат.

– Превосходно, – сказал Бувар, – у нас еще есть время.

Он возьмет фермера, а там будет видно.

– Нам с тобой будет не хуже, чем прежде, только придется экономить.

Бережливость была не по вкусу Пекюше из-за его занятий садоводством, и несколько дней спустя он сказал другу:

– Лучше всего выращивать фрукты, не для удовольствия, конечно, а для заработка. Груши обходятся по три су за кило, а в столице их можно продать по пяти и даже шести франков! Садоводы так наживаются на абрикосах, что под старость получают ренту в двадцать пять тысяч ливров. В Санкт-Петербурге зимой платят по наполеондору за гроздь винограда. Согласись, что это выгодное занятие. А что для него требуется? Труд, навоз и острый садовый нож!

Он так раззадорил Буvara, что друзья тут же принялись рыться в книгах, выискивая сведения о фруктовых деревьях и, выбрав самые увлекательные названия, обратились к владельцу питомника в Фалезе, который не замедлил доставить им триста саженцев, не нашедших покупателя.

Бувар и Пекюше заказали крюки слесарю, проволоку – скобянику, подпоры – плотнику. Они предусмотрели разные формы, которые следовало придать деревьям, вплоть до формы канделябра. С этой целью они набили в стену крюков, на столбы, поставленные в начале и конце каждой грядки, натянули проволоку; обручи, положенные на землю, указывали местонахождение будущих ваз, а конусы из жердей – будущих пирамид; недаром посетителям казалось, что они видят перед собой части неведомой машины или остов фейерверка.

Когда ямы были вырыты, друзья обрезали концы всех корней подряд и погрузили деревца в компост. Полгода спустя саженцы погибли. Последовали новые заказы и новые посадки в более глубоких ямах. К этому времени земля так раскисла от дождей, что саженцы сами ушли в нее, что и спасло их от рук наших садоводов.

С приходом весны Пекюше стал подрезать грушевые деревья. Он не тронул вертикальных веток, пощадил хилые побеги; ему непременно хотелось, чтобы ветви сорта «дюшес» росли под прямым углом к стволу, на одну сторону, и в своем рвении он ломал или вырывал с корнем молодые дерев-

ца. Что до персиковых деревьев, Пекюше совсем сбился с толку и не мог различить ветвей побочных нижних, побочных верхних и вторично побочных нижних. Кроме того, ему никак не удавалось расположить деревья правильным прямоугольником, с шестью ветвями справа и шестью слева, не считая двух главных, чтобы их шпалеры напоминали красивую рыбью кость.

Бувар попробовал направлять рост абрикосовых деревьев, но они ему не повиновались. Он пригнул их стволы к земле – ни один не дал новых побегов. Из вишневых деревьев, которые он попытался привить, стал выделяться клей.

Друзья делали то слишком длинные насечки, чем губили глазки у основания ветвей, то слишком короткие, что вызывало рост ненужных веток, и часто становились в тупик, не умея отличить почек от бутонов. Сперва они радовались, что на деревьях будет много цветов, затем, поняв свою ошибку, оборвали три четверти бутонов, дабы укрепить остальные.

Только и разговору было, что о соках, о камбии, о подвязке и подрезке деревьев, об удалении глазков. Они повесили в столовой список своих питомцев под номерами, и те же номера красовались в саду на маленьких дощечках, установленных под деревьями.

Они вставали на заре и, вооружившись садовыми инструментами, трудились до позднего вечера. Ранней весной, по утрам, Бувар носил под блузой вязанный жилет, Пекюше надевал старый сюртук, и прохожие слышали, как они кашля-

ют в сыром тумане.

Иногда Пекюше вынимал из кармана книгу по садоводству; опершись на лопату, в позе садовника, изображенного на ее обложке, он изучал интересующее его место. Сходство с садовником очень льстило ему. Из-за этого он даже проникся большим уважением к автору книжки.

Бувар вечно торчал на высокой лестнице возле пирамидально остриженных деревьев. Однажды у него закружилась голова, и он еле слез с помощью Пекюше.

Наконец появились груши, созрели сливы. Пришлось охранять их от птиц, применяя все известные средства. Но куски зеркала слепили глаза им самим, трещотка ветряной мельницы будила их по ночам, а воробьи преспокойно сядились на пугало. Друзья сделали второе, третье чучело, нарядили их по-разному – никакого результата.

И все же можно было рассчитывать на сносный урожай фруктов. Пекюше только собрался порадовать этим известием Бувара, как загредел гром и полил дождь, крупный, сильный. Порывистый ветер сотрясал шпалерник. Подпорки падали одна за другой, злосчастные грушевые деревья стукались друг о друга.

Непогода застала Пекюше в саду, и он укрылся в сторожевой будке. Бувар сидел на кухне. Перед ним вихрем кружились щепки, сучья, черепицы, – даже у жен моряков, смотревших на бурные волны в десяти милях отсюда, глаза не были печальнее и сердца сжимались не сильнее, чем у Бува-

ра и Пекюше. Вдруг подпорки и перекладины второго шпалерника рухнули вместе с трельяжем на грядки.

Ну и картина представилась друзьям при осмотре сада! Вишни и сливы валялись на траве среди таявших градин. Груши «бергамот» погибли, так же как «ветераны» и «триумф». Из яблок уцелело только несколько «дедушек» и двенадцать «сосков Венеры»; весь урожай персиков лежал в лужах возле вывороченных с корнями кустов самшита.

После обеда, к которому они едва притронулись, Пекюше предложил:

– Не сходить ли нам на ферму? Как бы и там чего-нибудь не случилось!

– Зачем? Чтобы еще больше расстроиться?

– Да, пожалуй, нам в самом деле не везет.

Друзья стали сетовать на провидение и на коварство природы.

Бувар сидел, облокотясь на стол, и тихо посвистывал, а так как одна неприятность обычно вызывает в памяти все остальные, он вспомнил свои прежние сельскохозяйственные планы, в частности крахмальную фабрику и новый сорт сыра.

Пекюше шумно дышал; он запихивал себе в нос понюшки табаку и думал о своей злосчастной доле; будь судьба благосклоннее, он был бы теперь членом какого-нибудь агрономического общества, блистал бы на выставках, его имя встречалось бы в газетах.

Бувар грустно огляделся по сторонам.

– Ей-богу, я не прочь бы отделаться от всего этого и перебраться в другое место.

– Воля твоя, – отозвался Пекюше и, помолчав, добавил: – Специалисты рекомендуют избегать всяких надрезов на стволе. Надрезы мешают движению соков и наносят дереву непоправимый вред. В сущности, фруктовому дереву вообще не следовало бы плодоносить. А между тем непривитые и неунавоженные деревья дают плоды, правда, не такие крупные, как садовые, зато более сочные. Я требую, я добьюсь, чтобы мне все это объяснили! Притом не только каждый сорт, но и каждый экземпляр нуждается в особом уходе, в зависимости от климата, от температуры и множества других причин! Можно ли при таких условиях вывести общее правило, да еще надеяться на успех или доход?

– Почитай Гаспарена и увидишь, что доход не превышает обычно десятой доли капитала, – ответил Бувар. – Значит, выгоднее поместить деньги в банк. Через пятнадцать лет вклад удвоится благодаря накоплению процентов, и притом без всякого труда с твоей стороны.

Пекюше поник головой.

– Выходит, что плодоводство – чепуха!

– Да и агрономия тоже! – отозвался Бувар.

Затем они стали обвинять себя в честолюбии и решили, что отныне будут беречь и труд и деньги. Достаточно лишь время от времени подрезать фруктовые деревья. Шпалеры

вовсе не нужны, а погибшие или поваленные бурей деревья заменять не стоит. Правда, тогда появятся безобразные пустоты, если только не выкорчевать все уцелевшие деревья. Как тут быть?

Пекюше достал готовальню и начертил несколько планов. Бувар давал ему советы. Ни к какому решению они так и не пришли. К счастью, друзья обнаружили в своей библиотеке сочинение Буатара под заглавием «Садовая архитектура».

Автор делит сады на множество типов и видов. Прежде всего тип «мечтательно-романтический»: он требует иммертелей, руин, гробниц и ex-voto¹ Богоматери на том месте, где пал от руки убийцы какой-нибудь знатный сеньор. Для создания «жестокого» типа прибегают к нависшим скалам, расщепленным деревьям, обгорелым хижинам; «экзотический» тип достигается путем насаждения перуанских смоковниц, «дабы навеять воспоминания на переселенца и путешественника». «Торжественный» тип не обходится, подобно Эрменонвиллю, без храма философии. Обелиски и триумфальные арки – неперемнная принадлежность типа «величественного»; мох и гроты – типа «таинственного»; озеро – «мечтательного». Был даже «фантастический» тип, лучшим образцом которого служил некогда вюртембергский парк; вы встречали там в последовательном порядке кабана, отшельника, несколько склепов и, наконец, садились в лодку; она отплывала сама, без посторонней помощи, и доставляла вас

¹ Буквально – по обету (лат.); приношения Богоматери.

в беседку-будуар, где струи воды обдавали всякого, кто опускался на диван.

От таких чудес у Бувара и Пекюше голова пошла кругом. Им показалось, что фантастический тип приличествует только людям знатным. Храм философии – сооружение чересчур громоздкое. Изображение мадонны теряет всякий смысл из-за отсутствия убийц, а перуанские растения, на беду для переселенцев и путешественников, слишком дороги. Зато скалы вполне доступны, равно как и расщепленные деревья, иммортели, мох. И вот, с огромным воодушевлением, при помощи одного-единственного работника и за ничтожную сумму друзья создали в своей резиденции садовую архитектуру, не имевшую себе равной во всем департаменте.

Буковая аллея вела в рощу, прорезанную сетью дорожек, запутанных, как лабиринт. Было задумано соорудить посреди шпалерника небольшую арку, чтобы любоваться открывавшимся с этого места видом. Но так как арке не на чем было держаться, получился широкий проем с живописными руинами.

Друзья пожертвовали грядками спаржи, чтобы воздвигнуть этрусскую гробницу, иными словами, черный гипсовый четырехгранник шести футов высотой, похожий на собачью конуру. Четыре канадские ели стояли, как часовые, по бокам этого монумента, который предполагалось увенчать урной и украсить надгробной надписью.

В другой части сада имелся мост наподобие Риальтского;

он соединял края бассейна, пестревшие замазанными в них раковинами. Вода, правда, уходила в почву – не беда! Со временем на дне бассейна образуется слой глины, который будет ее удерживать.

С помощью цветных стекол садовая будка была превращена в деревенскую хижину. А на пригорке появилось сооружение из шести обтесанных бревен под жестяной крышей с загнутыми кверху углами, изображавшее китайскую пагоду.

Бувар и Пекюше нашли на берегу Орны гранитные валуны, раздробили их, перенумеровали, сами привезли на тележке домой, нагромоздили друг на друга, скрепили цементом, и вот посреди лужайки вырос утес, похожий на гигантскую картофелину.

И все же для полноты картины чего-то недоставало. Они срубили самую крупную липу (к тому же почти засохшую) и положили ее посреди сада; можно было подумать, что дерево вынес на берег бурный поток или повалила гроза.

Когда работа была закончена, Бувар, стоявший на крыльце, крикнул Пекюше:

– Пойди сюда! Здесь лучше видно!

– ...Видно... – повторил кто-то.

– Иду! – отозвался Пекюше.

– ...Иду!

– Слышишь, эхо!

– ...Эхо!

До сих пор они никакого эха не замечали, – очевидно, ме-

шала липа; теперь же оно появилось благодаря пагоде, стоявшей против риги, конек которой возвышался над буками.

Забавы ради друзья выкрикивали что-нибудь смешное, а Бувар придумывал игривые и даже непристойные словечки.

Он несколько раз ходил в Фалез, якобы за деньгами, неизменно возвращался с небольшими свертками и запирал их в комод. Однажды утром и Пекюше отправился в Бретвиль, вернулся оттуда очень поздно с корзиной и спрятал ее под кроватью.

Проснувшись на следующее утро, Бувар страшно удивился. Два первых дерева тисовой аллеи, еще накануне шарообразные, походили на павлинов; усиливая сходство, рожок с двумя фарфоровыми пуговицами изображал клюв и глаза. Оказывается, Пекюше встал в этот день на заре и, дрожа от страха, что Бувар его увидит, подстриг оба дерева по рисункам, присланным Дюму-шелем.

За последние полгода другие деревья той же аллеи приобрели сходство с пирамидами, кубами, цилиндрами, оленями и креслами, но ничто не могло сравниться с павлинами. Бувар признал это и расхвалил друга.

Сославшись на то, что он забыл лопату, Бувар увлек Пекюше в лабиринт; на самом деле он воспользовался отсутствием приятеля, чтобы соорудить нечто невиданное.

Калитка, выходящая в поле, была покрыта слоем гипса, а в него вмазаны в строгом порядке пятьсот трубок, изображавших абд-эль-кадеров, негров, обнаженных женщин, ло-

шадиные копыта и черепа.

– Понимаешь мое нетерпение?

– Еще бы!

От избытка чувств они обнялись.

Как всем художникам, им недоставало восторгов публики, и Бувар задумал дать званый обед.

– Берегись! – сказал Пекюше. – Не то пристрастишься принимать гостей, а это бездонная бочка!

Все же было решено устроить обед.

С тех пор, как Бувар и Пекюше поселились в этих краях, они жили очень уединенно. Желая с ними познакомиться, все соседи приняли приглашение, за исключением графа де Фавержа, вызванного по делам в Париж. Вместо него явился управляющий г-н Гюрель.

Трактирщику Бельжамбу, бывшему когда-то шеф-поваром в Лизье, было поручено приготовить различные блюда. Он же рекомендовал друзьям официанта. Жермена взяла себе в помощницы птичницу. Обещала также прийти Марианна, служанка г-жи Борден. С четырех часов пополудни ворота поместья были растворены настежь, и оба хозяина с нетерпением ожидали гостей.

Первым пришел Гюрель, но он замешкался под сенью бунков, чтобы надеть сюртук. Затем появился кюре в новой сутане, а минуту спустя г-н Фуру в бархатном жилете. Доктор вел под руку жену, которая ступала с трудом, прячась от солнца под зонтиком. За супругами колыхалась волна розо-

вых лент – это был чепчик г-жи Борден, одетой в пышное шелковое платье с отливом. Золотая цепочка от часов красовалась у нее на груди; на руках в черных митенках сверкали кольца. Наконец пожаловал нотариус Мареско в панаме и с моноклем в глазу, – официальная должность не мешала ему быть светским человеком.

Пол в гостиной был так хорошо натерт, что стал скользким, как каток. Восемь утрехтских кресел стояли вдоль стены; на круглом столе посреди комнаты возвышался погребец с ликерами, а над камином висел портрет Буvara-отца. Из-за неудачного освещения рот у него казался кривым, глаза косили, плесень, появившаяся на скулах, походила на бакенбарды. Гости нашли, что сын похож на отца, а г-жа Борден добавила, поглядывая на Буvara, что его отец был, как видно, красавец мужчина.

Ждали целый час; потом Пекюше объявил, что можно перейти в столовую.

Белые коленкоровые занавески с красной каймой были задернуты, как и в гостиной; золотистые лучи солнца падали на деревянную обшивку стен, единственным украшением которых служил барометр.

Бувар посадил обеих дам рядом с собой; Пекюше сел между мэром и кюре; обед начался с устриц; увы, они пахли тинной! Огорченный Бувар рассыпался в извинениях; Пекюше выбежал на кухню, чтобы отругать Бельжамба.

За первой переменной блюд, состоявшей из камбалы, сло-

еного мясного пирога и голубей с грибами, гости обсуждали способы приготовления сидра.

Затем разговор зашел о кушаньях удобоваримых и неудобоваримых. Разумеется, попросили высказаться доктора. Он судил обо всем весьма скептически, как человек, познавший глубины науки, но совершенно не терпел возражений.

К мясному филе было подано бургундское. Вино оказалось мутным. Бувар сослался на неудачно выбранную бутылку, велел откупорить три других, столь же мутных, затем налил гостям Сен-Жюльена, явно не перебродившего. Гости приумолкли. Улыбка не сходила с лица Гюреля. Официант громко топал по плиточному полу.

Госпожа Вокорбей, угрюмая на вид толстушка (к тому же на последнем месяце беременности), за весь вечер не раскрыла рта. Не зная, как занять соседку, Бувар заговорил о театре.

– Жена никогда не бывает в театре, – заметил доктор.

В бытность свою в Париже г-н Мареско ходил только к итальянцам.

– Ну, а я, – проговорил Бувар, – я частенько ходил в партер Водевиля смотреть фарсы.

Фуру спросил у г-жи Борден, любит ли она шутки.

– Смотря по тому, какие, – ответила она.

Мэр явно заигрывал с вдовой. Она шутливо его поддразнивала. Затем сообщила гостям рецепт приготовления корнишонов. Впрочем, хозяйственные способности г-жи Бор-

ден были общеизвестны, да и ферма ее славилась образцовым порядком.

– Не хотите ли продать свою ферму? – спросил Фуру у Бувара.

– Ей-богу, сам еще не знаю...

– Как, даже экайского участка не продадите? – подхватил нотариус. – Этот участок вам подошел бы как нельзя лучше, госпожа Борден.

– Да, но господин Бувар слишком дорого запросит, – жеманно ответила вдова.

– Быть может, его удалось бы уговорить?

– Я и пытаться не буду!

– Полно, а что, если вы его поцелуете?

– Давайте все же попробуем, – предложил Бувар и облобызал ее в обе щеки под аплодисменты собравшихся.

Почти тотчас же было откупорено шампанское; хлопанье пробок удвоило веселье. Тут Пекюше сделал знак слуге, занавески раздвинулись, и гости увидели сад.

Это было нечто ужасающее, особенно на закате солнца. Утес торчал наподобие бугра, загромождая лужайку, этрусская гробница придавила грядки шпината, венецианский мост радугой взлетал над фасолью, а хижина казалась издали черным пятном, ибо друзья для вящей поэтичности спалили ее соломенную крышу. Тисовые деревья в форме оленей и кресел тянулись вплоть до сраженной молнией липы, занимавшей пространство от аллеи до увитой зеленью беседки,

где, точно фонарики, висели помидоры. Кое-где мелькали желтые круги подсолнухов. Красная китайская пагода казалась маяком, возвышавшимся на пригорке. Озаренные солнцем клювы павлинов ярко вспыхивали, а за калиткой, с которой сбили, наконец, закрывавшие ее доски, расстилалась голая равнина.

Изумление гостей доставило истинное наслаждение Бувару и Пекюше.

Госпожа Борден пришла в восторг от павлинов, но гробница вызвала недоумение посетителей, так же как обгоревшая хижина и развалины стены. Затем все гости прошли один за другим по мостику. Чтобы наполнить бассейн, Бувар и Пекюше целое утро лили в него воду, но она просочилась между плохо пригнанными камнями, и дно было покрыто илом.

Гуляя по саду, гости позволяли себе критические замечания: «На вашем месте я сделал бы иначе». – «Зеленый горошек запоздал». – «По правде сказать, здесь у вас похоже на свалку». – «Если будете так подрезать деревья, то никогда не получите плодов».

Бувар объявил, что ему наплевать на плоды.

В буковой аллее он проговорил многозначительно:

– Мы побеспокоили одну особу. Надо попросить у нее извинения!

Шутка успеха не имела. Все знали гипсовую даму давным-давно.

Покружив по лабиринту, компания вышла к калитке с трубками. Гости изумленно переглянулись. Бувар наблюдал за выражением лиц и, горя нетерпением узнать мнение соседей, спросил:

– Как вам это нравится?

Госпожа Борден расхохоталась. Остальные последовали ее примеру. Кюре кудахтал, Гюрель кашлял, доктор вытирал слезы, у его жены сделались нервные спазмы, а Фуру – человек донельзя беззастенчивый – выломал одного Абд-эль-Кадера и положил себе в карман «на память».

При выходе из аллеи Бувар решил удивить посетителей и крикнул во все горло:

– Сударыня! К вашим услугам!

Тишина! Эхо молчало – должно быть, потому, что при перестройке риги с нее сняли высокую крышу с коньком.

Кофе был подан на пригорке: мужчины собрались было сыграть в шары, но тут все заметили, что из калитки на них глазеет какой-то человек.

Прохожий был худ, черен от загара, с темной щетинистой бородой; на нем были красные рваные штаны и синяя блуза.

– Налейте мне стакан вина, – проговорил он хрипло.

Мэр и аббат Жефруа сразу его узнали. Он работал прежде столяром в Шавиньоле.

– Ступайте с Богом, Горжю, – сказал г-н Фуру. – Просить милостыню воспрещается.

– Милостыню?! – вскричал человек вне себя. – Я семь лет

воевал в Африке. Только что вышел из госпиталя. А работы нет. Что ж мне, грабить, что ли? Пропадите вы все пропадом!

Гнев мужчины сразу улегся, и, подбоченясь, он смотрел на сытых буржуа, горько усмехаясь. Тяготы войны, абсент, лихорадка, нищенское, жалкое существование – все это читалось в его мутном взоре. Бледные губы дрожали, обнажая десны. С высокого багряного неба на него лился кровавый свет, и от того, что он упрямо стоял на месте, всем стало не по себе.

Чтобы положить этому конец, Бувар протянул ему недопитую бутылку. Бродяга жадно выпил вино и пошел прочь по овсяному полю, размахивая руками.

Поступок Буvara вызвал всеобщее осуждение. Такие побряжки только поощряют простонародье к беспорядкам. Но Бувар, раздраженный тем, что гости не оценили его сада, принял сторону народа, и все заговорили разом.

Фуро восхвалял правительство, Гюрель признавал на свете только одно – земельную собственность. Аббат Жефруа сетовал на равнодушие к религии. Пекюше обрушился на налоги. Г-жа Борден восклицала время от времени: «Ненавижу Республику».

Доктор превозносил прогресс:

– Поверьте, сударь, нам необходимы реформы.

– Вполне возможно, – ответил Фуро, – но все эти идеи вредят делам.

– Плевать мне на дела! – воскликнул Пекюше.

– По крайней мере дайте дорогу способным людям, – заметил Вокорбей.

Бувару это требование показалось чрезмерным.

– Вы так считаете? – переспросил доктор. – В таком случае грош вам цена. До свиданья! Желаю, чтобы настал потоп, а не то вам никогда не удастся поплавать на лодке в вашем бассейне.

– Разрешите и мне откланяться, – сказал г-н Фуру и, указав на свой карман, где лежала трубка с Абд-эль-Кадером, добавил: – Если мне понадобится еще одна, я к вам наведаюсь.

Перед уходом кюре робко заметил Пекюше, что находит непристойным это подобие гробницы посреди огорода. Гюрель, прощаясь, отвесил низкий поклон всем присутствующим. Г-н Мареско исчез тотчас же после десерта.

Госпожа Борден снова вдалась в подробности заготовки корнишонов, пообещала рецепт для приготовления пьяных слив и три раза прогулялась по большой аллее, но, проходя мимо поваленной липы, зацепилась за ствол подолом, и друзья услышали, как она прошептала:

– Боже мой, что за дурацкое дерево!

До полуночи оба амфитриона изливали свое негодование под сенью беседки.

Правда, обед не особенно удался, но гости набросились на угощение с такой жадностью, словно три дня ничего не ели, – значит, не так уж оно было плохо. А злосчастная критика

сада была вызвана не чем иным, как черной завистью. Все более горячась, друзья восклицали:

– Вот как! В бассейне мало воды! Погодите, будут там и рыбы и даже лебеди.

– Они едва удостоили взглядом пагоду!

– Только тупицы могут утверждать, будто руины – это свалка!

– Подумаешь, гробница непристойна! Почему непристойна? Разве люди не имеют права строить все, что угодно, на своей земле? Я даже завещаю, чтобы меня здесь похоронили.

– Не смей так говорить! – взмолился Пекоюше.

Затем друзья стали перемывать косточки гостям.

– По-моему, врач любит пускать пыль в глаза!

– А ты заметил усмешку господина Мареско перед портретом?

– Какой невежа этот мэр! Если ты обедаешь в чужом доме, черт возьми, надо с уважением относиться к его достопримечательностям.

– А что ты скажешь о госпоже Борден? – спросил Бувар.

– Типичная интриганка! Не стоит и говорить о ней.

Друзьям опротивело общество, и они решили ни с кем не встречаться, жить еще более уединенно и только для себя.

Они проводили целые дни в погребе, счищая винный камень с бутылок, наново покрыли лаком мебель, натерли пол в доме; по вечерам, глядя на горящие в камине дрова, они рассуждали о наилучшей системе отопления.

Бувар и Пекюше попытались ради экономии сами коптить окорока и кипятить белье. Жермена, которой они только мешали, пожимала плечами. Когда настала пора для варки варенья, служанка раскричалась, прогнала их, и они обосновались в пекарне.

Это помещение служило раньше прачечной; под ворохом хвороста там стоял большой чан, выложенный кирпичом, который вполне подошел для их честолюбивых замыслов самим заготавливать консервы.

Они наполнили четырнадцать банок помидорами и зеленым горошком; крышки замазали негашеной известью с примесью сыра, обвязали полосками холста и погрузили банки в кипяток. Но вода испарялась, пришлось подливать в нее холодной; от разницы температур банки лопнули. Уцелели только три.

Тогда они раздобыли старые коробки из-под сардин, напихали туда телятины, опустили коробки в кастрюлю с водой и поставили на огонь. От этой процедуры коробки раздулись, как шары. Не важно! При охлаждении они сплющатся. Продолжая свои опыты, Бувар и Пекюше заложили в другие коробки яйца, цикорий, куски омара, рыбу по-матросски, порцию супа и были горды тем, что, по примеру Аппера, «остановили круговорот времен года»; такие открытия, по словам Пекюше, важнее подвигов завоевателей.

Они усовершенствовали маринады г-жи Борден, прибавив в них перца, а пьяные сливы получились у них гораздо

вкуснее, чем у нее. Настаивая малину и полынь, они приготовили превосходные наливки. Из меда и дягиля попытались делать малагу и даже задумали производство шампанского. Бутылки шабли, разбавленного суслом, вскоре взорвались. Тогда Бувар и Пекюше перестали сомневаться в успехе.

Изыскания продолжались: друзья дошли до того, что стали подозревать вредные примеси во всех покупаемых продуктах.

Они придирались к булочнику из-за цвета хлеба. Восстановили против себя бакалейщика, обвинив его в фальсификации шоколада. Съездили в Фалез за пастой из грудной ягоды и на глазах у аптекаря разбавили ее водой. Паста приобрела вид свиной кожи, что указывало на присутствие желатина.

После этого успеха Бувар и Пекюше возгордились. Купили оборудование у обанкротившегося винокура, и вскоре у них появились сита, бочки, воронки, шумовки, весы, не считая кадки и перегонного куба, для которого понадобилась особая печка.

Разузнав, как очищают сахар, они изучили различные способы его варки. Им не терпелось увидеть в действии перегонный куб, и они занялись приготовлением ликеров высшего сорта, начав с анисовки. Но в жидкости почти всегда плавали какие-то комочки и что-то прилипало ко дну; иной раз случались ошибки в дозировке.

Повсюду блестели медные лохани, колбы вытягивали свои

длинные носы, котелки висели на стенах. Иногда один из друзей сортировал на столе травы, а другой колдовал над кадкой; они что-то размешивали и тут же пробовали полученный состав.

Бувар, мокрый от пота, работал в одной рубашке и штанах с короткими подтяжками; но по своей беспечности он либо забывал вставить решетку в перегонный куб, либо разводил слишком сильный огонь.

Пекюше производил шепотом какие-то расчеты, неподвижно сидя в своей длинной блузе, похожей на детский передник с рукавами; оба друга почитали себя серьезными учеными, занятыми полезным делом.

Под конец они изобрели ликер, которому, по их мнению, было суждено затмить все остальные. Они положат в него кориандр, как в кюммель, вишневую водку, как в мараскин, иссоп, как в шартрез, прибавят мускуса, как в веспетро, и *calamus aromaticus*, как в крамбамбуль, красный же цвет придадут ему санталом. Но под каким названием пустить в продажу новый ликер? Требовалось название легко запоминающееся и вместе с тем оригинальное. После долгих размышлений они решили окрестить его «буварином».

Поздней осенью на трех консервных банках появились пятна. Помидоры и зеленый горошек испортились. Вероятно, это зависело от укупорки. Вопрос укупорки не давал им покоя. Но для того, чтобы испробовать новые способы, не хватало денег. Ферма их разоряла.

К ним не раз являлись арендаторы, но Бувар и слышать не хотел о сдаче земли в аренду. По его указанию старший работник вел хозяйство с такой нелепой бережливостью, что урожайность падала и дела шли из рук вон плохо. Однажды, когда друзья беседовали о своем затруднительном положении, в лабораторию вошел дядюшка Гуи в сопровождении супруги, которая робко пряталась за его спиной.

Благодаря обильным удобрениям земля Бувара стала плодороднее – вот почему дядя Гуи пожелал снова заарендовать ферму. И тут же принялся хулить ее. Несмотря на все старания, говорил он, ферма вряд ли принесет доход; словом, если он и хочет взять ее, то лишь из привязанности к месту, из уважения к таким хорошим господам. Бувар и Пекюше холодно выпроводили его. Он вернулся в тот же вечер.

Тем временем Пекюше урезонил Бувара, и тот уже готов был сдать. Гуи попросил снизить арендную плату и, призывая Бога в свидетели, стал вопить о своих трудах и мучениях и превозносить свои заслуги. Когда же ему предложили назвать цену, он замолчал, насупившись, а его жена, сидевшая у двери с большой корзиной на коленях, опять начала жаловаться, кудахтая, как недорезанная курица.

Наконец арендная плата была установлена в сумме трех тысяч франков в год, на треть ниже, чем раньше. Не сходя с места, дядюшка Гуи предложил купить весь инвентарь, и торг возобновился.

Оценка инвентаря продолжалась две недели. Под конец

Бувар до смерти устал. Он уступил все за такую смехотворную цену, что Гуи вытаращил глаза, но тут же крикнул «согласен», и они ударили по рукам.

После этого хозяева пригласили арендатора закусить чем Бог послал; Пекюше расщедрился и откупорил бутылку своей малаги в надежде услышать похвалы.

Однако земледелец поморщился.

– Смахивает на лакричный сироп, – заявил он. А его жена попросила рюмку водки, «чтобы запить эту кислятину».

Но у Буvara и Пекюше были более серьезные заботы! Все составные элементы «буварина» были, наконец, собраны.

Они заложили их в перегонный куб, добавили спирту, зажгли огонь и стали ждать. Тем временем Пекюше, удрученный неудачей с малагой, вынул из шкафа жестяные коробки, вскрыл первую, затем вторую, третью. Он с яростью отшвырнул их и позвал Буvara.

Бувар закрыл кран змеевика и наклонился над консервами. Разочарование было полным. Куски телятины напоминали вареные подметки. Омар превратился в вязкую жижу. Рыбу по-матросски нельзя было узнать. Суп покрылся плесенью. Невыносимая вонь распространилась по лаборатории.

Тут раздался грохот, подобный взрыву бомбы; перегонный куб разлетелся на множество кусков, которые отскочили до самого потолка, ломая котелки, сплющивая шумовки, разбивая стаканы; уголь расшвыряло, печь обвалилась, и на следующий день Жермена нашла один шпатель во дворе.

Прибор взорвался от давления пара, а главное потому, что перегонный куб был скреплен со шлемом болтами.

Пекюше тут же присел на корточки перед чаном. Бувар рухнул на табурет. Минут десять они не шевелились и, бледные от ужаса, глядели на осколки. Когда к ним вернулся дар речи, они стали спрашивать друг друга, в чем же причина стольких неудач, особенно последней. Они ничего не понимали, кроме того, что чуть было не погибли.

– Наверное, все дело в том, что мы не знаем химии, – сказал в заключение Пекюше.

III

Для изучения химии они раздобыли учебник Реньо и узнали прежде всего, что «простые вещества могут оказаться сложными».

Вещества делятся на металлоиды и металлы, но эта классификация «не является чем-то абсолютным». То же можно сказать о кислотах и об их основаниях, ибо «одно и то же вещество бывает при одних условиях кислотой, а при других – основанием».

Это замечание показалось им нелепым. Кратные отношения смутили Пекюше.

– Допустим, что молекула вещества А соединяется с несколькими частицами вещества В; значит, эта молекула должна разделиться на такое же количество частиц; но тогда она перестанет быть чем-то цельным, иначе говоря, первоначальной молекулой. Словом, я совсем запутался.

– Я тоже, – признался Бувар.

Они обратились к более легкому автору, а именно – Жирардену и почерпнули из его труда множество сведений. Оказывается, десять литров воздуха весят сто граммов, свинец не входит в состав карандашей, алмаз есть не что иное, как углерод.

Больше всего их поразило открытие, что земля не элемент.

Они узнали кое-что о паяльной трубке, о золоте, серебре, о кипячении белья и лужении кастрюль; после этого Бувар и Пекюше храбро углубились в органическую химию.

Какое чудо, что и живые существа, и минералы состоят из одних и тех же веществ! Однако им почему-то показалось унижительным, что в их теле содержится фосфор, как в спичках, альбумин, как в яичных белках, а водород, как в отражательных фонарях.

После красок и жиров Бувар и Пекюше перешли к брожению.

Брожение привело их к кислотам, и они стали в тупик перед законом валентности, попытались разобраться в нем при помощи атомной теории и окончательно запутались.

По мнению Бувара, без опытов и приборов вообще трудно что-либо усвоить.

Но приборы стоили дорого, а они и без того истратили много денег.

По всей вероятности, просветить их мог доктор Вокорбей. Друзья явились к нему на прием.

– Слушаю вас, господа. На что жалуетесь?

Пекюше ответил, что они совершенно здоровы, и изложил цель своего визита:

– Нам хотелось бы понять прежде всего атомную теорию.

Врач сильно покраснел и осудил их намерение изучать химию.

– Я не отрицаю значения этой науки, поверьте! Но в наше

время ее суют куда надо и куда не надо! Химия оказывает пагубное влияние на медицину.

Вид окружающих предметов подтверждал слова доктора.

На камине валялись пластыри и бинты. Ящик с хирургическими инструментами занимал середину письменного стола, в углу стоял таз с зондами, а у стены находилась модель человека с обнаженными мускулами.

Пекюше расхвалил модель.

– Правда, что анатомия – увлекательное занятие?

Господин Вокорбей рассказал, какое удовольствие он испытывал в студенческие годы при вскрытии трупов; Бувар спросил его, какая разница между внутренним строением мужчины и женщины.

Желая удовлетворить любопытство гостей, врач вынул из библиотеки анатомический атлас.

– Возьмите атлас с собой! Дома вы рассмотрите его на досуге!

Скелет поразил Буvara и Пекюше. Они никак не ожидали, что у человека так сильно выступает челюсть, такие глубокие глазницы и длинные руки. Пояснительного текста не было, и они опять отправились к г-ну Вокорбею; из руководства Александра Лота они узнали, на какие части делится скелет, и поразились тому факту, что, состоя из позвонков, спинной хребет в шестнадцать раз крепче, чем если бы, по воле Творца, он был сплошным. Почему именно в шестнадцать?

Запястные мускулы вывели из терпения Буvara, а Пекю-

ше, упорно изучавший строение черепа, пал духом перед клинообразной костью, хотя она и похожа на «турецкое седло».

Суставы были скрыты под столькими связками, что друзья сразу же принялись за мускулы.

Но найти, где они прикрепляются, было нелегко, и, дойдя до позвоночных отростков, Бувар и Пекюше окончательно разуверились в анатомии.

– Не возьмётся ли нам снова за химию? Ведь недаром же мы устроили лабораторию! – предложил Пекюше.

Бувар отказался; он припомнил, что в качестве учебных пособий для жарких стран применяются искусственные трупы.

Барберу ответил на его запрос, что за десять франков в месяц можно выписать одну из моделей г-на Озу; неделю спустя посыльный из Фалеза поставил продолговатый ящик у их калитки.

Сильно волнуясь, друзья принесли ящик в пекарню. И когда были отбиты доски, снята солома и развернута папиросная бумага, их глазам предстал манекен человека. Он был кирпичного цвета, без волос, без кожи и испещрен множеством синих, красных и белых прожилок; манекен несколько не походил на труп, скорее – на игрушку, довольно безобразную, чистенькую, пахнувшую лаком.

Они сняли грудную клетку и увидели легкие, напоминавшие две губки, сердце вроде большого яйца, диафрагму, поч-

ки и целую связку кишок.

– За работу! – воскликнул Пекюше.

Друзья провели в трудах целый день до позднего вечера.

Они облеклись в халаты, как студенты в анатомическом театре, и при свете трех свечей разнимали и складывали картонные части, как вдруг кто-то забарабанил кулаком в дверь:

– Отворите!

Это был г-н Фуру в сопровождении сельского стражника.

Шутки ради хозяева Жермены показали ей «покойничка». Она тут же побежала с этой новостью к бакалейщику, и в поселке разнесся слух, что Бувар и Пекюше прячут у себя в доме настоящего мертвеца. Молва дошла до Фуру, и он пришел, чтобы лично удостовериться, соответствует ли она истине; зеваки столпились во дворе.

Когда явился Фуру, манекен лежал на боку, мускулы на его лице были сняты, отчего глаз непомерно выпятился и производил жуткое впечатление.

– Что вам угодно? – спросил Пекюше.

– Ничего, ровным счетом ничего, – пробормотал мэр и, взяв со стола одну из картонных частей, спросил: – Что это?

– Ланитная мышца, – ответил Бувар.

Фуру молчал, криво усмехаясь; втайне он завидовал друзьям, занятия которых были выше его понимания.

Оба анатома притворились, будто продолжают свои исследования. Люди, соскучившись во дворе, вошли, толкаясь, в пекарню, и стол задрожал.

– Ну это уже чересчур! – воскликнул Пекюше. – Избавьте нас от зрителей!

Стражник выпроводил любопытных.

– Превосходно, – заметил Бувар, – нам не нужны посторонние.

Фуру понял намек и спросил, имеют ли они право, не будучи врачами, держать у себя модель трупа. Впрочем, он обо всем напишет префекту.

– Что за край! Глухая провинция! Можно ли быть такими неучами, болванами, ретроgrадами?

Сравнив себя с другими, друзья возгордились; они лелеяли честолюбивую мечту пострадать ради науки.

Доктор тоже зашел к ним. Он раскритиковал манекен, сказав, что он далек от природы, но воспользовался случаем и прочел им целую лекцию.

Бувар и Пекюше слушали его как зачарованные; по их просьбе г-н Вокорбей дал им несколько книг из своей библиотеки, предупредив, однако, что ни одной книги они не дочитают до конца.

В словаре медицинских наук их поразили необычайные случаи родов, долголетия, тучности, запоров. Как жаль, что им не пришлось видеть знаменитого канадца Бомона, обжор Тарара и Бижу, женщину, больную водянкой, из Эрского департамента, пьемонтца, у которого кишечник действовал раз в двадцать дней, Симона де Мирпуа, умершего от окостенения, и ангулемского мэра, нос которого весил три фунта!

Изображение мозга вдохновило их на философские размышления. Они прекрасно различили внутри его полушарий *septum lucidum* – прозрачную перегородку и шишкообразную железу, похожую на бурую горошину; но там были, кроме того, ножки, желудочки, дуги, канатики, бугры, узлы, какие-то волокна, Паккионовы грануляции, тельца Пачини, словом, такая путаница, разобраться в которой не хватило бы целой жизни.

Иной раз в пылу увлечения они полностью разнимали модель, а потом не знали, как собрать ее разрозненные части.

Работа была нелегкая, особенно после обеда, и друзья тут же засыпали, Бувар – опустив голову и выпятив живот, Пекюше – облокотясь на стол и положив голову на руки.

Нередко, именно в эту минуту, дверь в пекарню приотворялась, и на пороге появлялся г-н Вокорбей, окончивший свой утренний обход.

– Ну, как подвигаются дела с анатомией, дорогие собратья?

– Превосходно, – отвечали они.

Тогда врач задавал друзьям вопросы просто так, ради удовольствия смутить их.

Когда Бувару и Пекюше надоедал какой-нибудь орган, они переходили к другому; так они рассмотрели и отбросили сердце, желудок, ухо, кишечник, ибо картонный человек им опротивел, несмотря на все старания им заинтересоваться. Наконец доктор застал друзей, когда они заколачивали ящик

с манекеном.

– Браво, я давно этого ожидал!

Ей-богу, в их возрасте поздно братья за ученье!

Усмешка, сопровождавшая эти слова, глубоко оскорбила Бувара и Пекюше.

По какому праву этот господин считает их неспособными к наукам? Разве анатомия – его личное достояние, разве он какое-то особое существо, на голову выше остальных? Итак, они приняли вызов и даже не поленились съездить за книгами в Байе.

Для пополнения знаний друзьям недоставало физиологии, и букинист достал им трактаты Ришерана и Аделона, широко известные в ту пору.

Все общие места о возрасте, поле, темпераменте показались им глубоко поучительными; они очень обрадовались, узнав, что в зубном камне живут три вида микробов, что вкус зависит от языка, а чувство голода – от желудка.

В своем стремлении усвоить пищеварительный процесс они сокрушались, что не умеют жевать жвачку – оказывается, этим свойством обладали Монтегр, г-н Госс и брат Бера-ра; они стали жевать медленно, размельчая и увлажняя пищу слюною, мысленно сопровождали ее на всем протяжении пути вплоть до конечного результата, и все это с редкой добросовестностью и чуть ли не с благоговением.

Им захотелось, кроме того, вызвать искусственное пищеварение, они положили кусочки мяса в склянку с желудоч-

ным соком утки, две недели таскали эту склянку под мышкой и достигли только того, что насквозь провоняли тухлым мясом.

Соседи не могли понять, зачем они бегают по дороге в мокрой одежде под палящими лучами солнца. Таким способом они хотели проверить, уменьшается ли жажда при увлажнении кожи. Друзья возвращались домой, тяжело дыша, и оба – с отчаянным насморком.

Они быстро покончили со слухом, голосом, зрением, но на детородных органах Бувар задержался.

Сдержанность Пекюше в этом вопросе всегда его удивляла. Невежество друга оказалось столь поразительным, что Бувар забросал его вопросами, и Пекюше, краснея, признался ему во всем.

Шутки ради приятели затащили его некогда в публичный дом, но он сбежал оттуда, так как хотел сохранить себя для женщины, которую полюбит впоследствии. Счастье так и не улыбнулось ему, и, несмотря на жизнь в столице, он в пятьдесят два года оставался девственником то ли из ложного стыда и недостатка в деньгах, то ли из боязни заразиться, из упрямства или по привычке.

Бувар никак не мог этому поверить, затем громко расхохотался, но тут же пересилил себя, заметив слезы на глазах Пекюше; в самом деле, любовь не миновала старого холостяка, и он не раз увлекался то канатной плясуньей, то свояченицей знакомого архитектора, то конторщицей и, наконец,

молоденькой прачкой и уже собирался на ней жениться, когда узнал, что она ждет ребенка от другого.

– Никогда не поздно наверстать упущенное. Полно, не горюй! Я все беру на себя... если хочешь, – сказал ему Бувар.

Пекюше возразил со вздохом, что теперь об этом нечего и думать, и они снова занялись физиологией.

Правда ли, что с нашего кожного покрова непрерывно испаряется влага? Доказательством служит тот факт, что с каждой минутой вес человека уменьшается. Если сумма ежедневных выделений организма равняется по весу тому, что он поглощает, здоровье будет находиться в состоянии полного равновесия. Санкториус, открывший этот закон, посвятил пятьдесят лет жизни тому, что каждый день взвешивал принимаемую им пищу, все свои выделения и себя самого и отдыхал лишь тогда, когда записывал полученные цифры.

Друзья попробовали подражать Санкториусу. Но так как весы не могли выдержать сразу двоих, к опыту приступил Пекюше.

Он разделся, дабы одежда не препятствовала процессу испарения, и встал на весы, обнажив, несмотря на свою стыдливость, длинное смуглое туловище, похожее на цилиндр, короткие ноги и плоские ступни. Сидя на стуле рядом с ним, Бувар читал вслух.

Ученые утверждают, что животная теплота увеличивается в результате сокращения мускулов и что можно повысить температуру воды в ванне, если двигать грудной клеткой и

тазом.

Бувар притащил оцинкованную ванну и, когда все было готово, погрузился в нее, вооружившись градусником.

Обломки перегонного куба, сложенные в углу, неясно вырисовывались в полумраке. Скреблись мыши; чувствовался застоявшийся запах ароматических трав; друзьям было хорошо, и они мирно беседовали.

Однако Бувар продрог.

– Подвигай руками и ногами! – сказал Пекюше.

Бувар послушался, но показания градусника не изменились.

– Мне холодно.

– Да и мне не жарко, – отозвался Пекюше, тоже ощущая озноб. – Пошевелись, поверти тазом, да как следует!

Бувар сдвигал и раздвигал ноги, ворочал торсом, надувал живот, пыхтел, как тюлень, потом смотрел на градусник: ртутный столбик все понижался.

– Ничего не понимаю! Ведь я же двигаюсь!

– Значит, недостаточно!

Бувар принимался за прежнюю гимнастику.

Она продолжалась уже три часа, когда он снова взглянул на градусник.

– Что это? Двенадцать градусов. Слуга покорный! Я вылезаю!

В эту минуту вбежала, высунув язык, рыжая шелудивая собака, помесь ищейки и дога.

Что делать? Звонка не было, да и служанка была туговата на ухо. От холода друзья стучали зубами, но не смели шевельнуться, боясь, что собака их укусит.

Пекюше попробовал было кричать и грозно таращить глаза.

Собака залаяла и стала прыгать вокруг весов, а Пекюше уцепился за веревки и, согнув колени, попытался подняться как можно выше.

– Ты не умеешь с ней обращаться, – заметил Бувар.

Он начал умильно улыбаться, называя собаку ласкательными именами.

Очевидно, собака поняла их. Она завиляла хвостом, положила лапы на плечи Бувара, царапая его когтями.

– Вот те на! Собака унесла мои штаны!

Собака легла на них и успокоилась.

Наконец, с величайшими предосторожностями один из друзей решил слезть с весов, другой – выйти из ванны; когда Пекюше оделся, ему пришла в голову новая мысль:

– А ты, песик, послужишь нам для опытов.

Каких опытов?

Можно, например, впрыснуть собаке фосфор и, заперев в погреб, посмотреть, не пойдет ли у нее огонь из ноздрей. Но как сделать впрыскивание? К тому же им никто не продаст фосфора.

Они хотели было поместить собаку под воздушный колокол, дать ей надышаться газом или напоить ядом. Но в

этом вряд ли будет что-нибудь забавное! Наконец они выбрали опыт намагничивания стали путем контакта со спинным мозгом животного.

Бувар, сдерживая волнение, подносил тарелку с иголками Пекюше, а тот втыкал их в позвонки собаки. Иголочки скользили, ломались, падали. Он брал другие, вонзал их быстро, наугад. Несчастная собака разорвала веревки, вылетела, как бомба, в окно, промчалась по двору и ворвалась в кухню через прихожую.

Увидев собаку в крови, с обрывками веревок на лапах, Жермена раскричалась.

Следом вбежали хозяева. При виде их собака удрала.

Старая служанка накинулась на господ:

– Опять ваши глупости, опять чего-то выдумали! Да и в кухню грязизища натащили! Собака еще, не дай Бог, взбесится! Давно пора вас посадить за решетку.

Бувар и Пекюше вернулись в лабораторию, чтобы испытать иголочки.

Ни одна из них не притягивала даже мельчайших металлических опилок.

Предположение Жермены испугало друзей. А вдруг собака взбесится, вернется и искусает их!

На следующий день они пошли наводить справки и долгое время спустя, завидя собаку, похожую на эту, сворачивали с дороги.

Ни один из последующих опытов не удался. Вопреки за-

верениям ученых голуби, которым друзья пускали кровь на сытый и на голодный желудок, погибали одинаково быстро. Котята, погруженные в воду, подошли через пять минут, а у гуся, которого напичкали мареною, надкостные плевы несколько не потемнели.

Проблема усвоения пищи не давала им покоя.

Каким образом из одних и тех же веществ получаются кости, кровь, лимфа, экскременты? Как проследить за превращением любого съеденного продукта? Человек, употребляющий однообразную пищу, ничем не отличается в химическом отношении от того, кто питается разнообразно. Воклен установил количество извести в овсе, которым кормили курицу; оказалось, что в скорлупе снесенных ею яиц извести больше. Следовательно, произошло созидание вещества. Каким образом? Неизвестно.

Неизвестно даже и то, как велика сила сердечной мышцы. Борелли приравнивает ее к силе, которая требуется для подъема ста восьмидесяти тысяч фунтов, а Кейл – всего-навсего к восьми унциям. Бувар и Пекюше вывели отсюда заключение, что физиология (согласно старинному изречению) просто фантастический медицинский роман. Оказавшись не в состоянии понять физиологию, они в ней разуверились.

Целый месяц друзья провели в праздности, потом вспомнили о своем саде.

Сухое дерево, лежавшее посреди сада, мешало им. Они

обтесали его, но работа их утомила. Бувару часто приходилось ходить к кузнецу и отдавать ему в починку инструменты.

Однажды на дороге к Бувару подошел человек с холщовым мешком за спиной и предложил альманахи, жития святых, образки и, наконец, руководство Франсуа Распайля под заглавием *Здоровье*.

Эта брошюра так понравилась Бувару, что он написал Барберу, прося прислать ему капитальный труд того же автора. Барберу не только доставил книгу, но и указал в письме аптеку, в которой можно купить упомянутые там лекарства.

Ясность учения пленила друзей. Все болезни происходят от червей. Черви портят зубы, прогрызают легкие, раздувают печень, разрушают кишки и вызывают в них урчанье. Камфора – лучшее средство против них. Бувару и Пекюше понравилось это лекарство. Они нюхали камфору, жевали ее, раздавали знакомым в виде сигарет, болеутоляющей микстуры и пилюль. Они взялись даже за лечение горбатого ребенка.

Этого мальчика они встретили как-то на ярмарке. Нищенка, мать ребенка, приводила его к ним каждый день утром. Друзья натирали ему горб камфорной мазью, на двадцать минут ставили горчичник, затем мягчительный пластырь и угощали своего пациента завтраком, чтобы он не сбежал.

Пекюше, интересовавшийся глистами, заметил как-то на щеке г-жи Борден странное пятно. Доктор уже давно лечил

вдовушку горькими каплями, но пятно, сначала небольшое, как монета в двадцать су, увеличилось; на нем появился розовый ободок. Друзья вызвались лечить г-жу Борден, и та дала согласие при условии, что смазывание будет делать Бувар. Она подходила к окну, расстегивала верхние пуговицы лифа и подставляла щеку Бувару, делая ему глазки, что было бы весьма опасно, не присутствуй на сеансе Пекюше. Несмотря на страх, который им внушала ртуть, они давали своей пациентке каломель, правда, в весьма скромных дозах. Месяц спустя г-жа Борден выздоровела.

Она растрогана о чудесном исцелении, и вскоре податной инспектор, секретарь мэрии, сам мэр и все жители Шавиньоля принялись сосать камфору.

Между тем спина горбатого мальчика не становилась прямее. Податной инспектор отказался от папирос с камфорой – они усиливали припадки удушья. Фуру стал ворчать, что от пилюль у него обострился геморрой; у Бувара появилась резь в животе, а у Пекюше – жестокие мигрени. Друзья потеряли веру в Распайля, но тщательно это скрывали, дабы не подорвать своего авторитета. Теперь они пристрастились к оспопрививанию, научились для практики делать надрезы на капустных листьях и даже приобрели два ланцета.

Вместе с врачом они навещали больных бедняков, затем просматривали медицинские книги.

Симптомы, описанные в этих книгах, нисколько не соответствовали тому, что они только что видели. А с названия-

ми болезней получалась какая-то мешанина латыни, греческого, французского и других языков.

Болезни насчитываются тысячами; классификация Линнея очень удобна с ее родами и видами, но как определить вид? Пришлось погрузиться в философию медицины.

Они грезили о жизненном начале Ван Гельмонта, о витализме, броунизме, органицизме; приставали к доктору, отчего бывает золотуха, какой орган поражает прежде всего заразный миазм и как отличить при заболевании причину от следствия.

– Причины и следствия перепутываются, – ответил Вокорбей.

Такое отсутствие логики возмутило их, и они стали посещать больных одни, без врача, проникая в дома под предлогом филантропии.

В нищенских комнатах на грязных тюфяках лежали больные; у одних лица были перекошенные, у других – опухшие, багровые, лимонно-желтые или фиолетовые; носы обострились, губы дрожали, слышались стоны, икота, воняло прелой кожей и старым сыром.

Бувар и Пекюше читали рецепты врачей и были весьма удивлены, что успокоительные лекарства применяются иной раз как возбуждающие, рвотные – как слабительные, что одно и то же средство дается при различных показаниях, а болезнь при противоположных способах лечения проходит сама собой.

И все же они давали советы, ободряли больных и даже брали на себя смелость их выслушивать при помощи трубки.

Воображение работало у них без усталости. Они написали королю, прося учредить в Кальвадосе учебное заведение для подготовки сиделок и предлагая себя в качестве преподавателей.

Посетили аптекаря в Байе (фалезский фармацевт все еще был на них в обиде из-за грудной ягоды) и посоветовали ему изготавливать, по примеру древних римлян, *pila purgatoria*, то есть лекарства в виде шариков, которые постепенно проникают в организм при растирании их руками.

Придя к убеждению, что понижение температуры тела благотворно влияет на воспаление внутренних органов, друзья подвесили к потолочным балкам кресло, посадили в него больную менингитом и стали ее раскачивать, но тут вернулся муж и выгнал их вон.

Наконец, невзирая на возмущение священника, они ввели новый способ ставить градусник – в задний проход.

В округе участились случаи брюшного тифа. Бувар заявил, что за это он не берется. Но тут к ним пришла вся в слезах жена фермера Гуи: ее муж болен уже две недели, а г-н Вокорбей к нему и глаз не кажет.

Пекюше принес себя в жертву.

Чечевицеобразные пятна на груди, боль в суставах, вздутый живот, ярко-красный язык – налицо были все симптомы тифозной горячки. Вспомнив указание Распайля, что с от-

менной диеты проходит и лихорадка, Пекюше прописал больному бульон и немного мяса.

Неожиданно пришел доктор.

Его пациент как раз обедал, поддерживаемый фермершей и Пекюше, с двумя подушками за спиной.

Врач подбежал к кровати и вышвырнул тарелку за окно.

– Это же настоящее убийство! – крикнул он.

– Почему?

– Вы можете вызвать прободение кишок – ведь при тифе воспаляется слизистая оболочка.

– Не всегда!

Тут завязался спор о природе тифа. Пекюше рассматривал болезнь как нечто самостоятельное. Вокорбей ставил ее в зависимость от организма больного.

– Вот почему я устраняю все, что производит раздражающее действие.

– Но диета ослабляет жизненное начало!

– Не болтайте чепухи! Что за жизненное начало? Какое оно? Кто его видел?

Пекюше смешался.

– К тому же, – продолжал врач, – Гуи не хочет есть.

Пациент кивнул головой в ночном колпаке.

– Мало ли что, он нуждается в питании.

– Нет, пульс у него девяносто восемь.

– Какое значение имеет пульс? – Пекюше сослался на авторитеты.

– Оставьте вы свои теории! – заявил доктор.

Пекюше скрестил руки на груди.

– Так, значит, вы эмпирик?

– Отнюдь нет! Но мои наблюдения...

– А если вы плохо наблюдали?

Вокорбей усмотрел в этих словах намек на случай с лишаем г-жи Борден; эта история, раздутая вдовой, до сих пор бесила его.

– Прежде всего надо иметь врачебный опыт, практику.

– Люди, совершившие революцию в науке, никогда не практиковали! Взять хотя бы Ван Гельмонта, Бургаве да и самого Брусе!

Вокорбей, не отвечая, наклонился к Гуи и спросил его, повысив голос:

– У кого из нас вы желаете лечиться?

Задремавший было больной увидел разгневанные лица и захныкал.

Жена его тоже не знала, что сказать: один был врачом, а другой, быть может, знает секрет.

– Превосходно! – заявил Вокорбей. – Раз вы колеблетесь между человеком, имеющим диплом...

Пекюше усмехнулся.

– Чему вы смеетесь?

– Диплом не всегда служит доказательством!

Вопрос стоял о заработке доктора, о его правах и авторитете. Вокорбей вспылал:

– Это мы увидим, когда вас привлекут к суду за противозаконное врачевание!

Обратившись к фермерше, он добавил:

– Ваше дело, можете отправить мужа на тот свет с помощью этого господина, но будь я проклят, если когда-нибудь переступлю порог вашего дома.

Он ушел по буковой аллее, гневно размахивая тростью.

Вернувшись домой, Пекюше нашел Бувара в большом волнении.

К нему только что приходил Фуру, доведенный до отчаяния своими геморроидальными шишками. Бувар тщетно доказывал ему, будто они предохраняют человека от прочих болезней. Фуру ничего не хотел слушать и пригрозил ему судом за причиненный ущерб. Бувар совсем растерялся.

Пекюше поделился с ним своей неприятностью, которая казалась ему гораздо серьезнее, и был несколько задет равнодушием Бувара.

На следующий день у Гуи разболелся живот. Это могло быть вызвано несварением желудка. Вероятно, Вокорбей был прав. В конце концов должен же врач понимать толк в болезнях, и Пекюше начала мучить совесть. Он боялся стать убийцей.

Из осторожности Бувар и Пекюше отказались лечить горбуна. Но его мать подняла крик – ей было обидно, что сын лишился завтрака. Коли так, незачем было гонять их каждый день из Барневаля в Шавиньоль!

Фуру вскоре успокоился, а Гуи полегчало. Теперь уже не было сомнения, что он выздоровеет; этот успех окрылил Пекюше.

– А не заняться ли нам акушерством? Сперва поучились бы на манекене...

– Довольно с меня манекенов!

– Это только половинка туловища и притом из кожи, новейшее изобретение для подготовки акушерок. Мне кажется, я сумел бы повернуть плод!

Но Бувару надоела медицина.

– Пружины жизни сокрыты от нас, болезней слишком много, лекарства не внушают доверия, а в книгах не найдешь ни одного вразумительного определения, что такое здоровье, болезнь, диатез или даже гной!

Однако от чтения медицинских книг у них зашел ум за разум.

Бувар принял самый обычный насморк за воспаление легких. Когда пиявки не облегчили колотья в боку, он поставил себе мушку; тогда начались боли в пояснице. Он решил, что у него камни в почках.

Пекюше сильно устал, подрезая ветви буков; после обеда его вырвало. Он перепугался и, заметив у себя на лице желтизну, заподозрил болезнь печени.

«Болит она у меня?» – спрашивал он себя.

И тут же почувствовал боль.

Пугая друг друга, они высовывали язык, щупали пульс,

пили то одну, то другую минеральную воду, принимали слабительное, остерегались холода, жары, ветра, дождя, мух и пуще всего сквозняков.

Пекюше вычитал где-то, что нюхать табак вредно. К тому же, если сильно чихнуть, это может повлечь за собой разрыв аневризмы, и он решил бросить пагубную привычку. Иной раз он машинально запускал пальцы в табакерку, но тут же спохватывался и укорял себя в недостатке выдержки.

Ввиду того, что черный кофе возбуждает нервы, Бувар отказался было от послеобеденной чашечки, но тогда его сразу начинало клонить ко сну, а проснувшись, он пугался, ибо продолжительный сон грозит апоплексией.

Идеалом их стал Корнаро – тот самый венецианский дворянин, который дожил до глубокой старости благодаря соблюдению особого режима. Даже не подражая ему в точности, можно все же принимать кое-какие меры, и Пекюше нашел в своей библиотеке «Руководство по гигиене» доктора Морена.

Просто удивительно, как они еще до сих пор живы! Ведь в книге были запрещены все их любимые блюда. Жермена сбилась с ног и уж не знала, что им готовить.

Любое мясо дает отрицательные последствия. Кровяная колбаса и свинина, копченая сельдь, омар и дичь «противопоказаны». Чем крупнее рыба, тем больше в ней желатина, и, следовательно, тем она тяжелее для желудка. Овощи вызывают изжогу, макароны – тяжелые сны; сыры, «взя-

тые в совокупности, плохо перевариваются». стакан воды по утрам «опасен». Название каждого напитка, каждого продукта сопровождалось предупреждением: «Вреден! Остерегайтесь! Не злоупотребляйте им! Не все его переносят!» Почему «вреден»? Что значит злоупотреблять? Как узнать, показано вам что-нибудь или противопоказано?

А какую сложную задачу представлял завтрак! Друзья перестали пить кофе с молоком из-за его вредности, а затем и шоколад, ибо шоколад – это смесь «неудобоваримых веществ». Остался только чай. Но «люди нервные должны от него отказаться». Между тем в XVII веке Декер советовал пить чай ежедневно в количестве двадцати декалитров, дабы промывать область поджелудочной железы.

Утверждение Декера поколебало их веру в Морена, тем более что тот восстает против всяких головных уборов – шляп, картузов, колпаков; это требование возмутило Пеюше.

Тогда они купили трактат Бекереля и узнали из него, что свинина – «превосходный продукт», табак совершенно безвреден, а кофе «необходим для военных».

Друзья полагали до сих пор, что сырая местность вредна для здоровья. Ничуть не бывало! Каспер считает, что она менее губительна, чем сухая. В море якобы нельзя купаться, предварительно не остынув. А вот Бежен советует бросаться в воду именно когда тебе жарко. Вино весьма полезно для желудка, если его пить после супа. Зато, по мнению

Леви, от вина портятся зубы. Наконец, фланелевый жилет – этот страж, этот блюститель здоровья, этот кумир Бувар, фланелевый набрюшник – неразлучный спутник Пекюше – признается всеми учеными без всяких оговорок излишней принадлежностью туалета, особенно для мужчин полнокровных, сангвинического темперамента.

Что же такое гигиена?

«Истина по эту сторону Пиренеев, заблуждение по другую их сторону», – утверждает Леви, а Бекерель добавляет, что гигиена – вообще не наука.

Тут уж друзья заказали себе на обед устриц, утку, свинину с капустой, крем, сладкий пирог и бутылку бургундского. Это было избавлением, отместкой за все лишения, а Корнаро они подняли на смех. Каким надо быть болваном, чтобы мучить себя по его примеру! Как глупо постоянно думать о продлении жизни! Жизнь лишь тогда хороша, когда наслаждаешься ею.

– Еще кусочек?

– Не откажусь.

– Последую и я твоему примеру!

– Пью за твое здоровье!

– А я за твое!

– И плевать нам на все!

Их возбуждение росло.

Бувар заявил, что выпьет три чашки кофе, хотя он и не военный. Надвинув картуз на уши, Пекюше беспрестанно ню-

хал табак и чихал напропалую; им захотелось шампанского, и они велели Жермене сходить за ним в кабачок. До деревни было далеко, служанка отказалась. Пекюше возмутился.

– Я приказываю вам! Слышите? Приказываю сбежать за шампанским.

Жермена повиновалась, но дала себе слово уйти от этих чудаков – уж больно они привередливы и сумасбродны.

После обеда друзья, как в былое время, отправились в беседку пить кофе с коньяком.

Жатва только что закончилась, и разбросанные по полю скирды черными шапками вырисовывались на мягком, голубоватом небе. Было тихо. Даже кузнечики не стрекотали. Природа спала. Друзья мирно отдыхали, наслаждаясь вечерним ветерком, освежавшим их разгоряченные лица.

Высокое небо было усеяно звездами; они сверкали, то выстроившись в ряд, то группами, то поодиночке, далеко друг от друга. Поток светящейся пыли, протянувшийся с севера на юг, раздваивался у них над головой. Его сияющая ткань прерывалась огромными пустотами; небосвод казался лазурным морем с архипелагами и островками.

– Сколько звезд! – воскликнул Бувар.

– Мы видим далеко не все, – отозвался Пекюше. – За Млечным Путем находятся туманности, за ними – опять звезды; самая большая из них отстоит от Земли на триста миллиардов мириаметров.

Пекюше часто смотрел в телескоп на Вандомской площа-

ди и запомнил кое-какие цифры.

– Солнце в миллион раз больше Земли, Сириус в двенадцать раз больше Солнца, кометы достигают в длину тридцати четырех миллионов лье!

– С ума можно сойти! – заметил Бувар.

Он пожалел о своем невежестве и даже выразил раскаяние, что не закончил в молодости Политехнического института.

Пекюше, найдя на небе Большую Медведицу, показал другу Полярную Звезду, созвездие Кассиопеи в форме У, яркую Вегу из созвездия Лиры, а внизу, над самым горизонтом, багрового Альдебарана.

Запрокинув голову, Бувар с трудом представлял себе треугольники, четырехугольники и пятиугольники, на которые надо разделить небосвод, чтобы легче находить звезды.

Пекюше продолжал:

– Скорость света равна восьмидесяти тысячам лье в секунду. Луч Млечного Пути доходит к нам за шесть столетий. Таким образом, видимая с Земли звезда, быть может, уже давно не существует. Иные звезды переменные, другие исчезают для нас навсегда; положение светил меняется; все движется, все проходит.

– Однако Солнце неподвижно!

– Так полагали прежде. В наше время считают, что Солнце несется с огромной скоростью по направлению к созвездию Геркулеса.

Все это нарушало представление Буvara, и после минутного раздумья он сказал:

– Наука построена на изучении одного лишь уголка вселенной. Возможно, что ее выводы не соответствуют остальному пространству, бесконечному и непостижимому.

Так беседовали Бувар и Пекюше, стоя на пригорке при свете звезд, прерывая разговор долгим молчанием.

Наконец их заинтересовал вопрос, есть ли люди на планетах. А почему бы им там и не быть? И так как все в мире гармонично, обитатели Сириуса должны быть великанами, Марса – среднего роста, а Венеры – маленького, если только они не одинаковы повсюду. В таком случае там, наверху, тоже имеются коммерсанты, жандармы, там люди торгуют, дерутся, свергают королей.

Внезапно несколько падающих звезд пронеслись по небу, описав гигантские параболы.

– Подумать только, – проговорил Бувар, – исчезают целые миры.

– Если наш мир тоже провалится в тартарары, – заметил Пекюше, – обитатели планет отнесутся к этому так же равнодушно, как мы с тобой в эту минуту. От таких мыслей пропадает всякое самомнение.

– Какая цель всего этого?

– Вероятно, и цели-то никакой нет.

– Однако...

Пекюше повторил раза два-три «однако», не зная, что ска-

зять.

– Нужды нет, мне очень бы хотелось знать, как возник мир.

– Мы найдем это, пожалуй, у Бюффона, – ответил Бувар, у которого слипались глаза. – Сил больше нет, иду спать.

Они узнали из книги «Эпохи природы», что комета, задев Солнце, отколола от него кусок, который и стал Землею. Охладились полюсы. Воды покрыли земной шар, затем схлынули, задержавшись только во впадинах; образовались материки, появились животные, потом человек.

Величие мира вызвало у них изумление, беспредельное, как и он сам.

Кругозор Бувара и Пекюше расширился. Они были горды тем, что размышляют над столь возвышенными предметами.

Минералы скоро им надоели, и, чтобы развлечься, они обратились к *Гармониям* Бернардена де Сен-Пьера.

Друзья познакомились со всевозможными гармониями – растительной, земной, воздушной, водяной, человеческой, братской и даже супружеской, прочитали, ничего не пропуская, обращения к Венере, Зефирам и Амурам. Их удивляло, что у рыб имеются плавники, у птиц – крылья, у семян – оболочка, ибо они прониклись той философией, которая верит в добродетель природы и считает ее неким св. Винцентом де Полем, без усталости сеющим добро.

Они пришли в восторг от явлений природы – смерчей, вулканов, девственных лесов и купили сочинение Делпинга

«Чудеса и красоты французской природы». В Кантале имеется три чуда, в Эро – пять, в Бургундии – всего-навсего два, зато в Дофине их целых пятнадцать. Но скоро чудес совсем не останется. Сталактитовые пещеры осыпаются, огнедышащие горы остывают, горные ледники тают, старые деревья, в дуплах которых совершались богослужения, падают под топором человека или постепенно гибнут.

После этого друзья заинтересовались животным миром.

Они вновь раскрыли своего Бюффона и подивились странным наклонностям некоторых животных.

Однако все книги, вместе взятые, не стоят личных наблюдений, и друзья стали ходить по дворам и расспрашивать крестьян, не доводилось ли им видеть, чтобы быки спаривались с кобылами, боровы – с коровами, а самцы куропаток предавались противоестественной любви.

– Что вы? Никогда! Где это видано!

Такие вопросы, особенно в устах пожилых господ, казались крестьянам смешными и неприличными.

Бувар и Пекюше пожелали сами сделать опыт противоестественной случки.

Наименее трудным показалось им спарить козла с овцой. На ферме Гуи не было козла, и они выпросили его у соседки; во время течки они заперли обоих животных в давиленью, а сами спрятались за бочками, чтобы не мешать естественному ходу вещей.

Сначала козел и овца съели по охапке сена, затем стали

жевать жвачку; овца легла и заблеяла, а бородатый, вислоухий козел, расставив кривые ноги, уставился на Бувара и Пекюше блестящими в темноте глазами.

Наконец, на третий день вечером, друзья решили прийти на помощь природе. Но козел, повернувшись к Пекюше, боднул его пониже живота, а испуганная овца принялась кружить по давилъне, как по манежу. Бувар побежал за ней, хотел удержать, но растянулся на земле – в руках у него остались клочья шерсти.

Они возобновили опыты над курами и селезнем, над догом и свиньей в надежде получить уродов путем скрещивания, ибо ничего не понимали в проблеме видов.

Вид – это группа особей, которые дают при скрещивании плодовитое потомство; однако животные, относимые к различным видам, могут скрещиваться между собой, плодиться и множиться, тогда как животные, принадлежащие к одному и тому же виду, теряют порой эту способность.

Друзья понадеялись, что разберутся в этом вопросе, изучив развитие зародышей, и Пекюше выписал через Дюмушеля микроскоп.

Бувар и Пекюше клали на стеклышко волосы, крошки табака, мушиную лапку, обрезки ногтей, но постоянно забывали вставить в инструмент то одну, то другую деталь; они суетились возле микроскопа, трясли его; затем, не видя ничего, кроме тумана, обвиняли во всем оптика. Под конец они разочаровались в микроскопе. Открытия, которые ему при-

писываются, пожалуй, не заслуживают доверия.

Вместе со счетом на микроскоп Дюмушель прислал друзьям письмо, прося их собирать для него аммониты и морских ежей – достопримечательности их края, до которых он был большой охотник. Чтобы пробудить у них интерес к геологии, он отправил им две книги: «Письма» Бертрана и «Рассуждения» Кювье о катаклизмах на земном шаре.

Прочитав эти сочинения, они представили себе такую картину:

В начале всего была необозримая водная поверхность, над которой выступали поросшие лишаями камни. Ни единого звука, ни одного живого существа – безмолвный, неподвижный и голый мир; затем в тумане, похожем на банный пар, стали вырисовываться длинные растения. Ярко-красное солнце нагрело влажную атмосферу. Загрохотали огнедышащие горы, из их недр вырвались вулканические породы, и жидкая масса порфира и базальта мало-помалу затвердела. Еще одна картина: в неглубоких морях возникли коралловые острова; на них растут пальмы. Есть там раковины величиною с большое колесо, трехметровые черепахи и ящерицы не менее шестидесяти футов в длину; амфибии вытягивают между тростниками свои страусовые шеи и раскрывают крокодиловы пасти; летают крылатые змеи. Наконец на материках появляются гигантские млекопитающие; у одних уродливые ноги, похожие на плохо обтесанные бревна, и шкура толще бронзовых плит, другие – лохматые, губастые, с пыш-

ными гривами и изогнутыми клыками. Стада мамонтов пасутся на равнинах, которые обратятся впоследствии в Атлантический океан; палеотерий – полуконь, полутапир – разрывает своим рылом муравейники на Монмартре, а гигантский олень в каштановой роще трепещет от рева пещерного медведя, которому вторит лай собаки втрое больше волка, водящейся в Боженси.

Все эти эпохи разделены между собой катаклизмами, последним из которых был наш потоп – нечто вроде феерии в нескольких действиях с человеком в апофеозе.

Друзья были поражены, узнав, что на некоторых камнях сохранились отпечатки насекомых, птичьих лап и т. п.; перелистав руководство Роре, они решили собирать окаменелости.

Как-то после обеда, когда они раскапывали булыжники на шоссе, к ним подошел кюре.

– Увлекаетесь геологией, господа? Прекрасное занятие, – вкрадчиво проговорил он.

Священник был высокого мнения об этой науке, ибо она повышает авторитет Священного Писания, доказывая истинность сказания о Всемирном потопе.

Бувар заговорил о копролитах – окаменелых испражнениях животных.

Аббат Жефруа, видимо, никогда об этом не слышал; впрочем, это дает лишний повод восхвалять премудрость провидения. Пекюше признался, что до сих пор их поиски не увен-

чались успехом, а между тем в окрестностях Фалеза должно быть множество окаменелых останков животных, как и во всех геологических породах юрского периода.

– Мне говорили, – сказал аббат Жефруа, – что где-то в Вилере была найдена челюсть слона.

Необходимые сведения мог бы сообщить его друг Ларсонер, адвокат и археолог из Лизье. Он написал историю Портан-Бесена, в которой упоминается о находке крокодила.

Бувар и Пекюше обменялись взглядом, в котором мелькнула надежда; несмотря на жару, они долго расспрашивали священника, укрывшегося от солнца под синим ситцевым зонтиком. У него была тяжелая челюсть и острый нос; он беспрестанно улыбался, склонив голову набок и полузакрыв глаза.

Церковный колокол зазвонил к вечерне.

– До приятного свидания, господа! Разрешите откланяться.

Сославшись на аббата Жефруа, друзья написали Ларсонеру и три недели прождали письма. Наконец ответ был получен.

Вилерского жителя, нашедшего в земле зуб мастодонта, звали Луи Блош; подробности неизвестны. История Портан-Бесена вошла в один из томов серии, выпущенной Лизьерским ученым обществом, но своего авторского экземпляра он никому не дает из боязни разрознить всю коллекцию. Что касается аллигатора, то он был обнаружен в ноябре

1825 года у подножия скалистого берега Ашет, в Сент-Онорине, близ Порт-ан-Бесена, в округе Байе. Далее шли уверения в совершенном почтении.

Неясность в истории с мастодонтом раздражила любопытство Пекюше. Он готов был немедленно ехать в Вилер.

Бувар отговорил его: поездка может ничего не дать, а стоить будет дорого; благоразумнее всего заранее навести справки; друзья обратились к мэру Вилера с просьбой сообщить им, что случилось с Луи Блошем. В случае если он умер, не согласятся ли его наследники по прямой или боковой линии известить их о судьбе ценной находки. Когда он ее сделал, в каком месте округа лежали эти останки далеких эпох? Есть ли надежда сделать подобные же находки в их краях? Во что обойдется наем работника с тележкой?

Но сколько они ни обращались к помощнику мэра и к первому муниципальному советнику, ответа не было. Очевидно, местные жители ревниво охраняют ценные ископаемые, скрытые в их земле. Если только они не продали их англичанам. Решено было ехать в Ашет.

Бувар и Пекюше отправились дилижансом из Фалеза в Кан. Затем одноколка доставила их из Кана в Байе, откуда они дошли пешком до Порт-ан-Бесена.

Ожидания друзей оправдались. Побережье Ашет изобиловало причудливыми камнями; расспросив хозяина постоянного двора, они скоро вышли к морю.

Отлив как раз обнажил морское дно, покрытое галькой и

водорослями.

Зеленые овраги прорезали крутой морской берег, состоявший из мягкой бурой породы, которая, отвердев, превратилась в нижних пластах в серую каменную стену. По ней беспрестанно стекали струйки воды, а вдалеке ревелось море. По временам шум моря затихал, и тогда слышалось только журчание ручьев.

Друзья то скользили по мокрым водорослям, то перепрыгивали через ямы. Бувар сел на песок у самой воды и загляделся на волны, ни о чем не думая, замороженный, обессиленный. Пекюше увлек его обратно, чтобы показать аммонит, вросший в скалу, точно алмаз – в жильную породу. Они обломали себе ногти – без инструмента нельзя было извлечь аммонит; к тому же надвигались сумерки. Небо окрасилось багрянцем, на пляж легла тень. Между черными водорослями стояли лужи воды. Море наступало на берег, пора было возвращаться.

На следующий день Бувар и Пекюше поднялись на заре и, вооружившись киркою и ломом, попробовали извлечь окаменелость; наконец, оболочка ее треснула. Это был *ammonites nodosus*, обломанный по краям, зато весом не менее шестнадцати фунтов.

– Мы должны преподнести этот экземпляр Дюмушелю! – воскликнул Пекюше в полном восторге.

Друзья нашли, кроме того, губки, теребратулы, касаток, но крокодила как не бывало! Взамен они пытались отыскать

хотя бы позвоночник гиппопотама или ихтиозавра, любую окаменелость, дошедшую до нас со времен потопа, и вдруг заметили в скале, на высоте человеческого роста, остов гигантской рыбы.

Стали совещаться, как бы достать его, не повредив.

Было решено, что Бувар высвободит окаменелость сверху, а Пекюше постарается разрушить скалу снизу, чтобы остов мог опуститься плавно, в полной сохранности.

Приостановив работу, чтобы передохнуть, они заметили у себя над головой таможенного досмотрщика в плаще – он грозно махал им рукой.

– В чем дело? Оставьте нас в покое!

И они снова принялись за дело; Бувар стоял на цыпочках и колотил скалу мотыгой; Пекюше, согнувшись в три погибели, долбил ее ломом.

Таможенник появился ниже, в овраге, и еще энергичнее замахал руками. Другьям было не до него. Окаменелость выступила из-под слоя земли, и вся глыба вздрагивала, кренилась, – вот-вот соскользнет вниз.

Неожиданно перед ними вырос другой человек с саблей на боку.

– Прошу предъявить паспорта!

Это был сельский стражник в дозоре; тут же подбежал и таможенник, спустившийся на пляж по расщелине.

– Задержите их, папаша Морен! Не то обрушится вся скала!

– Мы же копаем с научной целью! – возразил Пекюше.

В эту самую минуту огромная глыба рухнула, да так близко от них, что всех четверых чуть не завалило.

Когда пыль рассеялась, друзья обнаружили, что это не остов рыбы, а корабельная мачта; она рассыпалась в прах под сапогом таможенника.

– Мы не делали ничего дурного, – проговорил Бувар со вздохом.

– Ничего нельзя копать на территории Инженерного ведомства, – заявил стражник. – Да и кто вы такие? Я должен составить протокол.

Пекюше заупрямился, стал жаловаться на несправедливость.

– Никаких разговоров! Следуйте за мной!

Едва они вошли в гавань, как за ними увязалась толпа мальчишек. Бувар, красный, как рак, старался держаться с достоинством; Пекюше, бледный, метал кругом яростные взгляды; по правде сказать, оба незнакомца с камушками в носовых платках имели весьма подозрительный вид. Бувара и Пекюше провели на постоянный двор, хозяин которого, стоя на пороге, преграждал доступ любопытным. Тут явился каменщик и потребовал свои инструменты. Друзьям пришлось заплатить за них – новые убытки! А стражник все не возвращался! Почему? Наконец какой-то господин с крестом Почетного легиона на груди отпустил их, и они ушли, сообщив свои фамилии, имена, место жительства и пообещав быть

впредь осмотрительнее.

Помимо паспортов, им не хватало еще многого другого, и, прежде чем приступить к новым изысканиям, они просмотрели «Спутник путешественника-геолога», составленный Буэ. Главное для геолога – иметь добротный солдатский ранец, землемерную цепь, напильник, щипцы, компас и три молотка за поясом, скрытых под сюртуком, чтобы «не привлекать внимания странным видом, чего следует избегать в пути». В качестве палки Пекюше выбрал, не колеблясь, обычную туристскую палку шести футов длиной, с большим железным наконечником. Бувар предпочел трость-зонтик со съёмным набалдашником. Друзья не забыли также крепких башмаков с гетрами, двух пар подтяжек «на случай испарины», и, хотя не рекомендуется «появляться всюду в картузе», они решили не тратиться на «складные шляпы Жибюса, названные так по фамилии их изобретателя».

В том же труде были изложены правила поведения: «Знать язык страны, которую вы собираетесь посетить», – они знали этот язык. «Скромно держать себя» – такова была их привычка. «Не иметь при себе лишних денег» – ну, это проще простого. И «выдавать себя за инженера» во избежание возможных неприятностей.

– Что ж, станем инженерами!

Подготовившись таким образом, они начали совершать долгие походы, отлучались нередко на целую неделю, проводили жизнь на воздухе.

Иной раз они замечали в расщелине, на берегу Орны, среди тополей и вереска, покатые грани утесов, или же впадали в уныние, не видя на пути ничего, кроме пластов глины. Их привлекала не красота пейзажа с его перспективой и далями, не листва деревьев, шелестевшая под порывами ветра, а то, что было скрыто от глаз, что находилось в глубине, под землей; каждый холм казался им лишним доказательством всемирного потопа. Эта мания вскоре сменилась другой – увлечением эрратическими валунами. Крупные камни, одиноко торчавшие среди поля, остались, по всей вероятности, от ледникового периода, и друзья без усталости разыскивали морены и ракушечники.

Бувар и Пекюше были так странно наряжены, что их принимали за разносчиков; в ответ они выдавали себя за «инженеров» и сами пугались своих слов: ведь присвоение чужого звания могло навлечь на них неприятности.

К концу дня они изнемогали под тяжестью образцов, но отважно несли их до дому. Окаменелостями были загромождены ступени лестницы, комнаты, зала, кухня, и Жермена плакалась на обилие пыли.

Нелегко было определять названия горных пород, чтобы затем наклеивать на них ярлыки; из-за разнообразия окраски и строения они путали глину с мергелем, гранит с гнейсом, кварц с известняком.

Да и сама терминология их раздражала. К чему названия девонский, кембрийский, юрский, как будто породы, обозна-

чаемые этими словами, находятся только в Девоншире, близ Кембриджа и в горах Юра? Невозможно разобраться в этой путанице; то, что для одних геологов – система, для других – ярус, а для третьих – попросту слой. Напластования смешиваются, переплетаются; к тому же Омалиус д'Алуа предупреждает, что геологической классификации вообще не следует доверять.

Это заявление их успокоило, и, найдя известняки с полипняком в Канской равнине, глинистые сланцы в Балеруа, каолин в Сен-Блезе, оолит во всем краю и обнаружив каменный уголь в Картиныи, ртуть в Шапель-ан-Жюже, близ Сен-Ло, друзья решили совершить дальнюю экскурсию, а именно – съездить в Гавр, чтобы изучить кварц, пироморфит и киммериджскую глину.

Сойдя с парохода, они спросили, как пройти к маякам; оказалось, что на этой дороге случился обвал и идти туда небезопасно.

Тут к Бувару и Пекюше подошел владелец каретного заведения и предложил им совершить прогулки по окрестностям: Ингувиль, Октевиль, Фекан, Лильбон и, «если пожелаете, даже в Рим».

Цены он назначил баснословные, но название «Фекан» поразило друзей; ведь если сделать небольшой крюк, можно посетить Этрета, и они сели в дилижанс, чтобы отправиться сначала в наиболее отдаленный пункт – в Фекан.

В дилижансе Бувар и Пекюше, разговорившись с тремя

крестьянками, двумя пожилыми женщинами и семинаристом, храбро выдали себя за инженеров.

Дилижанс остановился возле гавани. Друзья направились к скалистому берегу и пять минут спустя уже осторожно пробирались по самому его краю в обход небольшого заливчика. Затем они увидели вход в глубокую пещеру, очень светлую, гулкую; своими высокими колоннами и ковром водорослей, покрывавшим камни, она напоминала церковь.

Это чудо природы поразило их, и во время прогулки, собирая по пути ракушки, они завели разговор на такую возвышенную тему, как происхождение мира.

Бувар склонялся к нептунизму, Пекюше, напротив, был плутонистом.

Огонь, горящий в центре земли, прорвал ее кору, приподнял почву, вызвал трещины. Это огненное ядро похоже на подземное море с приливами, отливами и бурями, и лишь тонкий слой отделяет нас от него. Если представить себе, что находится у нас под ногами, можно потерять сон. Однако жар внутри земли постепенно уменьшается, солнце гаснет, и наш мир когда-нибудь погибнет от холода. Земля станет бесплодной, дерево и уголь превратятся в углекислоту, и ни одно существо не выживет на ее поверхности.

– Нам еще далеко до этого, – заметил Бувар.

– Будем надеяться, – отозвался Пекюше.

Тем не менее этот конец мира, как бы далек он ни был, привел друзей в уныние, и теперь они молча шагали рядом

по гальке.

Скалистый берег, отвесный, белый, с черными кремнистыми прожилками, уходил вдаль, словно выгнутая крепостная стена в пять миль длиною. Дул холодный, резкий восточный ветер. Небо было серое, зеленоватое море как будто вздулось. С вершины скалы взлетали птицы и, покружившись, стремительно спускались в расщелины. По временам сорвавшийся откуда-то камень катился, подпрыгивая, вниз.

Пекюше продолжал рассуждать вслух:

– А кроме того, земля может погибнуть от какого-нибудь катаклизма! Никто не знает, каков период ее существования. Стоит лишь прорваться огню, бушующему в ее недрах, и всему придет конец.

– Но ведь он ослабевает.

– И все же острова Юлия, Монте-Нуово, да и другие тоже, образовались вулканическим путем.

Бувар вспомнил, что вычитал эти подробности у Бертра-на.

– Но таких потрясений не бывает в Европе.

– Прости, пожалуйста, вспомни хотя бы о Лиссабоне. В наших краях имеются крупные залежи каменного угля и железистого колчедана; при разложении из них выделяются газы, которые вполне могут вырваться наружу. Все действующие вулканы находятся на берегу моря.

Бувар окинул взглядом море, и ему показалось, что вдали вьется дымок.

– Поскольку остров Юлия исчез, – продолжал Пекюше, – та же участь ожидает, вероятно, и другие материки вулканического происхождения. Любой островок архипелага имеет не меньше значения, чем Нормандия и даже вся Европа.

Бувар представил себе Европу, проваливающуюся в бездну.

– Допустим, – разглагольствовал Пекюше, – что землетрясение произойдет под Ла-Маншем; воды пролива ринутся в Атлантический океан; берега Франции и Англии задрожат, пошатнутся, соединятся, и бах! – все, что там находится, будет раздавлено.

Вместо ответа Бувар так проворно помчался вперед, что вскоре на сто шагов опередил друга. Оставшись один, обуреваемый мыслями о катаклизме, он пришел в смятение. С утра он ничего не ел, в висках у него стучало. Вдруг ему почудилось, что земля дрогнула и скалы над головой накренились; как раз в эту минуту поток гравия покатился сверху.

Увидев стремительное бегство друга, Пекюше догадался о его страхе и закричал ему вдогонку:

– Постой! Постой! Земля еще не гибнет.

Пытаясь догнать Бувара, он делал огромные прыжки, опираясь на свою туристскую палку, и продолжал вопить:

– Период не завершен, земля не гибнет!

Обезумевший от страха Бувар уже не мог остановиться. Он потерял зонтик, полы его сюртука развевались, ранец подпрыгивал на спине. Казалось, будто среди скал несется

крылатая черепаха; вскоре он скрылся за высоким утесом.

Пекюше добежал, задыхаясь, до этого места, никого не нашел, вернулся обратно и решил взобраться наверх по расщелине, куда, вероятно, свернул Бувар.

Тропинка – на ней с трудом могли разойтись два человека – шла в гору уступами, блестящими, как полированный алебастр.

Поднявшись на пятьдесят футов, Пекюше захотел было спуститься. Но начался прибой, и он снова принялся карабкаться в гору.

За вторым поворотом он увидел под ногами бездну и похолодел от ужаса. Подходя к третьему повороту, он почувствовал, что ноги у него подкашиваются. Ветер свистел в ушах, под ложечкой сосало; он сел на землю, закрыл глаза, ощущая лишь учащенное биение сердца; затем, отшвырнув туристскую палку, пополз вверх на четвереньках. Три заткнутых за пояс молотка врезались ему в живот; камни, которыми были набиты карманы, колотили по бедрам; козырек фуражки лез на глаза, ветер дул все сильнее. Наконец он взобрался на плоскогорье и нашел там Бувара, который поднялся по другой, менее трудной тропинке.

Друзей подобрала проезжавшая мимо повозка. Они и думать позабыли об Этрета.

На следующий день вечером, поджидая в Гавре пароход, они прочли в газете статью под заглавием «Уроки геологии».

Эта статья, изобиловавшая фактами, освещала вопрос

так, как его понимали в те времена.

Никогда не было катаклизма, который охватил бы весь земной шар; продолжительность жизни любого вида не одинакова в различных географических зонах: в одной вид долговечнее, в другой гибнет быстрее. В породах, относящихся к одному и тому же периоду, содержатся различные ископаемые, и, наоборот, одинаковые ископаемые попадают в слоях различной давности. Папоротники отдаленных времен подобны современным папоротникам. Многие существующие ныне зоофиты встречаются в древнейших слоях земной коры. Короче говоря, ключ былых катаклизмов надо искать в нынешних изменениях. Одни и те же причины действуют теперь и действовали прежде, ибо природе несвойственны скачки, а периоды, по словам Броньяра, не что иное, как абстракция.

До сих пор Кювье был окружен для них ореолом, стоял на незыблемой высоте. Теперь их вера в него была подорвана. Порядок мироздания оказался совсем иным, и друзья потеряли уважение к этому великому человеку.

Из биографий ученых и популярных книжек они почерпнули кое-какие сведения о доктринах Ламарка и Жоффруа Сент-Илера.

Все это противоречило их прежним представлениям и учению церкви.

Бувар испытал при этом облегчение, точно освободился от пут.

– Хотел бы я послушать, что скажет теперь достопочтенный Жефруа о всемирном потопе!

Друзья застали аббата в садике, где он поджидал членов церковного совета, которые должны были обсудить с ним вопрос о приобретении нового церковного облачения.

– Что вам угодно, господа?...

– Мы пришли за разъяснением...

Первым заговорил Бувар:

– Что означают такие выражения из книги *Бытия*, как «бездна разверзлась» и «хляби небесные»? Ведь бездна не может разверзнуться и в небе нет хлябей!

Аббат опустил глаза и, помолчав, ответил, что следует делать различие между духом и буквой. Понятия, которые сначала нас смущают, становятся вполне закономерными, если в них вдуматься.

– Прекрасно, но как объяснить то место в Библии, где говорится, что дождевая вода залила величайшие горы в две мили высотой. Подумайте только: две мили! Слои воды толщиной в две мили!

Подошедший в эту минуту мэр воскликнул:

– Вот бы искупаться, разрази меня Бог!

– Согласитесь, – прибавил Бувар, – что Моисей чертовски преувеличивает.

Священник, читавший когда-то Бональда, возразил:

– Не знаю, какие соображения руководили им; вероятнее всего, желание внушить спасительный страх народам, кото-

рыми он управлял!

– Но откуда взялась такая масса воды?

– Кто знает! Воздух превратился в дождь, как это бывает постоянно на наших глазах.

В калитку вошел податной инспектор, г-н Жирбаль, с помещиком, капитаном Герто; трактирщик Бельжамб вел под руку бакалейщика Ланглуа, который передвигался с трудом из-за катара.

Не обращая на них внимания, в разговор вмешался Пекюше:

– Прошу прощения, г-н Жефруа. Вес атмосферы – и наука доказывает это – равен весу слоя воды толщиной в десять метров, который покрыл бы весь земной шар. Следовательно, если бы воздух сгустился и выпал на землю в виде дождя, это весьма мало увеличило бы массу существующих вод.

Члены церковного совета, удивленно тараща глаза, слушали Пекюше.

Священник вышел из терпения.

– Не станете же вы отрицать, что в горах были найдены раковины! Кто их туда занес, если не потоп? Ведь раковины не произрастают на грядках, как морковь!

Рассмешив этими словами собравшихся, он прибавил, поджав губы:

– Если только ваша наука не считает и это возможным!

Бувар пустился было в спор, сославшись на теорию горообразования Эли де Бомона.

– Не слышал о таком! – возразил аббат.

Фуру поспешил вставить свое слово:

– Бомон, уроженец Кана? Я как-то встретил его в префектуре!

– Но если бы ваш потоп нес с собой раковины, – не унимался Бувар, – их находили бы на поверхности Земли, а не на глубине трехсот метров.

Священник сослался на достоверность Священного Писания, на древние предания и на животных, обнаруженных замерзшими в сибирских льдах.

Но это вовсе не доказывает, что люди жили одновременно с этими ископаемыми! По утверждению Пекюше, земля гораздо старше человека.

– Дельта Миссисипи образовалась десятки тысяч лет тому назад. Наша эпоха насчитывает по крайней мере сто тысяч лет. Списки Манефона...

Появился граф де Фаверж.

При его приближении все умолкли.

– Продолжайте, пожалуйста. О чем вы говорили?

– Эти господа нападают на меня, – ответил аббат.

– Из-за чего?

– Из-за Священного Писания, граф!

Бувар тут же заявил, что в качестве геологов они вправе оспаривать религию.

– Берегитесь, дорогой мой, – заметил граф. – Вам, вероятно, известно изречение: кто мало знает, тот отходит от ре-

лигии; кто много знает, тот возвращается к ней.

И добавил высокомерно и вместе с тем по-отечески:

– Верьте мне: вы вернетесь к религии, непременно вернетесь!

– Согласен! Но можно ли верить книге, в которой говорится, будто свет был сотворен прежде солнца, словно солнце – не единственный источник света?!

– Вы забываете о северном сиянии, – заметил священник.

Не отвечая ему, Бувар стал решительно опровергать то место в Библии, где сказано, что свет был с одной стороны, а тьма с другой, что утро и вечер существовали до появления светил и что животные появились внезапно, а не эволюционным путем.

Дорожки были слишком узки, и спорщики, размахивая руками, шагали прямо по грядкам. У Ланглуа начался приступ кашля. Капитан кричал:

– Вы революционеры!

Жирбаль взывал:

– Тише! Тише! Спокойнее!

Священник возмущался:

– Да это же настоящий материализм!

Фуро уговаривал:

– Займемся лучше вопросом о церковном облачении.

– Дайте же мне договорить!

И Бувар, разгорячившись, стал доказывать, будто человек произошел от обезьяны.

Члены церковного совета переглянулись в полном недоумении, словно хотели убедиться, что они не обезьяны.

– Сравним плод человека, собаки, птицы, лягушки... – продолжал Бувар.

– Довольно!

– Я пойду еще дальше! – кричал Пекюше. – Человек произошел от рыбы!

Раздался хохот, но Пекюше не смутился:

– В Теллиамеде, арабской книге...

– За дело, господа!..

Члены церковного совета вошли в ризницу.

Друзьям не удалось посрамить аббата Жефруа, как они надеялись; поэтому Пекюше нашел в нем «нечто иезуитское».

Северное сияние все же не давало им покоя, и они обратились к руководству д'Орбиньи.

Существует гипотеза, выдвинутая для объяснения сходства окаменелых растений Баффинова залива с нынешней экваториальной флорой. Предполагается, что на месте солнца было некогда громадное светило, ныне исчезнувшее, и северное сияние есть не что иное, как оставленный им след.

Затем у них возникло сомнение относительно происхождения человека; не зная, к кому обратиться, они вспомнили о Вокорбее.

Врач не исполнил своих угроз. Как и прежде, он проходил по утрам мимо их изгороди и колотил по ней палкой, не пропуская ни одной жерди.

Бувар подкараулил его как-то и задал интересующий их вопрос по антропологии:

– Правда ли, что человеческий род произошел от рыб?

– Какая чепуха!

– Скорее всего от обезьян! Как вы полагаете?

– Прямым путем? Нет, это невозможно!

Кому верить? Ведь доктор-то не связан с религией.

Бувар и Пекюше продолжали свои изыскания, но без прежнего пыла; им надоели эоцен и миоцен, остров Юлия, сибирские мамонты и всевозможные ископаемые – эти «достовверные свидетельства минувших эпох», как называют их ученые. В один прекрасный день Бувар швырнул на землю свой ранец и заявил, что по горло сыт геологией.

– Геология слишком несовершенна! Специалистами изучены лишь несколько мест в Европе. А все остальное, включая океанские глубины, навеки останется неизвестным.

Когда же Пекюше заговорил о царстве минералов, Бувар воскликнул:

– Не верю я в царство минералов! Подумай только: в образовании кремня, мела, а быть может, и золота принимали участие органические вещества! Разве алмаз не был углем? Разве каменный уголь – не смесь различных растений? Если нагреть его – уж не помню до скольких градусов, – получим древесные опилки; значит, все проходит, все разрушается, все преобразуется. Мироздание неустойчиво, изменчиво. Лучше займемся чем-нибудь другим!

Бувар лег на спину и задремал, а Пекюше предался размышлениям, опустив голову и обхватив руками колено.

Тропинка шла среди мхов, в тени ясеней с их трепетной прозрачной листвой; в воздухе стоял пряный запах нагретой мяты, дягиля, лаванды; было душно; Пекюше, погруженный в сонную одурь, грезил о бесчисленных, рассеянных вокруг него существованиях, о жужжащих насекомых, об источниках, скрытых под травой, о соке растений, о птицах в гнездах, о ветре, облаках, обо всей природе, не пытаясь проникнуть в ее тайны, замороженный ее могуществом, подавленный ее величием.

– Пить хочется, – проговорил Бувар, проснувшись.

– И мне тоже! Хорошо бы выпить чегонибудь!

– Нет ничего легче, – заметил проходивший мимо мужчина в блузе, с доской на плече.

Друзья узнали бродягу, которого Бувар угостил как-то вином. Он, казалось, помолодел на десять лет; волосы у него были в завитках, усы напوماжены, походка вразвалку на парижский манер.

Шагов через сто он открыл ворота во двор, приставил доску к стене и ввел посетителей в просторную кухню.

– Мели! Где ты, Мели?

Появилась молоденькая девушка, выслушала приказ «нацедить винца» и вернулась к столу, чтобы прислуживать господам.

Под серым полотняным чепцом виднелись причесанные

на пробор волосы цвета спелой пшеницы. Убогое платьице плотно облегло тонкую фигуру. У девушки был правильный носик, голубые глаза, во всем ее облике было что-то милое, деревенское и простодушное.

– Славненькая девчонка, правда? – спросил столяр, когда она подавала стаканы. – Можно побожиться, что это барышня, переодетая крестьянкой! А работяга хоть куда! Бедняжечка ты моя, погоди немного: разбогатею и женюсь на тебе!

– Все-то вы глупости говорите, господин Горжю, – ответила девушка нежным голоском, растягивая слова.

В кухню вошел конюх, полез в старый сундук за овсом и с такой силой захлопнул крышку, что от нее отскочил кусочек дерева.

Горжю вспылил и принялся ругать этих нескладных «деревенских увальней»; затем встал на колени перед ларем и принялся искать поврежденное место. Пекюше подошел, чтобы помочь ему, и разглядел под слоем пыли человеческие фигуры.

Это был ларь эпохи Возрождения с витым орнаментом внизу, с виноградными лозами по углам и колонками, делившими на пять частей его лицевую сторону. Посредине была изображена Венера-Анадиомена в раковине, затем Геракл и Омфала, Самсон и Далила, Цирцея со свиньями, дочери Лота, подносящие вино своему отцу; ларь пришел в ветхость, был изъеден жучками, а правой стенки вообще не доставало. Горжю взял свечку, чтобы показать Пекюше его левую стен-

ку, на которой вырисовывалось райское дерево, а под ним Адам и Ева в крайне непристойной позе.

Бувар тоже залюбовался ларем.

– Если сундук вам нравится, его могут уступить по дешевке.

Друзья колебались: ведь ларь надо реставрировать.

Горжю с готовностью брался за это дело: он сам был краснодеревцем.

– Идемте со мной!

Он повел Пекюше во двор, где г-жа Кастильон, хозяйка, развешивала белье.

Вымыв руки, Мели взяла с подоконника кружево с коклюшками, села поближе к свету и принялась за работу.

Дверной проем служил ей как бы рамой, коклюшки скользили в руках с шелканьем кастаньет; девушка сидела неподвижно, склонив головку.

Бувар спросил, откуда она родом, кто ее родители, какое жалованье она получает.

Оказалось, что Мели сирота, приехала сюда из Уистрегама и зарабатывает один пистоль в месяц. Девушка так понравилась Бувару, что ему захотелось нанять ее в помощь старухе Жермене.

Вернулся Пекюше с фермершей, и, пока они толковали о продаже ларя, Бувар спросил шепотом Горжю, не согласится ли Мели поступить к нему служанкой.

– Понятно, согласится!

– Хорошо, – сказал Бувар, – но мне еще надо посоветоваться с другом.

– Я помогу вам, помалкивайте только из-за хозяйки.

Сделка состоялась, и ларь был куплен за тридцать пять франков. О его починке надо было условиться особо.

Как только друзья вышли во двор, Бувар сообщил о своем намерении нанять Мели.

Пекюше остановился (дабы лучше поразмыслить), открыл табакерку, заложил в нос понюшку и, высморкавшись, ответил:

– Ну что ж, превосходная мысль! Бог мой, какие тут могут быть разговоры? К тому же ты – хозяин!

Десять минут спустя Горжю показался на краю канавы и окликнул их.

– Когда принести сундук?

– Завтра.

– А как насчет другого дела?

– Согласны, – ответил Пекюше.

IV

Прошло полгода, и друзья стали занятыми археологами; их дом походил на музей.

В прихожей стояла старая деревянная балка. Геологические образцы загромождали лестницу, огромная цепь лежала на полу вдоль всего коридора.

Бувар и Пекюше сняли дверь между двумя комнатами, рядом со спальнями, заделали вход в одну из них, и получилось просторное помещение.

Переступив порог, посетитель наталкивался на каменную колоду (галло-римский саркофаг), затем взор его привлекали металлические изделия.

На стене, прямо против входа, висела грелка над таганам и каминной плитой с изображением монаха, ласкающего пастушку. На полках стояли светильники, лежали замки, болты, гайки. Пол был завален битой красной черепицей. На столе посреди комнаты были выставлены самые редкостные вещи: каркас старинного нормандского чепца, две глиняные урны, медали, бутылка опалового стекла. На спинку коврового кресла был наброшен гипюр в форме треугольника. Кусок кольчуги украшал правую перегородку, а под ним покоился на подставке уникальный экспонат – алебарда.

Во второй комнате, куда вели две ступеньки, хранились старинные книги, привезенные Буваром и Пекюше из Пари-

жа, а также книги, найденные ими по приезде в одном из шкафов. Створки этого шкафа были сняты, и он назывался у них библиотекой.

Родословное древо семейства Круамар занимало всю внутреннюю часть двери. На деревянной обшивке стены выделялся пастельный портрет дамы времен Людовика XV, а против него – портрет Буvara-отца. На камине взор привлекали черное фетровое сомбреро и огромный башмак на деревянной подошве, наполненный сухими листьями, служивший некогда птичьим гнездом.

Два кокосовых ореха (они принадлежали Пекюше с юных лет) красовались по бокам фаянсового бочонка, на котором сидел верхом тоже фаянсовый поселянин. Рядом, в соломенной корзинке, хранилась децима – медная монетка, найденная в животе утки.

Против библиотеки возвышался комод с инкрустациями из ракушек и плюшевыми украшениями. На нем стояли такие достопримечательности, как кошка с мышью в зубах (окаменелость из Сент-Аллира), шкатулка из ракушек для рукоделия и графин из-под водки с грушей сорта бонкретьен внутри.

Но лучше всего была статуя св. Петра в оконной амбразуре! Правой рукой в перчатке он сжимал ярко-зеленый ключ от рая. Его небесно-голубая риза была расшита лилиями, а темно-желтая остроконечная тиара напоминала пагоду. У святого были нарумяненные щеки, круглые большие глаза,

открытый рот и вздернутый кривой нос. Над статуей висел балдахин из старого ковра, на котором можно было разглядеть двух амуров в венке из роз, а у ее подножия возвышался, наподобие колонны, горшок из-под масла с надписью белыми буквами по шоколадному фону: «Сделан в присутствии Его Королевского Высочества герцога Ангулемского, в Нороне, 3 октября 1817 года».

Лежа в постели, Пекюше рассматривал издали все эти сокровища, а иногда уходил в спальню Буvara, чтобы удлинить перспективу.

Одно место под кольчугой оставалось свободным – оно предназначалось для ларя эпохи Возрождения.

Ларь был не закончен, Горжю все еще работал над ним в пекарне, выстругивал филенки, прилаживал их и снова разнимал.

В одиннадцать часов он завтракал, балагурил с Мели, потом исчезал и больше не показывался.

Чтобы найти мебель под стать старинному ларю, Бувар и Пекюше отправились на поиски. То, что они приносили, обычно оказывалось негодным, но им попадалось множество любопытных вещей. Пристрастившись к собиранию безделушек, они увлеклись средневековьем.

Они начали посещать соборы; высокие нефы, отражавшиеся в чашах со святой водой, витражи, сверкавшие как драгоценности, гробницы в глубине часовен, таинственный полумрак в криптах, прохлада каменных стен – все вызывало

у них восхищение и благоговейный трепет.

Вскоре оба научились разбираться в эпохах и стилях; пренебрегая объяснениями пономаря, они говорили друг другу:
– Ага! Вот романская апсида... А это двенадцатый век!
Вот опять пламенеющая готика!

Они силились понять значение вырезанных на капителях орнаментов, например, двух грифонов, клюющих дерево в цвету на колонне в Мариньи. Лица певчих с громадными челюстями, изображенные на карнизах в Фегероле, Пекюше определил как сатиру, а мужская фигура в бесстыдной позе на оконной раме в Герувиле, по мнению Буvara, доказывала, что наши предки любили непристойности.

Приятели не выносили ни малейших признаков упадка. Им всюду мерещился упадок; оштукатуренная заново стена приводила их в негодование, они громко возмущались вандализмом.

Однако их удивляло, что стиль памятников не всегда соответствует той эпохе, когда они построены. Полукруглая арка XIII века до сих пор встречается в Провансе. Стрельчатый свод, возможно, существовал с незапамятных времен. И ученые все еще спорят, какой стиль древнее – романский или готический. Такое отсутствие точных сведений крайне их раздражало.

После церкви Бувар и Пекюше начали осматривать феодальные крепости в Донфроне и Фалезе. Они восхищались пазами подъемной решетки под воротами, а взобравшись на

башню, любовались панорамой: отсюда открывался вид на всю равнину, на кровли города, перекрестки улиц, на площадь, запруженную повозками, на речку, где женщины полоскали белье. Крепостная стена обрывалась прямо в ров, заросший кустарником, и они бледнели от страха, представляя себе, как воины лезли на приступ, висая на приставных лестницах. Друзья были не прочь спуститься в подземелья крепости, но Бувару мешал его толстый живот, а Пекюше боялся змей.

Им захотелось осмотреть старинные замки в Кюнси, Бюли, Фонтенейе, Лемармионе, Аргуже. Там иногда, где-нибудь за углом, позади навозной кучи, возвышается башня времен Каролингов. Кухня с каменными скамьями напоминает о рыцарских пирах. Некоторые из этих замков все еще сохраняют грозный вид; там остались следы трех поясов укреплений, бойницы под лестницей, высокие островерхие башенки. Там есть залы, где лучи солнца, проникая через окно времен Валуа с выточенной, как слоновая кость, резной рамой, освещают рассыпанные зерна сурепицы, которые сушатся на полу. Там часовни обращены в амбары. Надписи на надгробных камнях стерлись. Посреди пустыря торчит обломок стены, сверху донизу заросший плющом, который колыхается на ветру.

Друзья охотно накупили бы множество вещей; они заглядывались то на оловянный кувшин, то на стразовую пряжку, то на ситец в крупных разводах. Удерживал их недостаток

денег.

Случайно они откопали у какого-то лудильщика в Балле-руа готический витраж, который как раз подошел по размеру к правой половине оконной рамы возле кресла. Колокольня Шавиньоля, видневшаяся вдали сквозь разноцветное стекло, казалась им теперь поразительно красивой.

Горжю смастерил из нижней стенки какого-то шкафа аналой и поставил перед окном – он всячески поощрял их одержимость.

Этих маньяков интересовали даже те памятники, о которых никто ничего не знал, например, загородная резиденция епископов в Сезе.

В Байе, по свидетельству археолога де Комона, в древности существовал театр. Они бросились туда, но не обнаружили никаких следов.

Возле деревни Монреси есть знаменитый луг, где некогда откопали множество древних монет. Они надеялись собрать там обильную жатву. Но сторож даже не пустил их туда.

Не повезло им и в розысках канала между водоемом в Фалезе и предместьем Кана. Утки, которых туда пустили, якобы выплыли в Воселе, крикая «кан, кан, кан», откуда и произошло название города.

Никакие хлопоты их не пугали, никакие жертвы не останавливали.

Согласно преданию, в 1816 году, в Мениль-Вилемане, г-н Галерон позавтракал на постоялом дворе, заплатив четыре

су. Они заказали там те же блюда, но обнаружили с удивлением, что времена изменились и цены тоже.

Кто основал аббатство Св. Анны? Есть ли родство между моряком Онфруа, привезшим в XII веке новый сорт картофеля, и Онфруа, который стал губернатором Гастингса после его завоевания? Где раздобыть величайшую редкость – «Коварную гадалку», комедию в стихах некоего Дютрезора, написанную в Байе? При Людовике XIV некий Герамбер Дюпати или Дюпастис Герамбер написал нигде не опубликованный сборник анекдотов об Аржантане; как разыскать эти анекдоты? Какова судьба рукописных мемуаров г-жи Дюбуа де ла Пьер, которыми пользовался в неизданной истории Легля викарий Сен-Мартена, Луи Даспре? Сколько проблем надо разрешить, сколько фактов установить!

Ведь нередко какая-нибудь мелкая подробность приводит к открытиям необычайной ценности.

И вот, снова облачившись в блузы, чтобы не вызывать подозрений, они стали ходить по домам под видом коробейников и скупать старые бумаги. Им продавали макулатуру целыми охапками. Но это были ученические тетради, счета, старые газеты – словом, всякий хлам.

Наконец Бувар и Пекюше обратились к Ларсонеру.

Тот был поглощен историей кельтов и, ответив им вкратце, сам засыпал их вопросами.

Сохранились ли в их округе следы культа пса, которые наблюдают в Монтаржи? Какие интересные подробности заме-

чали они на празднествах «огни св. Иоанна», в свадебных обрядах, в народных поговорках и т. п.? Ученый даже поручил им собрать для него несколько кремневых топориков, так называемых *celtae*, которыми пользовались друиды во время «кровавых жертвоприношений».

Горжю притащил им целую дюжину топориков; они отослали Ларсонеру один похуже, остальными украсили свою коллекцию.

Они обходили комнаты музея с гордостью, сами обметали пыль, хвастались всем знакомым каждой новинкой.

Однажды после полудня к ним пришли г-жа Борден и г-н Мареско, чтобы осмотреть достопримечательности музея.

Бувар их встретил и стал давать объяснения, начиная с прихожей.

Вон та балка – не что иное, как перекладина старой фалезской виселицы; продавший ее столяр доподлинно знает это со слов своего деда.

Толстая цепь в коридоре найдена в подземной темнице Тортевальской башни. Нотариус возразил, что точно такие же цепи повсюду висят на тумбах у подъездов, но Бувар был убежден, что к ней приковывали узников в темнице. Потом он распахнул дверь в первую залу.

– Зачем столько черепиц? – воскликнула г-жа Борден.

– Чтобы нагревать парильню. Но давайте осматривать все по порядку. Вот этот саркофаг мы отыскивали на постоялом дворе, где он служил для водопоя.

Тут Бувар приподнял две урны с землей, то есть с прахом покойника, и, поднеся к глазам флакон, показал, как римляне, скорбя об усопшем, лили туда слезы.

– Но у вас тут все так печально, так уныло! – вздохнула г-жа Борден.

Бувар согласился, что это зрелище слишком мрачно для дамы, и вынул из коробки несколько медных монет и серебряный динарий.

Г-жа Борден спросила нотариуса, сколько бы это стоило на нынешние деньги.

Нотариус, рассматривая кольчугу, нечаянно уронил ее на пол, рассыпав несколько колец. Бувар постарался скрыть свою досаду.

Желая оказать любезность гостям, он даже снял со стены алебарду и, размахивая ею, приседая, топая ногой, показал, как отсекают поджилки у коня, колют штыком, разят врага. Вдова нашла, что он молодец хоть куда.

Она восхитилась комодом из ракушек. Сент-аллирская кошечка ее поразила, груша в графине впечатления не произвела. Подойдя к камину, она пошутила:

– О, этот головной убор нуждается в починке!

Поля шляпы были прострелены тремя пулями.

Бувар объяснил, что это шляпа атамана разбойников Давида из Базока; во время Директории он был предан и убит на месте.

– Туда ему и дорога! – заключила г-жа Борден.

Мареско, осматривая коллекцию, презрительно усмехался. Он не понимал, для чего хранить деревянный башмак, служивший когда-то вывеской у сапожника, и что хорошего в фаянсовом бочонке, в обыкновенном кувшине для сидра, а на св. Петра с его пьяной физиономией было, по правде говоря, противно смотреть!

– Вам он, должно быть, дорого обошелся, – заметила г-жа Борден.

– О нет, не слишком, не слишком.

Им уступил его за пятнадцать франков какой-то кровельщик.

Потом она возмутилась неприличным декольте дамы в пудреном парике.

– Что тут дурного! – возразил Бувар. – Зачем скрывать то, что красиво?

И добавил шепотом:

– Вы сложены не хуже, я уверен!

Нотариус стоял к ним спиной, изучая генеалогическое древо рода Круамаров. Ничего не ответив, вдова принялась играть длинной часовой цепочкой. Грудь ее вздымалась под черной тафтой корсажа, и, слегка прищулив глаза, склонив голову, как голубка, она спросила наивным тоном:

– Как звали эту даму?

– Это неизвестно. Она была любовницей регента, – помните, того, кто столько распутничал?

– Еще бы, в мемуарах той эпохи...

Не dokonчив фразы, нотариус выразил сожаление, что принц крови, раб своих страстей, подавал столь дурной пример.

– Полноте, все вы, мужчины, одинаковы!

Оба кавалера горячо запротестовали; завязался разговор о женщинах, о любви. Мареско уверял, что существует много счастливых браков; порою вы даже не подозреваете, что счастье совсем рядом, под рукой. Намек был слишком прозрачен. Вдова густо покраснела, но тут же оправилась.

– Не правда ли, господин Бувар, мы уже вышли из возраста, когда совершают безумства?

– Э, нет, я еще за себя не ручаюсь!

Предложив ей руку, он повел ее в следующую комнату.

– Не споткнитесь, здесь ступеньки. Вот так. Теперь полюбуйтесь на витраж.

Они различили на стекле фигуру ангела с двумя крыльями, в пурпурном плаще. Все остальное сливалось под свинцовыми бляшками, скреплявшими многочисленные трещины. Спустились сумерки, протянулись тени, г-жа Борден стала серьезной.

Бувар исчез и вернулся закутанный в шерстяное одеяло, затем преклонил колени перед аналоем, закрыл лицо руками, раздвинул локти; лучи заходящего солнца освещали его плешь, и он спросил, довольный произведенным эффектом:

– Не правда ли, я похож на средневекового монаха?

Запрокинув голову, закатив глаза, он как бы застыл в мо-

литвенном экстазе. В коридоре раздался густой бас Пекюше:

– Не бойся, это я.

Он торжественно вошел в комнату; на голове у него была каска, – чугунок с остроконечными ушками.

Бувар не вставал с колен. Двое гостей продолжали стоять. На минуту все застыли на месте, оторопев.

Г-жа Борден поздоровалась с Пекюше довольно сухо. Тем не менее он осведомился, всё ли ей показали.

– Кажется, всё.

Он указал на пустую стену.

– Извините, вот здесь мы поставим замечательную вещь, которую еще реставрируют.

После этого вдова Борден и г-н Мареско удалились.

Бувар и Пекюше стали втихомолку соперничать друг с другом. Они отпраплялись на поиски поодиночке, и каждый, стараясь превзойти другого, хвастался своими находками. Пекюше только что приобрел каску.

Бувар поздравил его и удостоился похвалы за одеяло.

Мели, с помощью шнурков, смастерила из него монашескую сутану. Они надевали ее по очереди, принимая гостей.

Их посетили Жирбаль, Фуру, капитан Герто, потом менее важные лица – Ланглуа, Бельжамб, их фермеры и даже соседские служанки. И всякий раз хозяева повторяли свои объяснения, показывали место, где будет стоять пресловутый ларь, скромничали, просили извинения за беспорядок.

Пекюше в дни приемов щеголял в феске зуава, привезен-

ной из Парижа, считая, что она больше подходит к их живописной обстановке. Некоторое время спустя он надевал каску, сдвинув ее на затылок, чтобы оставить открытым лицо. Бувар не упускал случая показать упражнения с алебардой; наконец они переглядывались, спрашивая друг друга, достоин ли гость того, чтобы ему представили «средневекового монаха». Как они взволновались, когда перед воротами остановился кабриолет графа де Фавержа! Он заявил, что приехал лишь на минуту. Вот в чем дело в двух словах:

Гюрель, его поверенный, сообщил, что, собирая документы, они скупили старые рукописи на ферме Обри.

Друзья подтвердили этот факт.

Так вот, не попались ли им письма бывшего адъютанта герцога Ангулемского, барона де Гонневалея, который гостил в Обри? По семейным обстоятельствам он хотел бы получить эту корреспонденцию.

Нет, таких писем у них нет, но графа может заинтересовать одна вещь, если он соблаговолит последовать за ними в библиотеку.

Никогда еще в коридоре не скрипели такие изящные лакированные сапоги. Граф споткнулся о саркофаг, чуть не раздавил несколько черепиц, задел кресло, спустился по двум ступенькам и вошел во вторую комнату. Там, под балдахином, возле св. Петра, ему показали горшок для масла, изготовленный в Нороне.

Бувар и Пекюше были уверены, что дата сама по себе

должна произвести впечатление.

Именитый гость из вежливости осмотрел весь музей. Он повторял: «Любопытно. Очень мило!», похлопывая себя по губам набалдашником трости. Он поблагодарил их от себя лично за то, что они спасли и сохранили обломки средневековья, славной эпохи расцвета религии и рыцарской доблести. Он уважал прогресс и посвятил бы себя, подобно им, этим интересным изысканиям, но политика, муниципальный совет, сельское хозяйство – множество дел занимают все его время.

– Впрочем, после вас все равно ничего не останется: ведь скоро вы вычерпаете до дна все достопримечательности в нашем департаменте.

– Скажу без ложной скромности, мы тоже так думаем! – подтвердил Пекюше.

Однако кое-что еще можно отыскать в Шавиньоле; например, в переулочке за кладбищенской стеной с незапамятных времен лежит зарытая в земле чаша для святой воды. Хозяев очень заинтересовало это сообщение; они обменялись взглядом, спрашивая друг друга: «Стоит ли этим заняться?», но граф уже направился к выходу.

Мели, которая подслушивала за дверью, мигом исчезла.

Проходя по двору, граф заметил Горжю, который курил трубку, скрестив руки на груди.

– У вас работает этот парень? Ну-ну! В случае беспорядков я бы его поостерегся.

Граф де Фаверж сел в свою двуколку.

Почему служанка так его испугалась?

В ответ на расспросы она сказала, что работала у него на ферме. Это была та самая девчонка, которая при них, два года назад, поила сидром косарей. Ее наняли было прислуживать в замке, но скоро уволили: «Кто-то ее оклеветал».

Горю им тоже не в чем было упрекнуть. Он был мастер на все руки, а к ним относился с большим уважением.

Наутро, едва рассвело, они отправились на кладбище.

Бувар начал стучать тростью по земле в указанном месте; звякнуло что-то твердое. Они выкопали сорняки и увидели каменную чашу, купель, дно которой заросло травой.

Между тем ведь не полагается зарывать купели вдали от церкви!

Пекюше набросал рисунок, Бувар сделал точное описание, и они отправили все это в письме к Ларсонеру.

Тот ответил немедля:

«Ура, дорогие собратья! Это, несомненно, друидическая чаша!»

Тем не менее он предостерегал их от ошибок. Топорик, присланный ими, весьма сомнителен, и ради них самих, как и ради себя, он прислал им целый список книг для изучения.

В постскриптуме Ларсонер выражал желание самому взглянуть на чашу в ближайшие дни, во время путешествия по Бретани.

Бувар и Пекюше, не теряя времени, углубились в изуче-

ние кельтской археологии.

Согласно этой науке, древние галлы, наши предки, поклонялись божествам Кирку и Крону, Таранису Эзусу, Неталемнии, небу и земле, ветру, воде, а сверх того великому Тевтату, который у язычников назывался Сатурном. Сатурн, будучи властителем Финикии, взял в жены нимфу по имени Анобрет, которая родила сына Иеуда. У Анобрет есть общие черты с Саррой, Иеуда заклала в жертву (или чуть не заклала), как Исаака. Итак, Сатурн – это Авраам, откуда следует, что религия галлов имеет сходство с религией иудеев.

Общество галлов было превосходно устроено. К первой касте принадлежал народ, старейшины и царь, ко второй – законники, а к третьей, самой высшей, – по утверждению Тайепье – «разного рода жрецы и философы», то есть друиды или сарониды, делившиеся, в свою очередь, на эвбагов, бардов и ватов.

Одни пророчествовали, другие пели, третьи учили ботанике, врачеванию, истории и литературе, короче говоря, «всем искусствам той эпохи». Пифагор и Платон были их учениками. Они же обучили греков метафизике, персов – колдовству, этрусков – гаданию по внутренностям, а римлян – лужению меди и копчению окороков.

Но от этого народа, владыки древнего мира, остались одни камни, которые торчат стоямя, либо по одному, либо по трое, либо образуют галерею или замкнутый круг. Бувар и Пекюше, полные рвения, изучили поочередно камень Поста

в Юси, парный камень в Гесте, камень Дарье в окрестностях Легля и прочие и прочие!

Все эти глыбы, одинаково неинтересные, быстро им надоели. Однажды, осмотрев менгир в Пасе, они уже было повернули назад, но проводник повел их в буковый лес, заваленный гранитными глыбами то в виде пьедесталов, то в виде чудовищных черепках.

В самой огромной было выдолблено что-то вроде купели. Один край был приподнят; со дна чаши два желобка, вытесанные в камне, спускались до земли: это, без сомнения, предназначалось для стока крови. Природа не могла создать такой диковины!

Древесные корни оплетали эти причудливые цоколи. Моросил дождь; вдали, словно огромные привидения, вздымались клочья тумана. В густой листве им чудились фигуры жрецов в белых одеяниях и золотых тиарах, их несчастные жертвы со связанными за спиной руками, друидесса, склонившаяся над чашей и следящая за кровавым ручьем; им слышался рев толпы, гром кимвалов, звон трубы из рогов зубра.

Они тут же приняли решение.

Однажды лунной ночью они отправились на кладбище крадучись, точно воры, прячась в тени домов. Ставни повсюду были заперты, в хижинах все спали; ни один пес не залаял.

Они взяли с собой Горжю и втроем принялись за работу. Слышно было, как стучат камешки под ударами заступа, ко-

павшего дерн.

Им было не по себе от близкого соседства с покойника-ми; часы на колокольне издавали заунывный хрип, а круг-лое окно на церковном фронто-не, точно человеческий глаз, как будто следило за осквернителями святыни. Наконец они унесли купель.

На другой день они зашли на кладбище посмотреть, не осталось ли следов ограбления.

Аббат, прохладившийся на пороге дома, просил их ока-зать ему честь своим посещением; он провел их в небольшую залу, как-то странно на них поглядывая.

На буфете, среди тарелок, стояла суповая миска, распи-санная желтыми цветами.

Пекюше, не зная, как завязать разговор, расхвалил ее.

– Это старый руанский фаянс, – сказал священник, – из фамильного сервиза.

Знатоки высоко его ценят, особенно г-н Мареско. Сам же он, слава Тебе, Господи, не питает слабости к ценным вещам.

Так как они не понимали, к чему он клонит, аббат объ-явил, что своими глазами видел, как они выкапывали кре-стильную купель.

Оба археолога, весьма смущенные, что-то лепетали в свое оправдание. Ведь купелью уже давно никто не пользовался.

Мало ли что! Они должны ее вернуть.

Ну, разумеется! Но пусть им хотя бы разрешат позвать ху-дожника, чтобы тот срисовал купель.

– Так и быть, господа.

– Пусть это останется между нами, хорошо? – попросил Бувар. – Тайна исповеди!

Священник, улыбаясь, успокоил их.

Они боялись не столько аббата, сколько Ларсонера. По приезде в Шавиньоль он будет выклянчивать у них чашу, все разболтает, и слухи дойдут до властей. Ради предосторожности они спрятали купель в пекарню, потом в беседку, в садовую будку, в шкаф. Горжю выбивался из сил, перетаскивая ее с места на место.

Обладая такой редкостью, грешно было не увлечься кельтскими древностями Нормандии.

Оказывается, все они египетского происхождения. Город Сез, в Орнском департаменте, пишется иногда Саис, как город в дельте Нила. Галлы клялись именем быка – египтяне поклонялись быку Апису. Латинское название жителей Байе, байокасты, происходит от *Belī casa*, обиталища и святилища бога Бэла. Бэл и Осирис – одно и то же божество. «Вполне вероятно, – пишет Мангон де ла Ланд, – что в окрестностях Байе некогда находились друидические памятники». «Эта местность, – добавляет г-н Русель, – напоминает тот край, где египтяне построили храм Юпитеру-Аммону». Следовательно, там существовал храм, а в нем были заключены сокровища. Во всех кельтских памятниках хранились сокровища.

В 1715 году, как утверждает дон Мартен, некий сеньор

Герибель производил раскопки в окрестностях Байе и нашел несколько глиняных урн с костями; он пришел к заключению (на основе чьих-то свидетельств и местных преданий), что здешний некрополь помещался на горе Фаунус, где погребен Золотой телец.

Однако же Золотого тельца предали сожжению и поглотили, если верить Библии!

Первым делом надо выяснить, где находится гора Фаунус. Авторы не дают никаких указаний. Местные жители ничего о ней не слыхали. Необходимо произвести здесь раскопки; с этой целью Бувар и Пекюше отправили г-ну префекту докладную записку, но ответа не получили.

Может быть, гора Фаунус исчезла, и это был не холм, а курган? Что представляют собою курганы?

Во многих из них находили скелеты, лежавшие в той же позе, как зародыш во чреве матери. Значит, гробница служила для них как бы второй утробой, где они готовились к новой жизни. Следовательно, курган – это символ женского органа, так же как камень, воздвигнутый стоймя, – органа мужского.

И действительно: там, где сохранились менгиры, процветал фаллический культ. О том свидетельствуют старинные обряды в Геранде, Шишбуше, Круазике, Ливаро. В древности башни, пирамиды, свечи, придорожные столбы и даже деревья служили эмблемой фаллоса; теперь Бувару и Пекюше повсюду чудились фаллосы. Они собирали вальки от ко-

лясок, ножки стульев, засовы от погребов, аптекарские пестики. Всем посетителям они задавали вопрос:

– На что это похоже, по-вашему?

Потом разъясняли невеждам значение символа и в ответ на протесты снисходительно пожимали плечами.

Как-то вечером, когда они изучали верования друидов, в комнату тихонько вошел аббат.

Они тут же повели его в музей и начали с окна, где красовался витраж; им не терпелось показать свою новую коллекцию фаллосов. Священник остановил их, назвав эту выставку неприличной. Он пришел с требованием вернуть ему крестильную купель.

Бувар и Пекюше умолили его потерпеть еще две недели, чтобы сделать слепок.

– Чем скорее, тем лучше, – сказал аббат.

И заговорил о другом.

Пекюше, отлучившись на минуту, сунул ему в руку двадцать франков.

Священник отшатнулся.

– Берите! Это для ваших бедняков!

Жефруа, покраснев, спрятал золотую монету в карман суктаны.

Вернуть чашу, чашу для жертвоприношений? Ни за что на свете! Они собирались даже изучить древнееврейский, который был праязыком кельтских языков, а может быть, напротив, сам от них произошел. Они мечтали объездить всю Бре-

тань, начиная с Ренна, где должны были встретиться с Ларсонером и совместно исследовать урну, упоминаемую в трудах Кельтской академии, урну, как полагают, с прахом царицы Артемизии... Но тут к ним бесцеремонно ввалился мэр, даже не снимая шляпы, и объявил со своей обычной грубостью:

– Ну, голубчики, так не годится. Давайте ее сюда!

– О чем вы? Что такое?

– Не прикидывайтесь дурачками! Я-то знаю, где она у вас спрятана.

Кто-то их предал.

Бувар и Пекюше стали уверять, что купель хранится у них с разрешения священника.

– Это мы еще проверим.

Фуру ушел.

Через час он вернулся.

– Священник ничего вам не разрешал. Я требую объяснений.

Приятели заупрямились.

Во-первых, эта купель никому не нужна; во-вторых, это вовсе и не купель. Они могут это доказать множеством научных доводов. Наконец, они обязуются написать в завещании, что чаша принадлежит общине.

Затем они предложили ее купить.

– К тому же это моя собственность! – твердил Пекюше.

Ведь Жефруа принял от него двадцать франков – вот и

доказательство! И если их вызовут к мировому судье, – тем хуже для священника: он принесет ложную присягу!

Пока решалось дело, Пекюше несколько раз ходил смотреть на суповую миску, и в нем все сильнее разгоралось желание завладеть ею. Если ему отдадут миску, он согласен вернуть купель. Если нет – пусть пеняют на себя.

Устав от споров или из боязни скандала, Жефруа уступил.

Суповая миска заняла достойное место в их коллекции рядом с кошуазским чепцом. Купель украсила церковную паперть; отдав ее, друзья утешались мыслью, что жители Шавиньоля даже не подозревают, какая это ценность.

Заполучив супницу, они увлеклись собиранием фаянса: новый предмет для изучения, новый повод рыскать по окрестностям.

В те годы было в моде собирать старую руанскую посуду. Нотариус подобрал недурную коллекцию, что создало ему репутацию художественной натуры, не подходящую для его профессии, но он искупал это серьезностью и рассудительностью.

Проведав, что Бувар и Пекюше присвоили суповую миску, нотариус предложил обменять ее на что-нибудь другое.

Пекюше отказал наотрез.

– Не хотите – не надо.

Мареско обследовал их керамику.

По стенам были развешаны фаянсовые блюда с синими узорами на грязно-белом фоне, рога изобилия зеленоватых и

красноватых оттенков, бритвенные тазики, тарелки и блюда – предметы, за которыми они долго охотились и приносили к себе под полой сюртука, прижимая к сердцу.

Мареско кое-что похвалил, заговорил о других сортах фаянса, испано-арабском, голландском, английском, итальянском, ослепив их своей эрудицией.

– Кстати, дайте взглянуть еще разок на вашу миску!

Постучав по ней пальцем, нотариус стал рассматривать буквы на расписной крышке.

– Это руанская марка! – пояснил Пекюше.

– Что вы! У руанского завода, собственно говоря, не было марки. Пока не прославился Мутье, весь французский фаянс делали в Невере. Так же обстоит дело и с Руаном. К тому же в Эльбефе его превосходно имитируют.

– Быть не может!

– Майолики очень легко подделать! Ваша супница не имеет никакой цены. Хорошо, что я не сваял дурака!

Когда нотариус ушел, Пекюше в изнеможении повалился в кресло.

– Незачем было возвращать купель, – упрекнул его Бувар, – вечно ты увлекаешься, вечно ты решаешь сгоряча.

– О да, я слишком увлекаюсь.

Схватив суповую миску, Пекюше швырнул ее подальше от себя, за саркофаг.

Бувар спокойно подобрал осколки; через некоторое время у него блеснула догадка:

– А ведь Мареско, может быть, все наврал из зависти!

– Не может быть!

– Кто мне докажет, что суповая миска не подлинная? А те вещи, какие он нарочно расхваливал, они-то как раз и поддельные.

Весь вечер прошел у них в спорах и горьких сожалениях.

Все же не стоило из-за этого отменять путешествие по Бретани. Они даже решили взять с собой Горжю, чтобы тот помогал им при раскопках.

С некоторых пор Горжю ночевал у них в доме, якобы для того, чтобы поскорее закончить починку ларя. Уезжать ему вовсе не хотелось; послушав их разговоры о менгирах и погребениях в Бретани, он вмешался.

– Я знаю места получше, – заявил он. – В Алжире, на юге, возле источников Бу-Мурзуг, таких погребений сколько угодно.

Он рассказал, как при нем случайно вскрыли гробницу, в которой скелет сидел на корточках, точно обезьяна, обхватив руками колени.

Ларсонер, которому они написали об этом, не поверил ни единому слову.

Бувар, развивая ту же тему, забросал археолога вопросами.

Как могло случиться, что памятники галлов столь примитивны, между тем как сами галлы в эпоху Юлия Цезаря были цивилизованным народом? По-видимому, памятники оста-

лись от более древних племен.

Подобная гипотеза, по словам Ларсонера, указывала на недостаток патриотизма.

Пусть так! И все же ничто не доказывает, что эти памятники созданы галлами. «Укажите нам источники!»

Ученый муж рассердился и перестал отвечать; Бувар и Пекюше были даже довольны: им до смерти надоели друиды.

Должно быть, они потому запутались в керамике и в кельтских древностях, что не знали истории, в частности – истории Франции.

В их библиотеке нашлось сочинение аббата Анкетилия. Но вереница «ленивых» меровингских королей не заинтересовала их, а гнусные козни их майордомов ничуть не возмущали. Наскучив нелепыми рассуждениями Анкетилия, они отбросили книгу.

Они запросили Дюмушеля: «Какую историю Франции лучше всего прочесть?»

Дюмушель записался от их имени на абонемент в библиотеке и прислал им письма Огюстена Тьерри и два тома сочинений Женуда.

По мнению этого автора, основные принципы, на коих зиждется история Франции – королевская власть, религия, национальные собрания, – восходят к эпохе Меровингов; Каролинги отступили от этих принципов, Капетинги, в согласии с народом, старались их восстановить. При Людовике XIII была установлена абсолютная власть, чтобы победить

протестантизм, последний оплот феодализма, а 89-й год снова возвращает нас к государственному строю наших предков.

Пекюше эти идеи привели в восторг.

Бувар, прочитав Огюстена Тьерри, отнесся к ним с пренебрежением.

– Что ты порешь чепуху! Какая там французская нация, раз не было еще ни Франции, ни национальных собраний! И Каролинги вовсе ничего не узурпировали. А короли и не думали освобождать коммуны! Читай сам.

Пекюше признал правоту Бувара и вскоре превзошел его в строгости научных терминов. Он счел бы для себя позорным сказать «Шарлемань» вместо «Карл Великий» или «Кловис» вместо «Хлодвиг».

И все же его соблазняла теория Женуда, который так искусно сочетал начало и конец истории Франции, что середина потеряла всякое значение. Чтобы окончательно в этом удостовериться, они принялись читать Бюше и Ру.

Однако высокопарные предисловия, идеи социализма попеременно с догматами католичества вскоре им опротивели; обилие мелких подробностей мешало видеть целое. Они обратились к трудам Тьера.

Это было летом 1845 года; они сидели в саду, в беседке. Пекюше, поставив ноги на скамеечку, без усталости читал вслух своим глухим голосом, лишь изредка делая перерыв, чтобы взять понюшку табака. Бувар слушал его, попыхивая труб-

кой, расставив ноги, расстегнув пояс панталон.

В детстве они слышали рассказы стариков о 93-м годе, и эти воспоминания, почти что личные, оживляли вялые описания автора. В те времена по большим дорогам шли солдаты, распевая Марсельезу. Женщины, сидя на пороге домов, сшивали парусину для палаток. Порой на улицу врывалась толпа в красных колпаках, потрясая пикой, на которой насажена была отрубленная голова, мертвенно-бледная, с развевающимися волосами. На высокой трибуне Конвента, в облаке пыли, яростно вопили ораторы, требуя смертных приговоров. Проходя мимо Тюильрийского пруда, люди слышали среди бела дня стук гильотины; казалось, будто забивают сваи.

А здесь, в беседке, ветерок играл виноградными листьями, неподалеку колыхался спелый ячмень, свиристели дрозды. Осматриваясь кругом, друзья наслаждались тишиной и спокойствием.

Какая досада, что в самом начале революции не удалось достигнуть согласия! Если бы роялисты мыслили как патриоты, если бы королевский двор был не столь лицемерен, а его противники не так жестоки, многих несчастий удалось бы избежать.

Рассуждая о революции, они спорили и горячились. Бувар более либеральный, с чувствительным сердцем, стоял за конституцию, Жиронду, Термидор. Желчный, властолюбивый Пекюше объявил себя санкюлотом и даже последовате-

лем Робеспьера.

Он одобрял смертную казнь короля, самые жестокие декреты, культ Верховного существа. Бувар предпочитал культ Природы. Он охотно поклонялся бы изображению толстой цветущей женщины, лишь бы из ее сосков изливалась не вода, а бургундское вино.

Чтобы подкрепить свои доводы новыми фактами, они достали множество исторических трудов: Монгаяра, Прюдона, Галлуа, Лакретеля и других; противоречия в этих книгах немало их не смущали. Каждый извлекал то, что подтверждало его взгляды.

Бувар, например, нисколько не сомневался, что Дантон был подкуплен и за сто тысяч экую проводил законы, губительные для Республики, а Пекюше уверял, будто Верньо получал за предательство по шести тысяч франков в месяц.

– Никогда в жизни! Объясни-ка лучше, за что сестра Робеспьера получала пенсию от Людовика XVIII?

– Ничего подобного! Не от Людовика, а от Бонапарта, и, коли на то пошло, скажи: с какой это особой Филипп Эгалите имел тайное свидание перед казнью? Я добьюсь, чтобы переиздали мемуары госпожи Кампан и восстановили все абзацы, вымаранные цензурой! Смерть дофина кажется мне весьма подозрительной. Когда взорвался пороховой склад в Гренеле, погибло две тысячи человек! А причина якобы неизвестна – что за вздор!

Сам-то Пекюше догадывался о причине; он объяснял все

преступления гнусными происками аристократов, чужеземным золотом.

У Бувара не вызывали сомнения ни слова «Вознеситесь на небо, сын святого Людовика!», ни рассказы о верденских девах или о штанах из человеческой кожи. Он принял на веру подсчеты Прюдона – ровно один миллион жертв.

Но сообщение о том, будто Луара была красной от крови от Сомюра до Нанта на протяжении восемнадцати миль, заставило его призадуматься. Пекюше тоже в этом усомнился, и они перестали слепо доверять историкам.

Для одних революция – бедствие, козни дьявола. Для других – великое, необычайное событие. Победенных с обеих сторон и те и другие писатели, разумеется, объявляют мучениками.

Тьерри утверждает, говоря о варварах, что бессмысленно допытываться, был ли тот или иной правитель плохим или хорошим. Отчего не применить тот же метод для изучения более современной эпохи? Между тем в истории обычно злодейство отомщено, порок наказан, и мы благодарны Тациту за то, что он изобличил Тиберия. Однако не все ли равно, имела королева любовников или нет, замышлял ли Дюмурье предательство в битве при Вальми, кто первый начал в прериале – Гора или Жиронда, а в термидоре – якобинцы или Равнина? В конце концов какое значение это имеет для истории революции, причины которой глубоки, а следствия неисчислимы?

Допустим, она должна была совершиться и привести к тому, к чему привела; но предположите, что королю удалось бежать, Робеспьер спасся, а Наполеон убит, – что зависело от случайностей, от менее бдительного трактирщика, от незапертой двери, от заснувшего часового, – и судьбы мира сложились бы иначе.

Под конец Бувар и Пекюше, окончательно запутавшись, ничего не могли сказать с уверенностью о людях и событиях той эпохи.

Чтобы судить о ней беспристрастно, следовало бы прочесть все исторические труды, все мемуары, газеты и подлинные документы, ибо малейший пропуск может повести к ошибке, ошибка к заблуждению и так без конца. Пришлось от этого отказаться.

Но у них уже развился вкус к истории, стремление к истине ради нее самой.

Быть может, легче найти ее в истории древнего мира? Писатели, далекие от тех времен, должны говорить о них беспристрастно. И они принялись читать доброго старого Роллена.

– Какая белиберда! Какой сумбур! – вскричал Бувар, прочтя несколько страниц.

– Погоди немного, – отозвался Пекюше, роясь на нижних полках в шкафу прежнего владельца, старого чудака, весьма образованного юриста.

Перебрав множество романов и пьес, вперемежку с тома-

ми Монтескье и переводами Горация, он нашел то, что искал: труды Бофора по римской истории.

Тит Ливий считает основателем Рима Ромула. Саллюстий приписывает эту честь Энею с троянцами. Кориолан, по словам Фабия Пиктора, умер в изгнании, а если верить Дионисию, был убит по наущению Аттия Тулла. Сенека утверждает, что Гораций Коклес вернулся после победы невредимым, а Дион – что он был ранен в ногу. Ла Мот ле Вайе отмечает подобные же противоречия и в истории других народов.

Ученые не согласны во мнениях о древности халдеев, о веке Гомера, о жизни Заратустры, о двух Ассирийских царствах. Квинт Курций сочинял басни, Плутарх уличал во лжи Геродота. О Цезаре мы имели бы совсем другое представление, если бы *Записки о Галльской войне* написал Верцингеторикс.

Древняя история темна из-за недостатка источников, зато их множество в истории новой. Поэтому Бувар и Пекюше вернулись к Франции, начав с книги Сисмонди.

Там описано столько замечательных людей, что им захотелось узнать их поближе, погрузиться в ту эпоху, прочесть в подлиннике Григория Турского, Монстреле, Комина и прочих, чьи имена звучали так странно и привлекательно.

Но, не разбираясь в датах, они путали факты и события.

По счастью, они взяли с собой мнемонику Дюмушеля, книжку небольшого формата, в переплете, с эпитафией: «Учи, забавляя!»

Она объединяла три системы – Алеви, Пари и Фенегля.

Алеви изображает числа в виде фигур: так, башня означает цифру 1, птица – 2, верблюд – 3 и так далее. Пари пользуется ребусами: кресло с гвоздями (clou) на винтиках (vis) дает имя Кловис, а так как шипящее масло издает звук «рик, рик», то рыба на сковороде должна напомнить имя Хильперик. Фенегль делит весь мир на дома, дома на комнаты, комнату на четыре стены, стену на девять досок с особой эмблемой на каждой доске. Таким образом, первый король первой династии займет в первой комнате первую доску, а маяк (phare) на горе (mont) подскажет его имя Фарамунд по системе Пари; если же, по системе Алеви, поместить сверху зеркало, означающее 4, птицу – 2 и обруч – 0, то получится 420, дата воцарения этого короля.

Для большей ясности они занялись мнемоническими приемами в своем собственном доме, разделив его на части и связав каждую часть с каким-нибудь фактом; с этих пор их двор, сад, окрестности, вся округа, утратив прежнее значение, служили им лишь для того, чтобы развивать память. Межевые столбы в поле разграничивали отдельные эпохи, яблони обратились в родословные деревья, кустарники – в битвы, весь мир – в символ. Они выискивали на стенах множество несуществующих знаков, внушали себе, что видят их воочию, но уже не помнили, какие даты они обозначают.

Впрочем, исторические даты далеко не всегда достоверны. Они вычитали в каком-то школьном учебнике, что Иисус

Христос родился на пять лет раньше, чем обычно полагают, что у греков было три способа вести счет олимпиадам, а у римлян целых восемь способов летосчисления. Сколько причин для ошибок, не говоря уже о путанице в знаках зодиака, в эрах и различных календарях!

Начав с недоверия к хронологии, они дошли до пренебрежения к фактам.

Что действительно важно, так это философия истории.

Но Бувар не мог дочитать до конца рассуждения знаменитого Боссюэ.

– Этот орел из Мо просто чудак! Он забывает о существовании Китая, Индии, Америки, но зачем-то нам сообщает, что Феодосий был «радостью всей вселенной» и что Авраам «обращался с царями как с равными себе». Философия греков, по его словам, ведет начало от евреев. Его пристрастие к евреям меня раздражает.

Пекюше, согласившись с его мнением, порекомендовал ему книгу Вико.

– Как я могу поверить, будто в баснях больше правды, чем в исторических фактах? – возражал Бувар.

Пекюше попытался толковать мифы, путаясь в цитатах из «Scienza Nuova»² Вико.

– Не отрицаешь же ты высоких замыслов провидения?

– А откуда мне их знать? – не сдавался Бувар.

Они решили прибегнуть к помощи Дюмушеля.

² «Новая наука» (ит.).

Профессор признался, что в последнее время его совершенно сбили с толку.

– Историческая наука меняется день ото дня. Теперь уже оспаривают существование римских царей и путешествия Пифагора. Поносят доблестного Велизария, Вильгельма Телля, даже Сида, который, согласно последним исследованиям, был просто разбойник с большой дороги. Остается пожелать, чтобы не делали больше открытий, чтобы академия издала какие-то постановления, указав, чему следует и чему не следует верить.

В постскриптуме он прислал правила критики источников, извлеченные им из курса Дону:

«Нельзя ссылаться, как на доказательство, на свидетельства толпы, ибо проверить их невозможно.

Следует отвергать все заведомо невероятное. Павзанию, например, показали камень, якобы проглоченный Сатурном.

Архитектурные памятники тоже могут лгать, например, арка на форуме, на которой Тит назван первым покорителем Иерусалима, тогда как его еще раньше завоевал Помпей.

Монеты также иногда вводят в обман. При Карле IX выпускали монеты с чеканом Генриха II.

Остерегайтесь ловких подделывателей документов; помните, что как защитники, так и клеветники всегда страстны».

Мало кто из историков следовал этим правилам, зато все они освещали события тенденциозно, в интересах какой-ли-

бо религии, партии, научной теории, или же стремились обличать королей, учить народ, проповедовать высокую мораль.

Прочие историки, беспристрастно повествующие о событиях, нисколько не лучше: так как обо всем рассказать немислимо, приходится делать выбор. Между тем на выбор документов неизбежно влияют взгляды автора, а они меняются в зависимости от положения писателя. Поэтому правдивая история никогда не будет написана.

«Как это прискорбно!» – думали они.

Однако они могли бы сами взять тему, досконально изучить источники, тщательно их проверить, затем, выбрав все существенное, изложить ее в кратком рассказе и дать вполне правдивую картину событий. Пекюше считал подобную задачу вполне осуществимой.

– Хочешь, попробуем написать исторический очерк?

– Еще бы, с удовольствием! Но о чем?

– Действительно, о чем? Надо подумать.

Бувар сидел в кресле, Пекюше расхаживал взад и вперед по музею. Ему попался на глаза горшок для масла, и он остановился как вкопанный.

– А что, если нам написать биографию герцога Ангулемского?

– Так ведь он же болван!

– Мало ли что! Второстепенные лица играют подчас огромную роль, а этот герцог, кажется, заправлял всеми де-

лами.

Они могут отыскать о нем сведения в книгах, да и граф де Фаверж что-нибудь знает о нем, если не сам, то со слов своих друзей, старых дворян.

Друзья обдумали план, все обсудили и решили для начала поехать в Кан, чтобы поработать недели две в муниципальной библиотеке и собрать нужные материалы.

Библиотекарь предоставил в их распоряжение исторические труды, брошюры и цветную литографию, изображавшую герцога Ангулемского вполоборота.

На синем сукне его мундира красовались эполеты, орденские звезды и широкая красная лента Почетного легиона. Необычайно высокий воротник стягивал длинную шею. Голову в форме груши обрамляли выющиеся локоны и узкие бачки, а тяжелые веки, крупный нос и толстые губы придавали его лицу глуповато добродушное выражение.

Сделав ряд выписок, друзья составили конспект.

Рождение и детские годы герцога интереса не представляют. Один из его гувернеров – аббат Гене, враг Вольтера. В Турине принц учится отливать пушки и изучает походы Карла VIII. Невзирая на молодость, его назначают командиром гвардейского полка.

1797 г. Герцог женится.

1814 г. Англичане вступают в Бордо. Он спешит за ними и охотно показывает свою особу населению. Описание наружности герцога.

1815 г. Бонапарт нападает на него. Он тут же призывает на помощь испанского короля. Тулон, в отсутствие маршала Массена, сдается англичанам.

Военные действия на юге. Герцог разбит, но отпущен на свободу под условием возвратить бриллианты короны, которые король, его дядя, поспешно спасаясь бегством, прихватил с собой.

После Ста дней он возвращается вместе с родителями в Париж и живет спокойно. Проходит несколько лет.

Испанская война. Перейдя через Пиренеи, потомок Генриха IV всюду одерживает победы. Он берет Трокадеро, доходит до Геркулесовых столпов, подавляет заговоры, обнимает короля Фердинанда и возвращается в Париж.

Триумфальные арки; девушки подносят цветы; обеды в префектуре; торжественные молебствия в соборах. Парижане в упоении. Город устраивает ему банкет. В театрах поют оды в честь героя.

Энтузиазм постепенно ослабевает. В 1827 году в Шербуре праздник, устроенный по подписке в его честь, срывается.

В качестве главного адмирала Франции он делает смотр флоту, отплывающему в Алжир.

Июль 1830 года. Мармон сообщает ему о создавшемся положении. Герцог приходит в бешенство и ранит себе руку о шпагу генерала.

Король поручает ему командовать войсками.

Он встречает в Булонском лесу армейских солдат, но, же-

лая подбодрить их, не может связать двух слов.

Из Сен-Клу он скачет к Севрскому мосту. Войска встречают его холодно. Это его не смущает. Королевская семья покидает Трианон. Герцог садится под дубом, разворачивает карту, но, поразмыслив, снова вскакивает на коня. Проезжая мимо Сен-Сира, он обращается к воспитанникам с обнадеживающими словами.

В Рамбуэе лейб-гвардейцы прощаются с ним.

Он садится на корабль и всю дорогу страдает морской болезнью. Конец его карьеры.

В будущем труде необходимо отметить, какое значение в жизни герцога имели мосты. Сначала он напрасно щеголяет храбростью на Инском мосту; затем берет приступом мост Сент-Эспри и мост Лориоль; в Лионе оба моста оказываются для него роковыми, а перед Севрским мостом счастье ему изменяет.

Описать его достоинства. Незачем говорить о его храбрости, сочетавшейся с тонкой политикой. Он предлагал солдатам по шестидесяти франков каждому за измену императору, а в Испании пытался подкупить деньгами сторонников Конституции.

Он был настолько благоразумен, что согласился на предполагаемый брак своего отца с королевой Этрурии, на формирование нового кабинета после Ордонансов, на отречение в пользу графа Шамбора – словом, на все, чего от него хотели.

Однако он был способен и на решительные поступки. В Анжере он разжаловал пехотный гвардейский отряд, когда солдаты, из ревности к кавалеристам, оттеснив их эскорт, окружили его таким плотным кольцом, что сдавили колени его высочества. Но потом он разгневался на кавалерию, виновницу беспорядка, и простил пехоту: поистине, мудрый суд Соломона!

Его набожность выразилась во множестве благочестивых дел, а милосердие – в том, что он добился помилования генерала Дебеля, который в свое время поднял оружие против него.

Интимные подробности, характерные черты герцога:

В детстве в замке Борегар он вместе с братом ради забавы выкопал прудик, который сохранился до сих пор. Как-то раз он посетил казарму придворных егерей, попросил стакан вина и выпил за здоровье короля.

На прогулках, печатая шаг, он бормотал про себя: «Раз, два, раз, два, раз, два!»

Сохранилось несколько его изречений.

К депутации из Бордо: «Ваше присутствие служит мне утешением в том, что я не нахожусь в Бордо».

К протестантам из Нима: «Я добрый католик, но никогда не забуду, что славнейший из моих предков был протестантом».

К воспитанникам Сен-Сира в день, когда уже все было потеряно: «Мужайтесь, друзья мои! Добрые вести! Все идет хо-

рошо! Все отлично!»

После отречения Карла X: «Если они во мне не нуждаются, пусть устраиваются, как знают».

А в 1814 году по всякому поводу, в каждом поселке: «Война окончена, не будет больше рекрутских наборов, не будет налогов!»

Его эпистолярный стиль не уступал красноречию. Воззвания его бесподобны.

Первое, от лица графа д'Артуа, начиналось так: «Французы, брат вашего короля прибыл!»

Другое, от своего лица: «Я прибыл. Я сын ваших королей! Вы французы!»

Приказ, отданный в Байонне: «Солдаты, я прибыл».

Еще один, в день полного поражения: «Продолжайте начатую вами борьбу с доблестью, достойной французского солдата. Франция надеется на вас!»

И последний, в Рамбуйе: «Король вступил в переговоры с правительством в Париже; все заставляет предполагать, что соглашение между ними состоится».

«Все заставляет предполагать» – неподражаемо!

– Мне только одно досадно, – заметил Бувар, – что нигде не упоминается о его сердечных делах.

Они сделали заметку на полях: «Разузнать о любовных похождениях герцога».

Перед их уходом библиотекарь, спохватившись, показал им еще один портрет герцога Ангулемского.

Здесь он был изображен в профиль, в мундире кирасирского полковника, с прищуренным глазом, с раскрытым ртом и гладкими развевающимися волосами.

Как согласовать эти два портрета? Гладкие были волосы у герцога или кудрявые, а может быть, он завивался из кокетства?

По мнению Пекюше, это был чрезвычайно важный вопрос, ибо на рост волос влияет темперамент, а от темперамента зависит характер.

Бувар полагал, что ничего нельзя сказать о человеке, если не знаешь о его страстях. Чтобы выяснить эти два вопроса, друзья отправились с визитом в замок де Фавержа. Графа не было дома; это задерживало их ученый труд. Раздосадованные, они повернули назад.

Ворота их усадьбы были раскрыты настежь, кухня пуста. Они поднялись по лестнице и, к своему удивлению, застали в спальне Буvara – кого же? – г-жу Борден, которая с любопытством осматривалась по сторонам.

– Извините, – сказала она с деланной улыбкой, – я уже битый час разыскиваю вашу кухарку, хочу спросить у нее совета насчет варенья.

Служанку они нашли в дровяном сарае; она крепко спала, сидя на стуле. Ее растолкали.

– Чего вам еще? Опять будете приставать с вопросами?

Было ясно, что в их отсутствие г-жа Борден о чем-то ее выпрашивала.

Очухавшись, Жермена заявила, что у нее болит живот.

– Я останусь поухаживать за вами, – решила вдова.

Тут во дворе мелькнул большой чепец с развевающимися оборками. Это была фермерша, г-жа Кастильон. Она громко кричала:

– Горжю! Горжю!

А с чердака высунулась их молоденькая служанка и дерзко ответила:

– Его здесь нет!

Через пять минут она сошла вниз, взволнованная, с пылающими щеками. Бувар и Пекюше сделали ей выговор за нерадивость. Она безропотно помогла им снять гетры.

После этого они пошли взглянуть на ларь.

Куски его были раскиданы по всей пекарне, резные украшения сбиты, створки сломаны.

При этом зрелище, при этой новой неудаче Бувар чуть не расплакался, а Пекюше весь затрясся.

Горжю, откуда-то появившись, объяснил, как вышло дело: он вынес ларь наружу, чтобы покрыть лаком, а во двор забрела корова и опрокинула его.

– Чья корова? – спросил Пекюше.

– Почему я знаю?

– Вы опять не заперли ворота, как в тот раз! Это вы во всем виноваты!

И вообще довольно! Слишком долго он им морочит голову. Не нужны им ни он сам, ни его работа.

Напрасно господа сердятся. Беда не так уж велика. Не пройдет и трех недель, как он все исправит. Горжю, уговаривая, проводил их до кухни, куда, охая, притащилась Жермена стряпать обед.

Хозяева заметили на столе бутылку кальвадоса, на три четверти пустую.

– Это вы ее выхлестали? – спросил Пекюше, повернувшись к Горжю.

– Я? И не думал!

Бувар вмешался:

– Вы же единственный мужчина в доме.

– А бабы разве не пьют? – возразил работник, скосив глаза на Жермену.

– Скажи уж прямо, что это я! – взвизгнула старуха, перехватив его взгляд.

– Конечно, ты!

– Уж не я ли и сундук сломала?

Горжю повернулся на каблуках.

– Вы что, не видите? Она же вдрызг пьяна!

Началась отчаянная перепалка; Горжю, бледный как полотно, поддразнивал ее, кухарка, побагровев от ярости, вырывала клочья седых волос из-под ситцевого чепчика, г-жа Борден защищала Жермену, Мели заступалась за Горжю.

Старуха вопила:

– Стыд и срам! Целый день валяются под кустами, мало им ночи! Парижское отродье, бездельник, со всеми баба-

ми путается. Ходит к нашим хозяевам да плетет им всякие небылицы!

Бувар вытаращил глаза.

– Какие небылицы?

– Да над вами все издеваются!

– Я не позволю издеваться над собой! – вскричал Пекюше.

Возмущенный этой дерзостью, да еще после стольких неприятностей, он выгнал вон кухарку; пусть убирается куда хочет. Бувар не противился этому решению, и они ушли к себе, оставив рыдавшую Жермену с г-жой Борден, которая пыталась ее утешить.

Вечером, несколько успокоившись, друзья принялись обсуждать дневные происшествия; они ломали себе голову, выясняя, кто же выпил кальвадос, кто разбил ларь, что здесь понадобилось г-же Кастильон, зачем она звала Горжю и не обесчестил ли он Мели.

– Мы понятия не имеем, что происходит у нас в доме, – вздохнул Бувар, – а сами пытаемся узнать, какие волосы и какие любовные похождения были у герцога Ангулемского!

– Сколько вопросов, не менее важных и еще более трудных! – добавил Пекюше.

Из всего этого они вывели заключение, что факты – еще не все. Необходимо дополнить их психологией. Без воображения история мало чего стоит.

– Выпишем несколько исторических романов! – решили они.

V

Сперва они прочитали Вальтера Скотта.

Им как бы открылся новый, неведомый мир.

Люди давних времен, которых они знали по именам и лишь смутно себе представляли, вдруг оказались живыми, стали королями, принцами, колдунами, слугами, лесничими, монахами, цыганами, купцами и солдатами; они спорят, сражаются, путешествуют, торгуют, едят и пьют, поют и молятся в оружейной зале дворца, на грязной скамье трактира, на извилистых городских улочках, под навесом лавчонки, за оградой монастыря. Искусно подобранные пейзажи обрамляют действие, точно декорации в театре. Вы видите, как всадник скачет галопом по песчаным дюнам. Вы вдыхаете свежий ветер, гуляющий в зарослях терновника. Луна озаряет лодку, скользящую по озеру, рыцарские латы сверкают на солнце, дождь поливает ветви лесных шалашей. Бувар и Пекюше верили в сходство этих картин с действительностью, хотя совершенно ее не знали. Для них иллюзия была полная. Всю зиму они провели за чтением.

Сразу после завтрака они усаживались у камина в маленькой зале, друг против друга, и, уткнувшись в книгу, молча читали каждый свое. Когда начинало темнеть, ходили вдвоем на прогулку по большаку, потом наспех обедали и продолжали читать до глубокой ночи. Чтобы защитить глаза от

света лампы, Бувар надевал синие очки, а Пекюше надвигал на лоб козырек своего картуза.

Жермена и не думала брать расчет, Горжю иногда появлялся и что-то копал в саду, но хозяева ко всему относились безразлично: они забыли о материальных интересах.

Одолев Вальтера Скотта, они взялись за романы Александра Дюма, увлекательные, точно картины волшебного фонаря. Его герои, ловкие, как обезьяны, сильные, как быки, веселые, как птицы, появляются внезапно, говорят громко, прыгают с крыши на мостовую, получают смертельные раны и выздоравливают, пропадают без вести и снова оживают. Подземные ходы, противоядия, переодевания – все переплетается, мелькает, стремительно распутывается, не давая вам ни минуты передышки. Любовники держатся благопристойно, фанатики веселы, сцены резни вызывают улыбку.

После этих двух блестящих мастеров Бувар и Пекюше стали привередливы и не могли вынести пустословия Велизария, глупости Нумы Помпилия, выдумок Маршанжи и виконта д'Арленкура.

Фредерик Сулье, как и Библиофил Жакоб, показались им бесцветными, а Вильмен возмутил своим невежеством, описав на стр. 85 «Ласкариса» некую испанку, которая курит трубку, «длинную арабскую трубку», в середине XV века.

Пекюше, задумав проверить Дюма с научной точки зрения, начал наводить справки во «Всеобщей биографии».

В романе «Две Дианы» автор ошибается в хронологии.

Бракосочетание дофина Франсуа состоялось не 20 марта 1549 г., а 15 октября 1548 г. Откуда автор взял (см. «Паж герцога Савойского»), что Екатерина Медичи после смерти супруга хотела снова начать войну? Маловероятно, будто герцога Анжуйского короновали ночью, в церкви, как это увлекательно описано в «Госпоже де Монсоро». В особенности кишит ошибками «Королева Марго». Герцог Неверский никуда не уезжал. Он присутствовал на совете перед Варфоломеевской ночью, а Генрих Наваррский четырьмя днями позже не следовал за процессией. Генрих III не так скоро вернулся из Польши. К тому же, какое изобилие банальностей! Чего стоит чудо с боярышником, балкон Карла IX, отравленные перчатки Жанны д'Альбре! Пекюше утратил доверие к Дюма.

Даже к Вальтеру Скотту он потерял всякое уважение, обнаружив ряд ошибок в «Квентине Дорварде». Убийство епископа Льежского произошло на пятнадцать лет позже. Жenu Роберта Ламарка звали Жанна д'Аршель, а не Гамелина де Круа. Его вовсе не убивал солдат, а казнил Максимилиан. Лицо Карла Смелого, когда нашли его труп, не могло выражать угрозу, потому что его наполовину съели волки.

Бувар все же продолжал читать Вальтера Скотта, но и ему в конце концов надоели бесконечные повторения. Героиня обычно живет в деревне с престарелым отцом, а ее возлюбленный, кем-то похищенный в детстве, непременно добивается восстановления в правах и торжествует над всеми со-

перниками. Всюду появляются нищий философ, угрюмый владелец замка, невинная девушка, весельчак слуга, всюду раздражают вас длиннейшие диалоги, жеманная стыдливость, полное отсутствие глубоких мыслей.

По горло сытый стариной, Бувар взялся за Жорж Санд. Он восхищался прелестными изменницами и благородными любовниками, ему хотелось самому стать Жаком, Симоном, Бенедиктом, Лелио и жить в Венеции. Он вздыхал, не узнавал сам себя, чувствовал себя обновленным.

Пекюше, работая над исторической литературой, изучал пьесы.

Он залпом прочитал двух Фарамундов, трех Хлодвигов, четырех Карлов Великих, несколько Филиппов Августов, множество Орлеанских дев, порядочное число маркиз де Помпадур и заговоров Селламаре.

Почти все драмы показались ему еще глупее романов, ибо существует особая, приспособленная для театра история, не терпящая никаких изменений. Людовик XI в каждой пьесе непременно преклоняет колени перед образками на своей шляпе, Генрих IV шутит и веселится, Мария Стюарт непрерывно плачет, Ришелье выказывает жестокость. Словом, каждый характер, из любви к простоте, из уважения к невежеству публики, изображен одной какой-нибудь краской; поэтому драматург, вместо того чтобы возвышать, унижает зрителя, вместо того чтобы поучать, сбивает с толку.

Хвалебные отзывы Буvara о Жорж Санд побудили Пекю-

ше прочесть «Консуэло», «Ораса», «Мопра», и он был восхищен защитой угнетенных, социальными и республиканскими идеями.

Бувар, напротив, считал, что тенденции вредят повествованию, и выписал из библиотеки ряд любовных романов.

Они по очереди прочли другу другу вслух «Новую Элоизу», «Дельфину», «Адольфа», «Урику». Но слушателя невольно одолевала зевота, читающий заражался от него и вскоре, задремав, ронял книгу на пол.

Все эти авторы возмущали их тем, что ничего не говорили о среде, эпохе, костюмах своих героев. Они писали только о сердечных переживаниях, исключительно о чувствах. Как будто в мире не существует ничего другого!

Пробовали они читать и юмористические произведения вроде «Путешествие вокруг моей комнаты» Ксавье де Местра, «Под липами» Альфонса Карра. В книгах такого рода принято делать отступления – рассказать между делом о своей собаке, домашних туфлях или любовнице. Подобная непринужденность сначала понравилась им, потом показалась нелепой, ибо автор, выставляя напоказ свою особу, вредит самому произведению.

Испытывая потребность в увлекательном чтении, они погрузились в романы приключений; интрига захватывала их тем сильнее, чем была запутаннее, необычайнее, невероятнее. Они ломали себе голову, стараясь угадать развязку, и весьма преуспели в этом искусстве, но им надоела такая за-

бава, недостойная серьезных умов.

Великое творение Бальзака восхитило их: оно было подобно Вавилонской башне и вместе с тем пылинке под микроскопом. Самые обыкновенные вещи открылись им в новом свете. Они и не подозревали, что современная жизнь представляет столь глубокий интерес.

– Какой тонкий наблюдатель! – удивлялся Бувар.

– А по-моему, он фантазер, – возражал Пекюше. – Он верит в магию, в монархию, в величие дворянства, преклоняется перед негодаями, ворочает миллионами, точно сантиметрами, а его буржуа – не буржуа, а настоящие гиганты. Зачем так возвеличивать пошлость, зачем описывать столько глупостей! Он сочинил один роман о химии, другой – о банках, третий – о типографских машинах, вроде некоего Рикара, который показал «извозчика», «водоноса», «уличного торговца». Погоди, он еще нам опишет все ремесла, все провинции, все города подряд, и каждый этаж в доме, и каждого человека, но это уже будет не литература, а статистика или этнография.

Бувару не было дела до литературных приемов. Ему хотелось получше узнать, поглубже изучить историю нравов. Он перечел Поль де Кока, перелистал старые томики «Отшельника с Шоссе д'Антен».

– Как ты можешь тратить время на такую чепуху! – возмутился Пекюше.

– Но ведь это любопытнейшие документы для будущих

исследователей.

– Пошел ты к черту со своими документами! Я хочу чего-то возвышенного, отвлекающего от обыденной жизни.

Пекюше, обуреваемый стремлением к идеалу, постепенно приучил Буvara читать трагедии.

Отдаленные времена, когда происходит действие, благородство героев, столкновение их интересов, – все казалось им исполненным величия.

Однажды Бувар, раскрыв *Аталию*, так выразительно прочел сцену сна, что Пекюше тоже захотелось подекламировать. Но с первых же фраз его чтение превратилось в монотонное жужжание. Голос у него, хотя и громкий, был глухой и невнятный.

Бувар, как опытный декламатор, посоветовал ему, для развития гибкости голоса, распевать гаммы, последовательно повышая и понижая звук, от самого низкого тона до самого высокого; он и сам занимался такими упражнениями по утрам, в постели, лежа на спине, как учили древние греки. Пекюше, проснувшись, развивал голосовые связки тем же способом; они затворяли дверь и, каждый порознь, орали во всю глотку.

В трагедиях им особенно нравились политические речи, пафос, обличения пороков.

Они выучили наизусть самые знаменитые диалоги Расина и Вольтера и декламировали их, расхаживая по коридору. Бувар выступал торжественно, как на сцене Французской ко-

медии, опираясь на плечо Пекюше, делал паузы, вращал глазами, простирая руки, горько жалуясь на превратности судьбы. Он великолепно изображал скорбные вопли в «Филоктете» Лагарпа, предсмертную икоту в «Габриель де Вержи», а когда играл Дионисия, тирана Сиракузского, то при словах «Чудовище, достойное меня!» бросал на сына такой испепеляющий взгляд, что Пекюше даже забывал свою роль от страха. Ему не хватало природных данных, зато в доброй воле недостатка не было.

Как-то в «Клеопатре» Мармонтеля он вздумал изобразить шипение змеи, которое испускал автомат, изобретенный для театральной постановки Вокансоном. Над этим искусственным эффектом они хохотали до вечера. Трагедия сильно упала в их глазах.

Бувару первому она надоела, и, не скрывая своего разочарования, он стал доказывать, до какой степени она ходульна и нежизненна, как шаблонны ее приемы, как нелепа в ней роль наперсников.

Они перешли к комедии, которая учит искусству оттенков. Там надо расчленять фразы, подчеркивать ударения, растягивать слоги. Пекюше не мог этого осилить и с треском провалился в роли Селимены.

Впрочем, уверял он, любовники там слишком холодны, резонеры нестерпимо скучны, слуги назойливы, а Клитандр и Сганарель столь же неестественны, как Эгисф и Агамемнон.

Оставалась серьезная комедия или мещанская трагедия, где отцы семейства бедствуют, слуги спасают господ, богачи приносят в дар свое состояние, где действуют невинные белошвейки и подлые соблазнительницы; подобные сюжеты повторяются от Дидро до Пиксерекура. Тривиальность всех этих пьес, проповедующих добродетель, их возмутила.

Зато драмы 1830 года очаровали их своей красочностью, движением, юным пылом.

Друзья не видели никакой разницы между Виктором Гюго и Бушарди, – главное, что декламировать надо было не в напыщенной и жеманной, а в чувствительной, свободной манере.

Однажды Бувар пытался объяснить Пекюше приемы игры Фредерика Леметра, как вдруг появилась г-жа Борден в зеленой шали, с томиком Пиго-Лебрена в руках; любезные соседи иногда давали ей почитать романы, и она хотела обменять книгу.

– Пожалуйста, продолжайте!

Оказывается, она пришла уже несколько минут назад и слушала их с удовольствием.

Хозяева извинялись, она настаивала.

– Боже мой! Да мы ничего не имеем против!.. – сказал Бувар.

Пекюше, отнекиваясь из ложной скромности, возразил, что они не могут играть, не подготовившись, без костюмов.

– В самом деле! Нам надо переодеться.

Бувар оглянулся кругом, но не нашел ничего, кроме фески, которую тут же и напялил.

В коридоре им показалось тесно, и они перешли в залу.

По стенам бегали пауки, бархатная мебель покрылась пылью от геологических образцов, валявшихся горами на полу. На кресло почище постелили тряпку и усадили г-жу Борден.

Надо было представить ей какую-нибудь эффектную сцену. Бувар стоял за «Нельскую башню». Но Пекюше опасался ролей, которые требуют слишком много действия.

– Ей больше понравится что-нибудь классическое! Не выбрать ли, например, «Федру»?

– Идет.

Бувар рассказал сюжет.

– Это царица; у ее мужа есть сын от первого брака. Она безумно влюблена в юношу. Все понятно? Начнем.

Да, государь, горю, томлюсь я по красавцу,
Люблю его!

Он обращался к профилю Пекюше, восхвалял его осанку, лицо, его гордую голову, огорчился, что не встретил его на греческом корабле, жаждал заблудиться вместе с ним в лабиринте.

Кисточка красной фески нежно трепетала, добродушное лицо пылало любовью, дрожащий голос умолял жестокого сжалиться над его страстью. Пекюше, отвернувшись, громко пыхтел, чтобы изобразить волнение.

Госпожа Борден, остолбенев, таращила глаза, точно ей показывали фокусы. Мели подслушивала за дверью. Горжю, без пиджака, заглядывал в окно.

Бувар начал второй отрывок. Он искусно представлял безумную страсть, угрызения совести, отчаянье и в конце концов бросился на воображаемый меч с такой силой, что, споткнувшись о камни, чуть было не растянулся на полу.

– Это ничего, не обращайтесь внимания! Тут появляется Терзэй, и она принимает яд.

– Бедная женщина! – вздохнула г-жа Борден.

Они попросили гостью самой выбрать какую-нибудь сцену.

Это затруднило госпожу Борден. Она видела только три пьесы: «Роберта Дьявола» в Париже, «Молодого супруга» в Руане и еще одну забавную вещицу в Фалезе под названием «Продавец уксуса».

Наконец Бувар предложил сыграть Тартюфа, сцену из третьего действия.

Пекюше счел необходимым дать объяснение:

– Надо вам сказать, что Тартюф...

Госпожа Борден перебила его:

– Все знают, кто такой Тартюф!

Бувару понадобилось для одного диалога женское платье.

– У нас есть только монашеская сутана, – сказал Пекюше.

– Все равно, надень хоть ее!

Переодевшись, тот вернулся с томиком Мольера.

Начало сцены прошло тускло. Но когда Тартюф стал поглаживать Эльмиру по коленке, Пекюше рявкнул жандармским басом:

– Нельзя ли руку снять?

Бувар тут же подал реплику елейным тоном:

– Я платье щупаю. Как ткань его приятна!

Он закатывал глаза, выпячивал губы, сопел с чрезвычайно похотливым видом, обращаясь прямо к г-же Борден.

Страстные взгляды Буvara ее смущали, и когда он замер в смиренной позе, весь трепеща, она чуть не подала ему реплику.

Пекюше ответил, заглянув в книгу:

– Вполне любовное признание я слышу.

– О да! – воскликнула гостья. – Это опытный соблазнитель.

– Не правда ли? – самодовольно заметил Бувар. – А вот еще сценка в более современном вкусе.

Сняв сюртук, он уселся на камень побольше и продекламировал, запрокинув голову:

Огни твоих очей мне проникают в очи.

Спой песню, как в ночи певала ты не раз,

И слезы искрились во взгляде черных глаз.

«Это он про меня», – подумала она.

Блаженство будем пить! Ведь чаша налита,
Ведь этот час – он наш! Все прочее – мечта!

– Какой вы странный!

Вдова кокетливо посмеивалась; грудь ее вздымалась, зубки блестели.

Не сладостно ль, скажи, любить и быть любимой

Так, на коленях...

Он опустил на колени.

– Ах, перестаньте!

Дай спать и видеть сны на персях у тебя,

О донья Соль, любовь моя, краса...

– Тут звонят колокола и какой-то горец прерывает их...

– Как раз вовремя. Если бы он не вошел...

Г-жа Борден улыбнулась, не закончив фразы. Спускались сумерки. Она поднялась.

Недавно шел дождь, и в буковой роще стало сыро, удобнее было вернуться полями. Бувар проводил гостью через сад, чтобы отпереть ей калитку.

Они молча шли мимо подстриженных кустов. Он еще не успокоился после своей декламации, она была ошеломлена, захвачена очарованием поэзии. Ведь искусство порою потрясает даже заурядных людей, и самый бездарный исполнитель

может раскрыть перед вами целые миры.

Солнце, выглянув из-за туч, блестело на листьях деревьев, вспыхивало яркими пятнами в зарослях кустарника. По стволу старой срубленной липы скакали, чирикавая, три воробья. Терновник распускался розовыми цветами, тяжелые ветви сирени клонились к земле.

– Как здесь хорошо! – сказал Бувар, вдыхая свежий воздух полной грудью.

– А вы, наверное, совсем измучились!

– Талантом я не могу похвалиться, но темперамент у меня есть, это бесспорно.

– Сразу видно... – произнесла она, запинаясь, – что вы любили... когда-то... в прошлом.

– Вы думаете, только в прошлом?

Она остановилась.

– Не знаю.

«На что она намекает?»

Бувар почувствовал, как у него забилося сердце.

Чтобы обойти большую лужу на песке, они направились в буковую аллею.

Заговорили о представлении.

– Откуда взята ваша последняя сцена?

– Это из драмы «Эрнани».

– Вот как!

Г-жа Борден продолжала задумчиво, точно про себя:

– Как должно быть приятно, когда мужчина говорит жен-

щине такие слова в жизни!..

– Я готов, только прикажите! – воскликнул Бувар.

– Вы?

– Да, я!

– Вы шутите!

– Нисколько!

Оглянувшись по сторонам, он обнял ее за талию и крепко поцеловал в шею.

Она сильно побледнела и схватилась рукою за дерево, как будто боялась лишиться чувств; потом открыла глаза и покачала головой.

– Все прошло.

Бувар смотрел на нее, оторопев.

Когда он отворил калитку, она остановилась на пороге. За оградой, в канаве текла вода. Г-жа Борден подобрала юбки с оборками и замерла в нерешительности.

– Позвольте, я помогу вам.

– Нет, не надо.

– Почему же?

– Ох, вы опасный человек!

Когда она перескакивала через канаву, мелькнул ее белый чулок.

Бувар не мог себе простить, что не воспользовался случаем. Ничего, в следующий раз он своего не упустит! Да и не все женщины одинаковы: на одних надо напасть враспloch, с другими смелость портит все дело. В сущности, он был до-

волен собой, и если не похвастался Пекюше своим успехом, то отнюдь не из деликатности, а из боязни нелестных замечаний.

С этого дня они начали декламировать перед Мели и Горжю, очень сожалея, что у них нет другой публики.

Молоденькая служанка забавлялась от души, хотя решительно ничего не понимала; ее восхищала плавная речь, завораживало журчание стихов. Горжю рукоплескал философским тирадам в трагедиях, защитникам народа – в мелодрамах. Бувар и Пекюше, пораженные его тонким вкусом, задумали давать ему уроки, чтобы в будущем сделать из него актера. Работник был в восторге от такой перспективы.

Слух об их занятиях распространился в округе. Вокорбей насмехался над ними в глаза. Почти все относились к ним с презрением.

Тем выше они ценили друг друга. Оба всецело посвятили себя искусству. Пекюше отрастил усы, а Бувар, плешивый и круглолицый, не нашел ничего лучше, как носить прическу «под Беранже».

Наконец они решили сочинить пьесу.

Самое трудное было найти сюжет.

Они придумывали его за завтраком; пили кофе – напиток, необходимый при умственной работе, вдобавок пропускали еще два-три стаканчика. Потом, немного соснув, спускались во фруктовый сад, гуляли, выходили за ограду, чтобы вдохновиться природой, долго бродили вдвоем и возвращались в

полном изнеможении.

Или же запирались на ключ, каждый в своей комнате. Бувар убирал стол, аккуратно раскладывал бумагу, обмакивал перо в чернила и застывал неподвижно, вперив глаза в потолок. Пекюше садился в кресло и погружался в размышления, вытянув ноги и опустив голову на грудь.

Изредка они ощущали трепет, проблеск какой-то мысли, но, едва мелькнув, она тут же ускользала.

Есть же, однако, способы сочинять сюжеты! Можно взять наудачу любое заглавие и наполнить его содержанием, или подробно изложить смысл какой-нибудь пословицы, или соединить несколько событий в одно. Ни один из этих способов им не пригодился. Напрасно они перелистали сборники анекдотов, тома нашумевших судебных процессов, груду исторических книг.

Они мечтали, что их пьесу сыграют в «Одеоне», обсуждали прежние спектакли, с тоской вспоминали Париж.

– Я был создан, чтобы стать писателем, а не прозябать в глуши, – говорил Бувар.

– Я тоже, – вторил Пекюше.

Однажды их осенило: им потому все дается с таким трудом, что они не знают правил.

Приятели начали усердно изучать правила по руководству «Практика театра» д'Обиньяка и по другим, не столь устаревшим сочинениям.

Там обсуждаются весьма важные вопросы: можно ли пи-

сать комедию стихами? Не нарушает ли трагедия своих законов, заимствуя фабулу из современной истории? Должны ли герои быть добродетельны? Какие типы негодяев допустимы в трагедии? До каких пределов могут доходить ужасы на сцене? То, что отдельные части должны соответствовать целому, интерес постепенно повышаться, а конец согласоваться с началом — это сомнений не вызывало.

Чтобы привлечь меня, изобретай пружины, —
говорит Буало.

Каким же образом изобретать пружины?

Пусть чувство, что во всех твоих словах бушует,
Находит путь к сердцам, их греет и волнует.

Как согревать сердца?

Следовательно, одних правил недостаточно; кроме них, нужен еще талант.

Таланта тоже недостаточно. Корнель, по утверждению Французской академии, ничего не смыслил в театре. Жоффруа ополчался на Вольтера. Сюблиньи осмеивал Расина. Лагарп не мог слышать имени Шекспира.

Пресытившись старой театральной критикой, Бувар и Пекюше решили ознакомиться с критикой современной и выписали газеты с отчетами о пьесах.

Какая самоуверенность! Какая тупость! Какая недобросовестность! Грубые нападки на шедевры, хвалебные отзывы о

всякой пошлятине. Театралы, слывающие знатоками, – просто ослы, критики, знаменитые своим остроумием, – глупцы.

Может быть, следует прислушаться к мнению публики?

Но произведения, имевшие шумный успех, часто им совсем не нравились, а в пьесах освищенных многое их привлекало.

Итак, суждения людей со вкусом ошибочны, а пристрастия толпы необъяснимы.

Бувар попросил совета у Барберу. Пекюше написал Дюмушелю.

Бывший коммивояжер подивился, что старина Бувар так быстро отупел в провинции; совсем опустился бедняга, прямо выжил из ума.

Театр, ответил он, просто лакомство, одна из многих приманок Парижа. На спектакли ходят ради развлечения. Что вас позабавило, то и хорошо.

– Экий болван! – возмущался Пекюше. – То, что забавляет его, не забавляет меня, да и ему и всем прочим скоро наскучит. Если пьесы пишут только для сцены, то почему лучшие из них все читают и перечитывают?

И он стал ждать ответа от Дюмушеля.

Профессор написал, что успех пьесы у зрителей ничего не доказывает. «Мизантроп» и «Аталия» провалились. «Заиру» не поняли. Кто помнит в наши дни о Дюканже или Пикаре? Перечисляя все нашумевшие спектакли последнего времени, от «Музыкантши Фаншон» до «Рыбака Гаспардо», он

горько сокрушался об упадке театрального искусства. Всему виною пренебрежение к литературе или, вернее, к стилю.

Друзья задались вопросом: что, собственно, представляет собою стиль? С помощью книг, указанных Дюмушелем, они постигли тайну учения о стилях.

Как писать стилем высоким, средним и низким? Какие обороты благородны, какие слова грубы? «Псы» в сочетании с эпитетом «лютые» звучат возвышенно. «Изрыгать» употребляется лишь в переносном смысле. «Лихорадка» применяется при изображении страстей. Слово «доблесть» прекрасно подходит для стихов.

– Давай сочинять стихи! – предложил Пекюше.

– Потом! Займемся сначала прозой.

Начинающим писателям рекомендуется взять за образец одного из классиков и подражать ему; однако этот путь опасен, ибо все классики грешили не только против стиля, но и против языка.

Подобное предостережение привело Бувара и Пекюше в замешательство, и они начали изучать грамматику.

Существует ли в нашем языке определенный и неопределенный член, как в латинском? Одни ученые утверждают, что да, другие, что нет. Друзья не пришли ни к какому решению.

Существительное всегда согласуется с глаголом, кроме тех случаев, когда не согласуется.

Прежде не было различия между отглагольным прилагательным

тельным и причастием. Ныне академия указывает на это различие, хотя его и трудно уловить.

Они рады были узнать, что некоторые местоимения обозначают одушевленные предметы, а также неодушевленные, между тем как другие обозначают неодушевленные предметы, но иногда и одушевленные.

Как правильнее сказать: «Я не знаю эту женщину» или «Я не знаю этой женщины»? «Я обругал мою жену» или «Я обругал свою жену»? «Все, кто слушает» или «Все, кто слушают»?

Другие трудные вопросы: Расин и Буало не видели разницы между словами «вокруг» и «кругом». Для Массильона и Вольтера «внушать» и «обманывать» были синонимами. Лафонтен путал глаголы «каркать» и «квакать», хотя, несомненно, умел отличить ворону от лягушки.

Правда, составители грамматик часто расходятся во мнениях. Одни видят совершенство там, где другие находят ошибки. Ученые провозглашают принципы, отвергая следствия, принимают следствия, отрицая принципы, ссылаются на традиции, не признавая авторитет мастеров, и нередко вдаются в излишние тонкости. Менаж утверждает, что вместо «сурепица» следует писать «сурепка», вместо «сахарный песок» – «песочный сахар». Бугур пишет «гиерархия» вместо «иерархия», а Шапсаль выдумывает какие-то «блестёнки в супе».

Многое приводило Пекюше в недоумение и у Женена.

Неужели «об несчастье» лучше, чем «о несчастье»? Почему «раненый» пишет через одно Н, а «раненный в живот» – через два? Отчего «подмышки» пишущая вместе, а «взять под мышку» отдельно? Этак вы можете «нести кошку под мышкой»? Оказывается, при Людовике XIV вместо «Ром» и господин «де Лион» произносили «Рум» и господин «де Лиун».

Литре совсем их доконал, заявив, что грамматика никогда не была точной наукой и никогда не будет.

Из этого они заключили, что синтаксис – фантазия, а грамматика – иллюзия.

Недавно, впрочем, они прочли в новом учебнике риторики, что надо писать, как говоришь, и все будет хорошо, если автор живо чувствовал и много наблюдал.

Они не сомневались, что испытали в своей жизни глубокие чувства и собрали запас наблюдений, а потому вполне способны писать. В пьесах слишком тесные рамки, много условностей, зато роман предоставляет больше свободы. Чтобы сочинить роман, они принялись копаться в своих воспоминаниях.

Пекюше вспомнил одного из начальников в конторе, преподающего субъекта, и злорадно готовился отомстить ему в книге.

Бувар встречал в кабачках забулдыгу, старого учителя чистописания. Ничего забавнее и выдумать нельзя.

К концу недели они порешили соединить эти два лица в одно и перешли к другим персонажам: женщина, которая гу-

бит всю семью; жена, муж и любовник; женщина, оставшаяся добродетельной поневоле, из-за своего уродства; честолюбец; дурной священник.

Этим смутным теням они пытались придать черты живых людей, хранившиеся в их памяти; кое-что вычеркивали, кое-что добавляли.

Пекюше считал главным идеи и чувства, Бувар – образность и колорит; они расходились во мнениях, и каждый удивлялся, что его друг так ограничен.

Быть может, наука, называемая эстетикой, придет им на помощь и разрешит их разногласия. Один из друзей Дюмушеля, профессор философии, прислал им список трудов на эту тему. Они изучали их порознь, после чего делились впечатлениями.

Прежде всего что такое прекрасное?

Согласно Шеллингу, это бесконечное, воплощенное в конечном. Для Рида – непознаваемое качество. Для Жоффруа – нечто нерасторжимое. Для де Местра – то, что согласуется с добродетелью. Для отца Андре – то, что соответствует разуму.

Существует несколько видов прекрасного. Прекрасное в науке – геометрия. Прекрасное в мире нравственном: смерть Сократа, бесспорно, была прекрасна. Прекрасное в животном царстве: прекраснейшее свойство собаки – ее чутье. Свинья не может быть прекрасной из-за ее гнусных привычек, змея – из-за того, что вызывает в нас мысль о низости.

Цветы, бабочки, птицы могут быть прекрасны. Наконец, главное условие прекрасного, основной его принцип – это единство в разнообразии.

– Однако же, – заметил Бувар, – два косых глаза разнообразнее двух прямых, а на вид совсем не так красивы!

Они приступили к проблеме возвышенного.

Некоторые явления возвышенны сами по себе: бурный поток, глубокий мрак, дерево, сломанное бурей. Герой прекрасен, когда торжествует, и возвышен, когда сражается.

– Понимаю, – сказал Бувар, – прекрасное – это прекрасное, а возвышенное – это чрезвычайно прекрасное. Как же, однако, их различить?

– Внутренним чутьем, – ответил Пекюше.

– А чутье откуда?

– От вкуса.

– Что такое вкус?

Вкус определяется как особое дарование, быстрота суждений, умение различать оттенки прекрасного.

– Короче говоря, вкус – это вкус, и все-таки непонятно, откуда он берется.

Необходимо обладать чувством меры, но понятие меры меняется; как ни совершенно произведение, оно не может быть безупречно. Прекрасное нерушимо и неизменно, но мы не знаем его законов, ибо происхождение его таинственно.

Идея не может быть выражена в любой форме, вследствие чего между искусствами существуют границы, а каждое ис-

кусство разделяется на виды; когда же различные виды сочетаются, то стиль одного проникает в другой, дабы не отклониться от цели, не нарушить художественной правды.

Слишком точное следование правде вредит красоте, а чрезмерная приверженность красоте искажает правду; вместе с тем без стремления к идеальному не существует правды, – вот почему типы более реальны, чем портреты. Искусство стремится к правдоподобию, но правдоподобие зависит от наблюдающего лица, и потому это понятие весьма относительное.

Они путались в рассуждениях, и Бувар все меньше и меньше верил в эстетику.

– Или это все чепуха, или ее строгие правила должны подтверждаться примерами. А теперь послушай!

Он прочитал заметку, ради которой ему пришлось немало покопаться в книгах:

«Бугур ставит в вину Тациту отсутствие простоты, какой требует история.

Профессор Дроз нападает на Шекспира за смешение серьезного и шутовского стиля. Низар, тоже профессор, находит, что Андре Шенье, как поэт, стоит ниже поэтов XVII века. Англичанин Блер порицает Вергилия за сцену с гарпиями. Мармонтель сокрушается по поводу вольностей у Гомера. Ламот не желает признать гомеровских героев бессмертными. Вида негодует на его сравнения. Словом, авторы всех этих учебников риторики, поэтики и эстетики, по-моему,

просто идиоты!»

– Ты преувеличиваешь! – возразил Пекюше.

Его тоже терзали сомнения: если, как замечает Лонгин, умы посредственные неспособны ошибаться, значит, ошибаются ученые, – стало быть, их ошибки должны вызывать восхищение! Как же так? Это уж слишком нелепо! Однако ученые все же остаются учеными! Он стремился согласовать доктрины с художественными произведениями, примирить критиков с поэтами, постичь сущность прекрасного. Все эти вопросы так его замучили, что у него разлилась желчь. Он захворал желтухой.

В самый тяжелый период его болезни пришла Марианна, кухарка г-жи Борден, и попросила Бувара принять завтра ее хозяйку.

Вдова не появлялась у них со времени представления. Не было ли это авансом с ее стороны? Но тогда зачем ей понадобилось посредничество Марианны? Бувар всю ночь терялся в догадках.

На другой день, около двух часов, он в нетерпении расхаживал по коридору, изредка выглядывая в окошко; раздался звонок. Это был нотариус.

Пройдя через двор, он поднялся по лестнице и, поздоровавшись, уселся в кресло; он объяснил, что не мог дожждаться г-жи Борден и опередил ее. Дело в том, что она хочет купить у них Экайский участок.

Бувар, сразу охладев, пошел посоветоваться с Пекюше к

нему в спальню.

Пекюше не знал, что сказать. Он был встревожен своей болезнью и с минуты на минуту ждал Вокорбея.

Наконец появилась г-жа Борден. Она опоздала, потому что долго и тщательно наряжалась; на ней была кашемировая шаль, шляпка, лайковые перчатки – туалет для особо торжественных случаев.

Поговорив о разных пустяках, она задала вопрос, достаточно ли будет тысячи экю.

– За акр? Тысячу экю? Ни за что!

– Ну ради меня! – сказала вдова, умильно прищурив глазки.

Наступило неловкое молчание. Тут вошел граф де Фаверж с сафьяновым портфелем под мышкой.

Он сказал, положив портфель на стол:

– Это брошюры. Они посвящены злободневному вопросу – новой Реформе. А вот это, наверное, принадлежит вам.

И он протянул Бувару второй том *Записок Дьявола*.

Граф только что застал на кухне Мели с этой книгой, а так как за поведением слуг надо следить, он счел своим долгом ее отобрать.

Бувар действительно давал служанке читать книжки. Разговор зашел о романах.

Госпожа Борден их любила, только не слишком мрачные.

– Писатели, – сказал граф, – обычно приукрашивают жизнь, изображают ее в розовом свете.

– Надо писать с натуры! – возразил Бувар.

– Но тогда читатели будут следовать дурным примерам!..

– Дело не в примерах!

– Согласитесь хотя бы, что книга может попасть в руки юной девицы. У меня самого есть дочь.

– И притом очаровательная! – вставил нотариус, состроив сладкую мину, с какой заключал брачные контракты.

– Так вот, чтобы уберечь ее или, вернее, окружающих ее лиц, я запрещаю держать в доме подобные книги. Ведь народ, дорогой мой...

– Что он вам сделал, народ? – спросил Вокорбей, внезапно появившись на пороге.

Пекюше, узнав его голос, поспешил присоединиться к обществу.

– Я считаю, что народ следует оберегать от вредной литературы, – продолжал граф.

– Стало быть, вы против просвещения? – съязвил Вокорбей.

– Напротив! Позвольте!..

– Ведь в газетах каждый день нападают на правительство, – заметил Мареско.

– Что же в этом дурного?

Граф и доктор дружно ополчились на Луи Филиппа, ссылаясь на дело Притчарда, на сентябрьские законы против свободы печати.

– И свободы театральных зрелищ! – добавил Пекюше.

– В ваших театрах говорят много лишнего! – не выдержал Мареско.

– Вот здесь я с вами согласен, – сказал граф. – Пьесы, восхваляющие самоубийство, недопустимы.

– Самоубийство прекрасно, – вспомните Катона, – возразил Пекюше.

Граф де Фаверж, не ответив, обрушился на комедии, где осмеиваются самые священные понятия: семья, собственность, брак.

– Ну, а Мольер? – воскликнул Бувар.

Мареско возразил с видом знатока, что Мольер вышел из моды, к тому же его слишком расхвалили.

– А что до Виктора Гюго, – заявил граф, – то он поступил безжалостно, именно безжалостно по отношению к Марии Антуанетте, когда вывел тип королевы в лице Марии Тюдор.

– Как?! – возмутился Бувар. – Неужели я, автор, не имею права...

– Да, сударь, не имеете права описывать преступления, не показав рядом положительного примера, не преподав нам урока.

Вокорбей тоже полагал, что искусство должно ставить себе целью моральное воспитание масс.

– Вы должны воспевать науку, великие открытия, патриотизм.

Он ставил в пример Казимира Делавиня.

Госпожа Борден похвалила произведения маркиза де Фуд-

ра. Нотариус заметил:

– Что вы! А язык?

– Язык? Что вы хотите этим сказать?

– Вам говорят о стиле! – крикнул Пекюше. – Неужели, по-вашему, это хорошо написано?

– Конечно, очень интересно.

Он презрительно пожал плечами, и она покраснела от этой дерзости.

Несколько раз г-жа Борден пыталась заговорить о своем деле. Но было уже слишком поздно, чтобы его обсуждать. Вдова удалилась под руку с Мареско.

Граф раздал всем присутствующим свои памфлеты, прося их распространять.

Вокорбей собрался уходить, но Пекюше задержал его:

– Доктор! Вы обо мне забыли.

Жалко было смотреть на его желтую физиономию с черными усами и прядями волос, свисавшими из-под неумело повязанного фулярового платка.

– Примите слабительное! – сказал доктор и, дав ему шлепка, как мальчишке, проворчал:

– Слишком чувствительные нервы, слишком артистическая натура!

Такая фамильярность понравилась Пекюше. Он успокоился и спросил Бувара, как только они остались одни:

– Ты думаешь, у меня нет ничего серьезного?

– Конечно, ничего.

Они сделали выводы из разговоров гостей. Для каждого нравственная ценность искусства заключается в том, что соответствует его интересам. Литературу никто, в сущности, не любит.

Затем они перелистали печатные брошюры графа. Они требовали всеобщего избирательного права.

– Сдается мне, – сказал Пекюше, – что скоро у нас начнется заваруха!

Ему теперь – может быть, из-за желтухи – все представлялось в черном цвете.

VI

Утром 25 февраля 1848 года в Шавиньоле стало известно со слов одного приезжего из Фалеза, что в Париже строят баррикады, а на следующий день на стене мэрии вывесили плакат о провозглашении Республики.

Это великое событие привело жителей Шавиньоля в смятение.

Но когда пришло известие, что кассационный суд, апелляционный суд, счетная палата, коммерческий суд, нотариальные учреждения, сословие адвокатов, государственный совет, генералитет и сам господин де ла Рошжаклен признали временное правительство, все вздохнули с облегчением; прослышав, что в Париже сажают деревья свободы, муниципальный совет решил, что Шавиньолю должен последовать примеру столицы.

Бувар радовался победе народа и в порыве патриотизма пожертвовал одно дерево. Пекюше тоже был доволен – падение королевской власти подтверждало его давнишние предсказания.

Горжю, усердный их помощник, выкопал один из тополей, обрамлявших луг за Бугром, и приволок его в указанное место, на пустырь Па де ла Вак у въезда в поселок.

Все трое пришли на церемонию задолго до назначенного часа.

Вот затрещал барабан и показалось торжественное шествие: впереди серебряный крест, за ним двое певчих со свещниками, священник в ризе и епитрахили; его сопровождали четыре мальчика из хора, пятый нес ведро со святой водой, позади шел пономарь.

Аббат взошел на край ямы, куда посадили тополь, украшенный трехцветными лентами. Напротив стоял мэр с двумя помощниками – Бельжамбом и Мареско, дальше почетные граждане – граф де Фаверж, Вокорбей и Кулон, мировой судья, старикашка с сонным лицом; Герто надел полицейскую фуражку, а новый школьный учитель, Александр Пти, – свой праздничный наряд: поношенный зеленый сюртук. Пожарные выстроились в ряд, – сабли наголо, – под командой Жирбаля, а против них блестели на солнце старые кивера с белыми бляхами времен Лафайета; не больше пяти-шести, ибо национальная гвардия Шавиньоля сильно поредела. Позади толпились крестьяне с женами, рабочие с соседних фабрик, мальчишки; Плакван, сельский стражник, мужчина пяти футов и восьми дюймов ростом, сдерживал их напор, бросая грозные взгляды и прохаживаясь перед ними со скрещенными руками.

Кюре произнес краткое слово, какое полагалось произносить священникам в подобных обстоятельствах.

Заклеймив королей, он восславил Республику. Не именуют ли ее республикой науки, республикой христианской? Что может быть безгрешнее первой и прекраснее второй?

Иисус Христос оставил нам великую заповедь: древо народа – это древо креста. Дабы приносить плоды, религия нуждается в милосердии, и священник, во имя милосердия, заклинал свою паству соблюдать порядок и мирно разойтись по домам.

После этого он окропил дерево святой водою и призвал на него благословение Божие.

– Да растет оно и расцветает, да напоминает нам о дне освобождения от рабства, да крепнет наше братство под благодатной сенью его ветвей. Аминь!

Множество голосов подхватили «аминь», раздался барабанный бой, и клир с пением *Te Deum* направился обратно к церкви.

Церемония эта произвела превосходное впечатление. Простой народ увидел в ней счастливое предзнаменование, патриоты оценили оказанную им честь – уважение к их верованиям.

Бувар и Пекюше считали, что следовало поблагодарить их за подарок, хотя бы упомянуть об этом, и они поделились своей обидой с графом и доктором.

Им ответили, что это пустяки, мелочи, не имеющие значения. Вокорбей был в восторге от революции, де Фаверж тоже. Он ненавидел Орлеанов. Пусть убираются навсегда, скаattered дорога! Отныне главное – народ, всё для народа! В сопровождении своего управляющего Гюреля граф пошел догонять священника.

Фуру, недовольный церемонией, мрачно шагал, понуриив голову, между нотариусом и трактирщиком; он опасался беспорядков и невольно оглядывался на стражника с капитаном, которые дружно бранили нерадивость Жирбаля и дурную выправку его команды.

Толпа рабочих прошла по дороге, распевая Марсельезу. Среди них, размахивая палкой, маршировал Горжю. Учитель Пти с горящими глазами шел следом.

– Не нравится мне это! – сказал Мареско. – Орут во всю глотку, беснуются.

– Боже мой, что за беда? – возразил Кулон. – Пускай молодежь веселится.

Фуру вздохнул:

– Хорошо веселье! Доведет оно их до гильотины.

Ему мерещились восстания, казни, всякие ужасы.

Волнения Парижа нашли живой отклик в Шавиньоле. Жители стали подписываться на газеты. По утрам на почте толпился народ, служащая не справлялась с делом; хорошо, что ей иногда помогал капитан. Многие подолгу задерживались на площади, обсуждая последние новости.

Первый яростный спор разгорелся из-за Польши.

Герто и Бувар требовали ее освобождения.

Де Фаверж держался другого мнения.

– По какому праву мы туда сунемся? Это восстановит против нас всю Европу. Надо быть осторожнее.

Все его поддержали, и двум защитникам Польши при-

шлось прикусить языки.

В другой раз Вокорбей стал восхвалять циркуляры Ледрю-Роллена.

Фуро пристыдил его, сославшись на 45 сантимов.

– Зато правительство уничтожило рабство, – возразил Пекюше.

– Какое мне дело до рабства?

– А отмена смертной казни в политических процессах?

– К чертям! – воскликнул Фуро. – Теперь готовы отменить все что угодно. Кто знает, к чему это приведет? Арендаторы и те уже начали чего-то требовать.

– Тем лучше! – сказал Пекюше. – У земельных собственников слишком много привилегий. Те, кто владеет недвижимостью...

Прервав его, Фуро и Мареско завопили, что он коммунист.

– Я? Коммунист?!

Все заговорили разом. Когда Пекюше предложил основать клуб, Фуро дерзко объявил, что никогда не допустит клубов в Шавиньоле.

Затем Горжю, которого прочили в инструкторы, потребовал выдать ружья для национальной гвардии.

Ружья имелись только у пожарных. Жирбаль не хотел их отдавать, а Фуро не позаботился достать других.

Горжю посмотрел на него в упор.

– Между прочим, многие считают, что я умею стрелять.

Вдобавок ко всему прочему он еще занимался браконьерством; частенько и трактирщик, и сам мэр покупали у него зайца или кролика.

– Ну, ладно, берите, – махнул рукой Фуро.

В тот же вечер начались военные учения.

Это происходило на лужайке, перед церковью. Горжю, подпоясанный шарфом, в синей рабочей блузе, лихо проделывал ружейные приемы, выкрикивая слова команды грубым голосом:

– Подтяни брюхо!

Бувар, едва дыша, втягивал живот и выпячивал зад.

– Нечего загибаться, стойте прямо, черт подери!

Пекюше вечно путал ряды и шеренги, оборот направо, полуоборот налево. Особенно жалкий вид был у школьного учителя: этот низенький, тщедушный человечек с русой бородкой шатался под тяжестью ружья, задевая штыком соседей.

Новобранцы носили драные штаны всех цветов, грязные португепи, старые куцые мундиры, из-под которых вылезала рубаха; каждый оправдывался тем, что «ему не на что одеться». Объявили подписку на обмундирование для неимущих. Фуро оказался сквалыгой, зато женщины расщедрились. Г-жа Борден пожертвовала 5 франков, хотя ненавидела Республику. Граф де Фаверж обмундировал двенадцать солдат и не пропускал ни одного занятия. После учений он усаживался в соседней закуской и угощал вином всякого, кто

туда заходил.

В те дни важные господа всячески заигрывали с просто-народьем. На первом месте были рабочие. Каждый считал за честь к ним принадлежать. Они становились знатным сословием.

В самом округе жили главным образом ткачи, другие работали на ситценабивных мануфактурах и на новой бумагопрядильной фабрике.

Горжю завлекал их своими дерзкими речами, учил боксу, а кое-кого водил выпить к г-же Кастильон.

Но крестьян было больше, чем рабочих, и граф де Фаверж в базарные дни заводил с ними разговоры, прогуливаясь по площади, справлялся об их нуждах, старался склонить на свою сторону. Крестьяне слушали да помалкивали; подобно дяде Гуи, они были согласны на любое правительство, лишь бы им снизили налоги.

Горжю своей болтовней добился большой популярности. Пожалуй, его могли выбрать в Национальное собрание.

Граф де Фаверж тоже мечтал стать депутатом, но старался этого не показывать. Консерваторы колебались между Фуру и Мареско. Так как нотариус был связан своей конторой, то кандидатом наметили Фуру – этого грубияна, этого кретина, – к великому возмущению доктора.

Вокорбей тяготился службой в провинции и тосковал о Париже; сознание неудавшейся жизни угнетало его и придавало ему угрюмый вид. На посту депутата перед ним откоро-

ется широкое поприще, он наверстает упущенное! Он изложил письменно свои политические принципы и прочел Бувару и Пекюше.

Те одобрили декларацию, заявив, что разделяют его взгляды. Однако сами они писали не хуже, лучше знали историю, имели такое же право заседать в Палате. Почему бы нет? Только кто из них двоих более этого достоин? Начались взаимные уступки.

Пекюше признавал превосходство друга.

– Нет, нет, это тебе больше подходит, у тебя такой представительный вид!

– Пожалуй, зато ты гораздо смелее, – возражал Бувар.

Так и не сделав окончательного выбора, они все же составили план действий.

Честолюбивое стремление стать депутатом распространилось, как зараза. Об этом мечтал и капитан в полицейской фуражке, попыхивая трубкой, и школьный учитель в классе, и даже аббат, в перерыве между молитвами, едва удерживался, чтобы не шептать, воздевая глаза к небу:

– Господи! Сделай меня депутатом!

Вокорбей, поощренный похвалами Бувара, отправился к Герто и поделился своими надеждами.

Капитан не стал церемониться. Доктор, конечно, человек известный, но его недолюбливают коллеги, в особенности аптекари. Все они выступают против него, а деревенский люд не захочет выбирать господ; к тому же он лишится луч-

ших своих пациентов. Напуганный этими доводами, Вокорбей пожалел, что поддался слабости.

Не успел он уйти, как Герто поспешил к Плаквану. Они же оба старые вояки, надо помогать друг другу! Но сельский стражник, всецело преданный Фуро, отказал ему в поддержке.

Тем временем священник убедил де Фавержа, что его час еще не настал. Надо подождать, пока республика истощит свои силы.

Бувар и Пекюше доказали Горжю, что ему не одолеть коалицию крестьян и буржуа; они поселили в нем сомнения, подорвали веру в себя.

Учитель Пти из хвастовства проговорился о своей мечте. Тогда Бельжамб пригрозил ему, что в случае провала его неминуемо уволят.

Наконец сам кардинал приказал священнику сидеть смиренно и никуда не соваться.

Оставался Фуро.

Бувар и Пекюше повели против него кампанию; напоминали всем об его нерадивости в деле с ружьями, о запрещении открыть клуб, об отсталых взглядах, о скупости, и даже внушили дяде Гуи, будто мэр жаждет восстановления старого строя.

Как ни плохо разбирался крестьянин в этом вопросе, он питал к старому режиму лютую ненависть, унаследованную от предков, и потому настроил против Фуро всех своих род-

ственников – свояков, зятьев, двоюродных братьев, внучатых племянников – целую ораву.

Горжю, Вокорбей и Пти довершили поражение мэра, расчистив таким образом путь для Буvara и Пекюше, которые неожиданно получили шансы на успех.

Друзья кинули жребий, кому из них быть депутатом. Жребий не выпал никому, и они пошли посоветоваться с доктором.

Вокорбей огорошил их известием, что Флакарду, издатель *Кальвадоса*, уже выставил свою кандидатуру. Бувар и Пекюше были глубоко разочарованы; каждый был в обиде не только за себя, но и за друга. И все же политические страсти разгорелись у них в душе. В день выборов они наблюдали за подсчетом голосов. Флакарду одержал победу.

Граф возлагал теперь надежды на национальную гвардию, но так и не получил эполетов командира. Жители Шавиньоля почему-то предпочли Бельжамба.

Этот странный и неожиданный выбор доконал Герто. Правда, он пренебрегал своими обязанностями, ограничиваясь тем, что изредка посещал строевые занятия и делал замечания. Все равно! Какая чудовищная несправедливость – предпочесть жалкого трактирщика отставному капитану Империи! После вторжения в Палату 15 мая он сказал:

– Меня ничто больше не удивляет, если в столице раздают военные чины так же, как у нас!

Началась реакция.

Все повторяли рассказы об ананасных пюре Луи Блана, о золотой кровати Флокона, королевских оргиях Ледрю-Роллена; провинция откуда-то знает всю подноготную парижской жизни, и обитатели Шавиньоля не сомневались в коварных планах правительства и верили самым нелепым слухам.

Граф де Фаверж зашел как-то вечером к аббату и сообщил о прибытии в Нормандию графа Шамбора.

Фуру пустил слух, будто Жуанвиль собирается натравить своих моряков на социалистов. Герто уверял, что Луи Бонапарт скоро станет консулом.

Фабрики не работали. Бедняки целыми толпами бродили по деревням.

Однажды воскресным утром, в первых числах июня, в Фалез неожиданно прискакал жандарм. Он принес известие, что на Шавиньоль идут рабочие из Аквиля, Лифара, Пьерпона и Сен-Реми.

Жители стали поспешно запирают ставни, собрался муниципальный совет и постановил во избежание кровопролития не оказывать никакого сопротивления. Жандармам было приказано затвориться в казармах и не показываться на улицу.

Вскоре послышался неясный гул, словно приближалась гроза. Стекла задребезжали от громкой Песни жирондистов, на дороге из Кана показались шеренги запыленных, потных, оборванных людей; они шли, держась под руки, и мгновенно заполнили площадь. Поднялся страшный шум.

В залу мэрии ворвались Горжю и двое рабочих. Один из них – тощий, с испитым лицом, в дырявой вязаной фуфайке с распутившимися петлями. Другой – черный от угля, должно быть, машинист, с жесткими волосами, густыми бровями, в веревочных туфлях. Горжю был в короткой куртке, накинутой на плечо, как у гусара.

Все трое остановились у покрытого синим сукном стола, за которым сидели бледные от страха члены муниципального совета.

– Граждане! – сказал Горжю. – Мы требуем работы.

Мэр весь дрожал и не мог выговорить ни слова.

Мареско ответил за него, что муниципалитет немедленно рассмотрит вопрос, и как только делегаты ушли, советники начали лихорадочно строить планы.

Первым поступило предложение дробить щебень.

Чтобы щебень на что-то пригодился, Жирбаль придумал вымостить дорогу между Англевилем и Турнебю.

Но ведь дорога на Байе вела туда же!

Можно вычистить пруд! Но тут мало работы. Или же выкопать второй пруд. Но где именно?

Ланглуа внес предложение укрепить насыпью берег Мартена на случай наводнения. По мнению Бельжамба, гораздо полезнее было распахать заросшие вереском пустыри. Совет так и не пришел ни к какому решению... Чтобы успокоить народ, Кулон вышел на крыльцо и объявил, что будут открыты благотворительные мастерские.

– К черту благотворительность! – крикнул Горжю. – Долой аристократов! Мы требуем права на труд!

Этот лозунг был в моде, а Горжю искал популярности. Раздались рукоплескания.

Обернувшись, он столкнулся с Буваром, которого привел сюда Пекюше, и они разговорились. Спешить было некуда: мэрия окружена со всех сторон, и советники от них не уйдут.

– Где взять денег? – спрашивал Бувар.

– Отнять у богачей. К тому же правительство прикажет им организовать работы.

– А если работы сейчас не нужны?

– Можно поработать для будущего.

– Но тогда заработки понизятся, – возразил Пекюше. – Недостаток спроса на труд указывает на избыток продуктов! А вы требуете, чтобы их было больше.

Горжю покусывал усы.

– Однако... при организации труда...

– Тогда правительство станет хозяином.

Вокруг них раздался ропот:

– Нет, довольно, не хотим хозяев!

Горжю взорвался:

– Все равно! Они должны заплатить трудящимся или же предоставить кредит.

– Каким образом?

– Сам не знаю! Но необходимо предоставить кредит!

– Довольно! Надоело ждать! – крикнул машинист. – Эти

мошенники издеваются над нами.

Он вскочил на крыльцо, грозясь, что взломает двери.

Плакван загородил ему дорогу, сжав кулаки, выставив правую ногу вперед.

– Только попробуй!

Машинист попятился.

Крики толпы проникли в залу мэрии; советники вскочили с мест, хотели бежать. Подкрепление из Фалеза все не приходило. На их беду, граф де Фаверж был в отсутствии. Мареско крутил в руках перо, старенький Кулон стонал от страха. Герто требовал, чтобы вызвали жандармов.

– Примите команду на себя! – предложил Фуру.

– У меня нет приказа.

Рев между тем усилился. Толпа запрудила площадь; все глаза были устремлены на окна второго этажа мэрии, как вдруг в средней амбразуре, под часами, появился Пекюше.

Он тихонько забрался туда по черной лестнице и, вдохновляясь примером Ламартина, обратился к народу с речью.

– Граждане!

Но его длинный нос, картуз, сюртук, вся его нескладная фигура не имели успеха у толпы.

Мужчина в вязаной фуфайке крикнул:

– Ты кто, рабочий?

– Нет.

– Значит, помещик?

– Тоже нет.

– Тогда проваливай отсюда!

– Почему? – надменно спросил Пекюше.

Но тут же исчез: машинист за шиворот оттащил его от окна. Горжю бросился на помощь.

– Не трогай его, это славный старик!

Началась драка.

Двери распахнулись, и Мареско, выйдя на порог, огласил решение муниципального совета. (Его подсказал им Гюрель.)

Дорога из Турнебю, от перекрестка, ведущего в сторону Англевиля, будет проложена к замку графа де Фавержа.

На эту жертву Коммуна пошла исключительно в интересах трудящихся.

Толпа мирно разошлась.

По дороге домой Бувар и Пекюше услышали пронзительный женский визг. Кричали служанки г-жи Борден, и громче всех сама хозяйка; увидев их, вдова воскликнула:

– Как хорошо, что вы пришли! Уже три часа я вас жду! Бедный мой сад, ни одного тюльпана не осталось! Повсюду вонючие, мерзкие кучи! И никак его не выгонишь!

– Кого?

– Дядю Гуи. Он привез в телеге навоз и вывалил прямо на лужайку. А сейчас вскапывает газон. Остановите его!

– Пойдемте! – сказал Бувар.

Под ступеньками балкона бродила запряженная в телегу лошадь, поедая кусты олеандров. Колеса, проехав по гряд-

кам и клумбам, помяли самшит, поломали рододендроны, раздавили георгины, а по траве были раскиданы, точно земля из кротовых нор, черные кучи навоза. Гуи усердно перекапывал дерн.

Когда-то госпожа Борден неосторожно сказала, что хотела бы вспахать лужайку. Дядя Гуи ревностно взялся за работу и упрямо продолжал копать, несмотря на протесты хозяйки. Так он понимал право на труд: Горжю своими речами совсем заморочил ему голову. Только крики и угрозы Бувара заставили его уйти.

Госпожа Борден в возмещение убытков оставила навоз себе, а за работу не заплатила ни гроша. Это была деловая женщина; жена врача и даже супруга нотариуса, дамы из высшего круга, очень ее уважали.

Благотворительные мастерские через неделю закрылись. Никаких беспорядков не произошло. Горжю куда-то исчез.

Однако национальная гвардия все еще была в боевой готовности: воскресные парады, смотры, иногда маршировка и каждую ночь дозоры. Патрули не давали покоя жителям поселка.

Дозорные ради забавы дергали за колокольчики, врываются в спальни, где супружеские пары храпели на одной кровати, отпускали сальные шуточки, после чего мужу приходилось вставать и угощать их вином. Затем возвращались в казарму сыграть в домино, пили сидр, ели сыр, а караульный, сучая за дверью, заглядывал к ним каждую минуту. Из-за

слабохарактерности Бельжамба дисциплина в национальной гвардии совсем расшаталась.

Когда произошли июньские события, все как один решили «лететь на помощь Парижу». Но Фуро не мог покинуть мэрию, Мареско – свою контору, доктор – пациентов, Жирбаль – пожарных; граф де Фаверж уехал в Шербур, а Бельжамб слег в постель.

– Меня не выбрали, – ворчал капитан, – тем хуже для них!

А Бувар имел благоразумие отговорить Пекюше.

Обходы по окрестностям велись теперь на более широком пространстве.

Случалось, что тень от стога сена или ветка необычной формы вызывали панику. Однажды весь отряд национальных гвардейцев обратился в бегство: при свете луны им померещилось, что на яблоне сидит человек и целится в них из ружья.

В другой раз, темной ночью, сделав привал в буковой роще, патруль услышал впереди чьи-то шаги.

– Стой! Кто идет?

Никакого ответа.

Незнакомцу дали пройти, следуя за ним на расстоянии, – ведь у него мог быть пистолет или дубинка; но, оказавшись в деревне, близ караульни, все двенадцать гвардейцев разом набросились на него с криком:

– Ваши документы!

Незнакомца избили, осыпали бранью. Из казармы выбе-

жали дозорные. Его поволокли туда, и наконец при свете горевшей на печке свечи все узнали Горжю.

Ветхое люстриновое пальто порвалось на плечах. Из дырявых сапог торчали пальцы. Лицо было покрыто царапинами и кровоподтеками. Он ужасно исхудал и дико озирался, как затравленный волк.

Прибежал Фуру и начал допрашивать арестованного: как он очутился в буковой роще, зачем вернулся в Шавиньоль и где пропададал полтора месяца?

Это никого не касается. Он человек свободный.

Плакван обыскал его, надеясь найти патроны. На всякий случай его все же решили посадить за решетку.

Бувар запротестовал.

– Уж вам-то нечего вмешиваться! – крикнул мэр. – Ваши взгляды всем известны.

– И все же...

– Берегитесь, предупреждаю вас, будьте осторожны!

Бувар не настаивал.

Горжю обернулся к Пекюше:

– А вы, хозяин, почему молчите?

Пекюше опустил голову, будто сомневаясь в его невиновности.

Бедняга горько усмехнулся.

– Эх вы! А я-то вас защищал!

На рассвете двое жандармов отвели арестованного в Фалез.

Его не предали военному суду, но исправительная полиция приговорила его к трем месяцам тюрьмы за поджигательские речи, призывавшие к свержению правительства.

Он написал из Фалеза своим бывшим хозяевам, прося как можно скорее прислать свидетельство о доброй нравственности и примерном поведении; так как их подписи должен был удостоверить мэр или его помощник, они предпочли попросить об этой услуге нотариуса Мареско.

Их провели в столовую; стены были увешаны старинными фаянсовыми блюдами, в узком простенке красовались часы Буля. На столике красного дерева, без скатерти, стояли два прибора на салфетках, две чашки, чайник. Г-жа Мареско проплыла по комнате в синем кашемировом пеньюаре. Это была парижанка, скучавшая в деревне. Затем появился нотариус, с газетой в одной руке и адвокатской шапочкой в другой; он тотчас же с любезной улыбкой приложил печать, заметив, однако, что их протеже – человек опасный.

– Что вы! – сказал Бувар. – Из-за нескольких неосторожных слов...

– Нет, уж позвольте, дорогой мой! Иные слова ведут к преступлению.

– Однако же как отличить речи преступные от речей безобидных? – возразил Пекюше. – Что нынче запрещено, тому завтра будут рукоплескать.

Он не одобрял жестокости, с какою было подавлено восстание.

Мареско, разумеется, стал ссылаться на защиту общественного порядка, на благо государства, на высший закон.

– Извините, – сказал Пекюше, – право одного человека так же священно, как право общественное, и вы ничего не можете противопоставить этой аксиоме, кроме силы.

Мареско вместо ответа презрительно поднял брови. Лишь бы ему не мешали составлять нотариальные акты, жить в своем уютном, комфортабельном доме, среди фаянсовых тарелок, а там хоть трава не расти: если на свете и бывают несправедливости, это его не касается. Он извинился перед гостями: его ждут неотложные дела.

Громкие фразы о благе государства возмутили обоих друзей. Консерваторы заговорили теперь, как Робеспьер.

Им еще многому пришлось удивляться: популярность Каменьяка падала. Национальная гвардия вызывала подозрения. Ледрю-Роллен погубил свою репутацию даже во мнении доктора Вокорбея. Прения о конституции никого не интересовали, и 10 декабря все жители Шавиньоля подали голос за Бонапарта.

Шесть миллионов голосов восстановили Пекюше против народа, и они с Буваром занялись вопросом о всеобщем избирательном праве.

Выбор толпы не может быть разумным. Честолюбивый хитрец всегда сумеет направить голосование, повести за собой толпу, как послушное стадо, – ведь избиратели даже не обязаны уметь читать и писать; вот почему, по словам Пе-

кюше, было столько подтасовок при выборах президента.

– Никаких подтасовок, – возразил Бувар, – просто народ очень глуп. Вспомни, сколько болванов покупает разные снадобья, помаду Дюпюитрена, эликсир красоты и всякую дрянь. Из этих тупиц и состоит большинство избирателей, а мы подчиняемся их воле. Почему разведение кроликов не приносит трех тысяч франков дохода? Потому что, когда кролики слишком расплодятся, онидохнут. Так и в толпе сами собой плодятся и развиваются зародыши глупости, а это ведет к гибельным последствиям.

– Твой скептицизм пугает меня! – воскликнул Пекюше.

Позже, весной, они повстречали графа де Фавержа, и тот сообщил им о Римской экспедиции. Мы не собираемся завоевывать Италию, но нам нужны гарантии. Иначе мы утратим политическое влияние. Такое вторжение вполне законно.

Бувар вытаращил глаза.

– Но ведь о Польше вы говорили как раз обратное.

– Это не одно и то же! Тут дело касается папы.

Де Фаверж, говоря: «Мы желаем, мы сделаем, мы твердо надеемся», – выступал от лица своей партии.

И меньшинство, и большинство стали одинаково отвратительны Бувару и Пекюше. Аристократия, в сущности, была не лучше простонародья.

Право вторжения казалось им сомнительным. Они принялись изучать принципы международного права по трудам Кальво, Мартенса, Вателя, и Бувар пришел к следующему

выводу:

– Политическое вмешательство применяется, чтобы вернуть престол государю, чтобы освободить народ или предотвратить угрозу нападения. В любом случае это – покушение на чужие права, злоупотребление властью, лицемерное насилие.

– Однако, – сказал Пекюше, – народы, как и люди, связаны взаимной ответственностью.

– Возможно.

Бувар задумался.

Вскоре началась Римская экспедиция.

Внутри страны, из ненависти к разрушительным идеям, парижская буржуазия разгромила две типографии. Образовалась влиятельная партия порядка.

В их округе главарями были граф, Фуру, Мареско, священник. Каждый день часа в четыре они прохаживались взад и вперед по площади и рассуждали о последних событиях. Главной их заботой было распространять брошюры. Заглавия не лишены были выразительности: «Так угодно Богу», «Нелепый раздел», «Очистимся от грязи», «Куда мы идем?». Особенно замечательны были диалоги высоконравственного содержания, написанные народным языком, пересыпанные ругательствами и грубыми ошибками, чтобы было понятнее крестьянам.

По новому закону префекты имели право карать за распространение слухов, а Прудона только что посадили в тюрь-

му Сент-Пелажи: колоссальная победа.

Деревья свободы были срублены повсеместно. Шавиньоль последовал этому примеру. Бувар видел собственными глазами, как везли на тележке кругляки от его тополя. Жандармы стопили их в казарме, а пень подарили священнику, который сам же недавно кропил его святой водой. Какая ирония судьбы!

Учитель не скрывал своих убеждений.

Бувар и Пекюше, проходя однажды мимо его дома, похвалили его за это.

На другой день он навестил их. В конце недели они отдали ему визит.

Спускались сумерки, школьники разошлись, учитель великим подметал двор. Его жена, повязав голову платком, кормила грудью ребенка. Худенькая девочка цеплялась за материнскую юбку, а на земле, у ее ног, ползал уродливый мальчуган. Из кухни, где она занималась стиркой, стекала во двор мыльная вода.

– Видите, как заботится о нас правительство? – с горечью сказал учитель.

И тут же обрушился на проклятый капитал. Необходимо его демократизировать, раскрепостить рабочую силу.

– И я того же мнения! – заявил Пекюше.

Следует хотя бы признать право каждого гражданина на общественную помощь.

– Еще одно право?! – воскликнул Бувар.

– Это ничего – ведь временное правительство оказалось слабым и не установило принцип братства.

– Попробуйте-ка провести его в жизнь!

На дворе стемнело; хозяин грубым тоном приказал жене принести свечу к нему в кабинет.

На выбеленной стене были пришпилены булавками литографии левых ораторов. Над столом елового дерева висел шкафчик с книгами. Сиденьями служили единственный стул, табуретка и старый ящик из-под мыла. Учитель делал вид, что не замечает окружающей нищеты; его лицо с ввалившимися от голода щеками и узким лбом выражало гордость и дикое упрямство. Никогда в жизни он не сдастся.

– Вот что меня поддерживает, – сказал учитель, указывая на полку с кипой газет. И тут он с лихорадочным волнением поведал гостям свой символ веры: разоружение армии, упразднение магистратуры, уравнивание зарплаток, равенство состояний; тогда наступит золотой век в форме республики во главе с диктатором, который энергично возьмется за дело.

Потом учитель достал бутылку анисовки, три стакана и провозгласил тост за героя, за бессмертную жертву, за великого Максимилиана.

В эту минуту на пороге появилась черная сутана аббата.

Поклонившись всей компании, он подошел к хозяину и спросил, понизив голос:

– Как дела со святым Иосифом?

– Они ничего не дали, – ответил тот.

– Это ваша вина!

– Я сделал все, что мог.

– Вот как?

Бувар и Пекюше из деликатности собрались уходить. Пти усадил их снова и спросил, обратившись к священнику:

– Это все?

Аббат Жефруа, помедлив, заметил, смягчая выговор учителю кислой улыбкой:

– Говорят, вы уделяете недостаточно внимания священной истории.

– Священная история? Велика важность! – воскликнул Бувар.

– Что вы имеете против нее, сударь?

– Да ничего. Только, пожалуй, есть вещи поважнее, чем анекдоты про Иону и царей Израиля.

– Думайте, что хотите, воля ваша! – сухо отрезал священник и продолжал, не обращая внимания на посторонних или же в пику им: – Катехизису уделено слишком мало часов.

Пти пожал плечами.

– Берегитесь. Вы потеряете пансионеров!

Заработок по десяти франков в месяц с ученика был главной его доходной статьей. Но вид поповской сутаны выводил его из себя.

– Ну и пускай, можете мстить, сколько хотите.

– Духовному лицу не подобает мстить, – ответил священ-

ник хладнокровно. — Только напоминаю вам, что согласно закону пятнадцатого марта мы обязаны наблюдать за начальным обучением.

— Еще бы, я знаю! — воскликнул школьный учитель. — За этим следят даже жандармские полковники. Не хватает только сельского стражника! Для полноты картины!

Он рухнул на табуретку, едва сдерживаясь, кусая себе руки, мучаясь сознанием своего бессилия.

Аббат тихонько тронул его за плечо.

— Я не хотел вас огорчать, друг мой. Успокойтесь, будьте благоразумны... Скоро Пасха; я надеюсь, что вы подадите пример и придете к причастию, как другие.

— Ну уж это слишком! Как? Я должен исполнять эти глупые обряды?

Услышав подобное кощунство, священник побледнел. Его глаза метали молнии, подбородок дрожал.

— Умолкните, несчастный! Перестаньте! А ваша жена еще стирает церковное белье!

— Так что же? Чем она провинилась?

— Она постоянно пропускает церковную службу. И вы в церковь не ходите!

— Э-э! За это учителей не увольняют.

— Их можно перевести в другую школу.

Аббат замолчал. Он отошел в тень, в глубину комнаты. Хозяин задумался, понутив голову.

Если даже они переберутся на другой конец Франции, по-

тратив на переезд последние гроши, все равно там окажутся под другими именами тот же священник, тот же ректор, тот же префект; все, кончая министром, казались ему звеньями одной тяжелой цепи, его сковавшей. Он уже получил первое предупреждение, будут и другие. А что дальше? И, как в бреду, ему представилось, что он скитается по большим дорогам, с мешком за плечами, вместе с любимой семьей, и протягивает руку к почтовой карете, прося их подвезти.

В эту минуту на кухне его жена закашлялась, грудной ребенок запищал, а мальчуган заплакал.

– Бедные дети! – ласково сказал священник.

Отец зарыдал.

– Хорошо! Согласен! Я сделаю все, что вы требуете.

– Будем надеяться, – проговорил аббат, отвешивая прощальный поклон.

– Доброй ночи, господа!

Учитель продолжал сидеть, закрыв лицо руками. Он отстранил подошедшего к нему Бувара.

– Нет, оставьте меня! Хоть бы мне подохнуть! Несчастный я человек.

Друзья возвратились домой, благословляя судьбу за свою независимость. Их ужасало могущество духовенства.

Его влиянием пользовались для поддержания общественного порядка. Республика доживала последние дни.

Три миллиона избирателей были лишены права участвовать во всеобщем голосовании. Залоги для издателей газет

были повышены. Цензура снова введена. Просмотру подвергались даже романы-фельетоны. Идеи философов-классиков считались опасными. Буржуа провозглашали главенство материальных интересов, а народ как будто был доволен.

Деревенский люд возвращался к своим прежним господам.

Граф де Фаверж, владевший земельной собственностью в Эвре, вошел в Законодательное собрание, и его переизбрание в муниципальный совет Кальвадоса было обеспечено.

Он считал своим долгом устроить завтрак для наиболее влиятельных лиц в округе.

Гостям был оказан самый любезный прием; их поразили вестибюль, где три лакея помогали им снять пальто, бильярдная с двумя гостиными в виде анфилады, растения в китайских вазах, бронзовые статуэтки на каминных полках, золоченые багеты на панелях, тяжелые занавеси, широкие кресла, роскошная обстановка. А в столовой, при виде стола, уставленного серебряными блюдами с жарким, рядами бокалов перед каждым прибором, множеством закусок и огромным лососем посередине, все лица просияли.

Всего было семнадцать человек, в том числе два крупных землевладельца, супрефект из Байе и какой-то господин из Шербурра. Граф де Фаверж извинился перед гостями, что его супруга не может принять их по случаю мигрени. После того как приглашенные отдали дань восхищения грушам и винограду, переполнявшим четыре корзины по углам, разговор

зашел о важной новости – проекте высадки в Англии войск генерала Шангарнье.

Герто одобрил этот план в качестве военного, священник – из ненависти к протестантам, Фуру – в интересах торговли.

– Вы проповедуете средневековые взгляды, – сказал Пе-
кюше.

– В средних веках было много хорошего, – возразил Ма-
реско. – Хотя бы наши соборы...

– А сколько злоупотреблений...

– Что за беда! Если бы не произошла революция...

– Да, революция, все зло от нее! – сказал священник со
вздохом.

– Но революции содействовали все, даже аристократы (из-
вините меня, граф), они были в союзе с философами.

– Что вы хотите! Людовик Восемнадцатый узаконил гра-
беж. С тех пор парламентский строй подрывает все основы...

Подали ростбиф; несколько минут слышен был только
стук вилок, чавканье да шаги лакеев, которые, скользя по
паркету, повторяли два слова: «Мадера! Сотерн!»

Беседа возобновилась благодаря незнакомому господину
из Шербура, который спросил, как удержаться на краю про-
пасти.

– У афинян, которые имеют нечто общее с нами, – заме-
тил Мареско, – Солон обезоружил демократов, повысив из-
бирательный ценз.

– Лучше бы распустить Палату, – заявил Гюрель, – вся

смута исходит из Парижа.

– Необходима децентрализация! – сказал нотариус.

– С широкими полномочиями, – добавил граф.

По мнению Фуру, местные власти должны быть полными хозяевами в округе, могут даже запретить проезд по своим дорогам, если сочтут это нужным.

В то время как одно блюдо сменяло другое – куры под соусом, раки, шампиньоны, салат из овощей, жареные жаворонки, – сотрапезники обсудили множество проблем: улучшение системы налогов, преимущества крупного землевладения, отмену смертной казни; супрефект не упустил случая привести по этому поводу словцо одного остряка: «Пусть господа убийцы начнут первыми!»

Бувар был поражен контрастом между окружавшими его прекрасными вещами и пошлыми разговорами; ему всегда казалось, что слова должны соответствовать обстановке и под высокими потолками должны рождаться великие мысли. Это не мешало ему раскраснеться от удовольствия, и за десертом он видел все блюда и компотницы как бы сквозь туман.

Пили разные вина – бордо, бургундское, малагу... Граф де Фаверж, зная вкусы соседей, велел откупорить шампанское. Событыльники, дружно чокаясь, предложили тост за успех выборов, а попозже, в четвертом часу перешли в курительную, чтобы выпить кофе.

На столике, среди номеров «Универ» валялась карикатура

из «Шаривари»; там был изображен гражданин, у которого из-под фалд сюртука свешивался хвост с глазом на конце. Мареско объяснил смысл карикатуры. Все долго хохотали.

Гости пили ликеры, стряхивая пепел от сигар на шелковую обивку. Аббат, убеждая в чем-то Жирбаля, напал на Вольтера. Кулон дремал. Граф де Фаверж говорил о своей преданности Шамбору.

– Пчелиные ульи доказывают превосходство монархии.

– Зато муравейники – превосходство республики. Впрочем, доктор уже больше не стоит за республику.

– Вы правы! – сказал супрефект. – Форма государственного строя значения не имеет.

– Если сохранена свобода! – вмешался Пекюше.

– Честному человеку не нужна ваша свобода, – ответил Фуру. – Я не мастер говорить речи, я не журналист. Но уверяю вас: Франция хочет, чтобы ею управляла железная рука.

Все хором стали призывать спасителя отечества.

Уходя, Бувар и Пекюше слышали, как граф де Фаверж говорил аббату Жефруа:

– Необходимо восстановить повинование. Государство погибнет, если будут обсуждать его указы. Божественное право – вот в чем единственное спасение.

– Вы совершенно правы, граф.

Бледные лучи октябрьского солнца протянулись за лесом, дул свежий ветер; шагая домой по сухим листьям, друзья с облегчением дышали полной грудью.

Все, чего они не смели высказать в замке, вырвалось наружу.

– Какие идиоты! Какая низость! – восклицали они. – Трудно вообразить столь отсталые взгляды! Да и что, собственно, значит божественное право?

Приятель Дюмушеля, профессор, объяснивший им законы эстетики, ответил весьма ученым, обстоятельным письмом.

Теорию божественного права сформулировал при Карле II англичанин Фильмер.

Вот она:

«Создатель даровал первому человеку господство над миром. Оно перешло к его потомкам, власть короля исходит от Бога. „Король – образ Бога“, – пишет Боссюэ. Отцовская власть в семье учит повиноваться единой воле. Короли созданы по образцу отцов».

Локк опровергает эту доктрину. Родительская власть отличается от власти монарха, ибо любой подданный имеет те же права по отношению к своим детям, как монарх – к своим. Королевская власть существует лишь благодаря народу, государь – избранник народа, – об этом напоминает старинный обряд коронования, когда два епископа, указывая на короля, спрашивали у знатных сеньоров и у простолюдинов, признают ли они его своим государем.

Следовательно, власть исходит от народа. Он имеет право «делать все, что хочет» – по Гельвецию, «изменить госу-

дарственный строй» – по Вателю, восстать против несправедливости – согласно Глафею, Отману, Мабли и прочим. А св. Фома Аквинский разрешает народу свергнуть тирана. По словам Жюрье, «народ даже не обязан быть правым».

Удивленные подобной аксиомой, друзья достали «Общественный договор» Руссо.

Пекюше одолел его до конца; потом, закрыв глаза и запрокинув голову, приступил к разбору.

Было якобы заключено соглашение, в силу которого личность отказалась от своей естественной свободы.

Общество со своей стороны обязалось защищать личность от несправедливостей природы и передать ей в собственность полагающиеся ей блага.

Но где доказательства, что такой договор был заключен?

Нет доказательств! К тому же общество не дает никаких гарантий. Граждане занимаются только политикой. Но нужны и ремесленники, поэтому Руссо рекомендует ввести рабство. Наука погубила человеческий род. Театр развращает нравы, деньги ведут к гибели, государство должно заставить народ исповедовать какую-нибудь религию под страхом смерти.

«Как? – удивились друзья. – И это проповедник демократии?»

Все реформаторы подражали Руссо, и потому они достали «Исследование социализма» Морана.

В первой главе излагается доктрина сенсимонизма.

Во главе государства стоит Отец, одновременно и папа и император. Право наследования отменяется, все имущество, движимое и недвижимое, переходит в общественный фонд, который распределяется по принципу иерархии. Общественным достоянием управляют промышленники. Но бояться нечего: вождем станет тот, «кто больше любит».

Одного недостает – женщины. От женщины зависит спасение мира.

– Я ничего не понимаю.

– Я тоже.

Они углубились в фурьеризм.

Все несчастья проистекают от принуждения. При свободном проявлении страстей наступит гармония.

Наша душа заключает двенадцать основных страстей: пять эгоистических, четыре анимических, три распределяющих. Первые стремятся к развитию личности, вторые – к группам, последние – к группам групп или сериям, совокупность которых образует фалангу, общину в тысячу восьмьсот человек, живущих во дворце. Каждое утро фалангистов увозят в каретах на полевые работы и каждый вечер привозят обратно. Все ходят со знаменами, устраивают празднества, едят пироги. Любая женщина, если хочет, может иметь трех мужчин: мужа, любовника и производителя. Для холостяков в каждой фаланге имеется штат баядерок.

– Это бы мне подошло! – сказал Бувар и погрузился в мечты о «гармоническом» обществе.

Благодаря улучшению климата земля станет еще прекраснее; путем скрещивания рас человеческая жизнь удлинится. Люди научатся управлять облаками, как теперь управляют молнией, по ночам над городами будут идти дожди, чтобы смыть всю грязь. Корабли станут бороздить полярные моря, оттаявшие под лучами северного сияния. Все сущее происходит от сочетания флюидов, мужского и женского, излучаемых полюсами земли; северное сияние – не что иное, как течка планеты, оплодотворяющее истечение.

– Это выше моего понимания, – сказал Пекюше.

После Сен-Симона и Фурье задача свелась к реформе заработной платы.

Луи Блан в интересах рабочих предлагает отменить внешнюю торговлю; Лафарель требует облегчить труд машинами; еще кто-то – понизить акциз на вино, или перестроить цехи, или раздавать даровую похлебку. Прудон изобретает единый тариф и требует сахарной монополии.

– Все эти социалисты стремятся к тирании, – заметил Бувар.

– Да что ты!

– Право же!

– Ты говоришь вздор!

– А ты меня возмущаешь.

Они выписали сочинения, содержание которых излагалось в книге Морана. Бувар, отметив несколько страниц, сказал:

– Читай сам! Здесь нам предлагают, как пример для подражания, ессеев, Моравских братьев, Парагвайских иезуитов, вплоть до тюремного режима. У икарыйцев на завтрак дается всего двадцать минут, женщины рожают в больнице, а книги запрещено печатать без разрешения властей.

– Но ведь Кабе идиот.

– А вот что сказано у Сен-Симона: публицисты должны представить все ими написанное в комитет промышленников. А вот тебе из Пьера Леру: закон принуждает граждан выслушивать оратора до конца. А вот из Огюста Конта: священники наставляют молодежь, руководят умственным развитием и поручают властям регулировать деторождение.

Цитаты привели Пекюше в уныние. Но вечером, за обедом, он затеял спор:

– Я согласен, что в трудах утопистов встречаются нелепости, и все же они заслуживают нашего восхищения. Их удручало уродство жизни, и, чтобы ее изменить, сделать прекраснее, они готовы были все претерпеть. Вспомни: Томасу Мору отрубили голову, Кампанеллу семь раз пытали, Буонаротти заковали в цепи, Сен-Симон умер в нищете, а сколько было других! Все они могли бы жить спокойно, так нет! Они шли своим трудным путем, с высоко поднятой головой, как герои.

– Неужели ты веришь, – сказал Бувар, – что теории какого-то господина могут изменить мир?

– Все равно! – воскликнул Пекюше. – Теперь не время погрязать в эгоизме. Попытаемся отыскать лучшую систему.

– Значит, ты надеешься ее найти?

– Разумеется.

– Это ты-то?

От хохота у Бувара тряслись и плечи и живот. Красный как рак, заткнув салфетку под мышкой, он поддразнивал приятеля, повторяя:

– Это ты-то? Ха-ха-ха!

Пекюше вышел из столовой, громко хлопнув дверью.

Жермена кликала его по всему дому и едва нашла; он сидел впотьмах, в нетопленной комнате, забившись в кресло и нахлобучив картуз на лоб. Он не был болен, но о чем-то сосредоточенно думал.

Когда обида прошла, Бувар и Пекюше решили, что их научным занятиям не хватает основы: знакомства с политической экономией.

Они погрузились в изучение спроса и предложения, капитала и арендной платы, ввоза и вывоза, запретительной системы.

Однажды ночью Пекюше проснулся от скрипа сапог в коридоре. Накануне он, как обычно, сам запер дом и задвинул засовы; он окликнул Бувара, который крепко спал.

Они долго прислушивались, лежа под одеялами, не шевелясь. Шум больше не повторился.

Они спрашивали служанок, но те ничего не слышали.

На другой день, прогуливаясь в саду, друзья заметили следы подошв на куртине и две сломанные жерди в ограде: оче-

видно, кто-то через нее перелезал.

Надо было заявить об этом стражнику.

Не найдя его в мэрии, Пекюше завернул в бакалейную лавочку.

Кого же он увидел в дальнем углу за столиком, рядом с Плакваном и другими собутыльниками? Горжю! Он был разодет по-городскому и угощал вином всю компанию.

Друзья не придали значения этой встрече.

Продолжая изыскания, Бувар и Пекюше подошли к проблеме прогресса.

В прогрессе науки Бувар не сомневался. Но в литературе он его что-то не замечал; даже если благосостояние людей повышается, то прелесть жизни исчезает.

Чтобы убедить друга, Пекюше принес лист бумаги:

– Вот, смотри, я провожу наискось волнистую линию. Те, кто прошел бы по этому пути, при каждом понижении не могли бы видеть горизонта. Между тем линия идет вверх и, несмотря на изгибы, достигнет вершины. Такова схема прогресса.

В эту минуту вошла госпожа Борден.

Это было 3 декабря 1851 года. Вдова принесла газету.

Они быстро пробежали воззвание к народу, прочли, что Палата распущена, а депутаты арестованы.

Пекюше побледнел. Бувар молча уставился на вдову.

– Как? Вы ничего не говорите?

– Что же я могу сказать, по-вашему?

Они даже забыли предложить стул г-же Борден.

– А я-то спешила, хотела вас обрадовать! Ох, вы совсем не любезны сегодня!

Обиженная их невежливостью, она ушла.

От удивления они лишились дара речи. Потом отправились в поселок, чтобы поделиться с кем-нибудь своим возмущением.

Мареско, принявший их за столом, заваленным бумагами, держался другого мнения. Кончилась болтовня в Палате, и слава Богу. Теперь политику будут вести по-деловому.

Бельжамб даже не слышал о перевороте, к тому же ему на это наплевать.

На рынке они остановились поговорить с Вокорбеем.

Доктор уже оправился от изумления.

– Напрасно вы так волнуетесь, не стоит портить себе кровь.

Фуру прошел мимо них, насмешливо пробурчав:

– Сели в лужу, демократы!

А капитан, гулявший под руку с Жирбалем, крикнул издали:

– Да здравствует император!

Один Пти мог понять их чувства, и Бувар постучал ему в окошко; учитель вышел из класса.

Он находил чрезвычайно забавным, что Тьера посадили в тюрьму. Наконец-то народ отомщен.

– Ну, господа депутаты, теперь ваш черед!

Жители Шавиньоля одобряли расстрелы на бульварах. Нечего щадить побежденных, нечего жалеть пострадавших. Кто поднимает восстание – тот негодяй.

– Возблагодарим Всевышнего! – говорил священник. – А после него Луи Бонапарта. Он призывает к себе самых достойных людей. Граф де Фаверж будет сенатором.

На следующий день к Бувару и Пекюше явился Плакван. Почтенные господа слишком много разговаривают. Он дает им совет помалкивать.

– Хочешь знать мое мнение? – сказал Пекюше. – Так как буржуа жестоки, рабочие завистливы, священники раболепны, а народ в конце концов признает любого тирана, лишь бы ему не мешали хлебать суп из котла, то Наполеон правильно поступил. Пускай он затыкает им рты, топчет их, истребляет! Они заслуживают еще худшей кары за их ненависть к праву, за их подлость, глупость, слепоту.

Бувар задумался.

– Вот тебе и прогресс! Экое надувательство!

И добавил:

– А уж политика! Какая гнусность!

– Это не наука, – заявил Пекюше. – Военное искусство гораздо серьезнее – там можно предвидеть, что произойдет. Давай этим займемся.

– Нет уж, слуга покорный, – отозвался Бувар. – Мне все осточертело. Продадим-ка лучше нашу лачугу и уплывем к дикарям, к черту на рога!

– Воля твоя!

Во дворе Мели накачивала воду.

На деревянном насосе был длинный рычаг. Опуская его в колодец, она нагибалась, и тогда видны были до самых икр ее ноги в синих чулках. Потом девушка быстрым движением скидывала правую руку, слегка повернув голову, и Пекюше, глядя на нее, испытывал какое-то совсем новое чувство, наслаждение, невыразимое очарование.

VII

Потянулись тоскливые дни.

Боясь разочарований, они перестали заниматься наукой; жители Шавиньоля сторонились их, из официальных газет невозможно было ничего почерпнуть, и они оказались в глубоком одиночестве, в полной праздности.

Порою они раскрывали книгу, но вскоре откладывали ее; к чему читать? Иной раз им приходило в голову, что пора почистить сад – через четверть часа их уже одолевала усталость; или что следует осмотреть ферму – они возвращались домой полные отвращения; или что надо заняться домашним хозяйством – Жермена начинала вопить; от всего этого они отказались.

Бувар надумал было составить каталог музея, но потом пришел к выводу, что все их безделушки – вздор.

Пекюше занял у Ланглуа ружье, чтобы пострелять жаворонков; ружье взорвалось при первом же выстреле и чуть не убило его.

Итак, они скучали, как скучают в деревне, когда белесое небо томит своим однообразием сердце, утратившее надежду. Прислушиваешься к шагам человека в сабо, проходящего вдоль изгороди, или к каплям дождя, падающим на землю с крыши. Время от времени опавший лист коснется оконного стекла, потом закружится и исчезнет. Ветер доносит издалека-

ка неясный похоронный звон. Из хлева слышится мычанье коровы.

Они зевали, сидя друг против друга, заглядывали в календарь, посматривали на часы, ждали, когда настанет время обедать; а горизонт был все тот же: прямо перед ними – поля, справа – церковь, слева – вереница тополей; вершины их раскачивались в тумане беспрерывно, с жалобным скрипом.

Некоторые привычки, на которые они до сих пор старались не обращать внимания, теперь раздражали их. Пекюше становился совершенно несносен тем, что постоянно клал свой носовой платок на скатерть; Бувар не расставался с трубкой и при разговоре раскачивался из стороны в сторону. У них возникали распри из-за кушаний или из-за качества масла. Сидя друг возле друга, они думали о разных вещах.

Неожиданное событие ошеломило Пекюше.

Два дня спустя после Шавиньольского бунта, прогуливаясь в надежде отвлечься от политических огорчений, он вышел на дорогу, осененную густыми вязами, и вдруг услышал позади себя крик:

– Остановись!

То была госпожа Кастильон. Она бежала в противоположную сторону и не заметила его. Мужчина, шедший перед ней, остановился. То был Горжю; они подошли друг к другу неподалеку от Пекюше, от которого их отделял только ряд деревьев.

– Это правда? – спросила она. – Ты идешь драться?

Пекюше юркнул в ров, чтобы подслушать.

– Ну да, иду драться, – отвечал Горжю. – А тебе-то что?

– И ты еще спрашиваешь! – воскликнула она, заломив руки. – А если тебя убьют? Ангел мой, не ходи!

Ее синие глаза умоляли красноречивее слов.

– Не приставай! Я должен пойти.

Она злобно усмехнулась.

– Значит, другая позволила?

– Не смей о ней говорить!

Он поднял кулак.

– Нет, дорогой мой, нет. Я молчу, я – ни слова!

Крупные слезы потекли по ее щекам в складки воротничка.

Был полдень. Над желтеющей нивой сияло солнце. Вдали плыл верх медленно двигавшейся коляски. В воздухе все замерло: ни крика птицы, ни жужжания насекомого. Горжю срезал себе тросточку и очищал ее от коры. Г-жа Кастильон по-прежнему стояла, опустив голову.

Бедная женщина думала о тщете всех жертв, о его долгах, которые она покрыла, о будущих платежах, о своей погубленной репутации. Она не жаловалась, а только напоминала ему о днях их любви, когда она каждую ночь ходила к нему в сарай, так что однажды муж, приняв ее за вора, выстрелил через окно из пистолета. Пуля до сих пор еще в стене.

– Как только я увидела тебя, ты показался мне прекрасным, как принц. Я обожаю твои глаза, твой голос, походку,

запах.

Она добавила тише:

– Я схожу по тебе с ума!

Он улыбался; он был польщен.

Она обняла его, откинув голову, как бы в благоговении.

– Дорогой! Бесценный! Душа моя! Жизнь моя! Хочешь, поговорим? Скажи, что тебе надобно? Деньги? Так мы их добудем. Я была не права. Я тебе докучала. Прости меня! Закажи себе платье у портного, пей шампанское, кути, я тебе все позволяю, все, все!

В порыве отчаяния она прошептала:

– Даже ее! Только вернись ко мне.

Он склонился к ее губам, обхватив ее за талию, чтобы она не упала, а она твердила:

– Дорогой мой! Бесценный! Какой ты красавец! Боже, какой красавец!

Пекюше замер во рву, край которого приходился ему под подбородок, и смотрел, еле переводя дыхание.

– Не распускайся! – сказал Горжю. – Из-за тебя я еще опоздаю на дилижанс. Готовится славная потеха, и я хочу принять в ней участие. Дай мне десять су вознице на выпивку.

Она вынула из кошелька пять франков.

– Ты мне их скоро вернешь. Чутьчку терпения! Ведь он теперь в параличе! Подумай хорошенько! А если хочешь, пойдем в часовню Круа-Жанваль, и там, любовь моя, я перед

Пресвятой Девой поклянусь, что выйду за тебя, как только он умрет!

– Да муж твой и не собирается умирать!

Горжю пошел от нее прочь. Она нагнала его, стала цепляться за его плечи.

– Возьми меня с собою! Я буду твоей служанкой. Ведь нужен же тебе кто-то. Только не уходи! Не бросай меня! Легче умереть! Убей меня!

Она валялась у него в ногах, ловила его руки, целовала их; чепец свалился у нее с головы, потом упал гребень, и ее короткие волосы разметались. Они были седые на висках. Она смотрела на него снизу вверх, вся в слезах, с покрасневшими веками и припухшими губами; он так озлобился, что оттолкнул ее.

– Отвяжись, старуха! Прощай!

Она поднялась, сорвала с груди золотой крестик и кинула ему вслед:

– Вот тебе! Сволочь!

Горжю удалялся, постегивая тросточкой ветки деревьев.

Госпожа Кастильон не плакала. Рот у нее приоткрылся, взгляд погас; она стояла неподвижно, окаменев от отчаяния; она была уже не живым существом, а всего лишь развалиной.

То, что подсмотрел Пекюше, было для него словно открытием мира, целого мира с ослепительным сиянием, беспорядочным цветением, океанами, бурями, кладами и бездонными пропастями. От этого мира веяло ужасом? Ну что ж!

Он стал мечтать о любви, ему захотелось испытать такую же страсть, какая владела этой женщиной, самому внушать ее.

Все же он ненавидел Горжю и однажды в казарме еле удержался, чтобы не выдать его.

Он чувствовал себя униженным при виде тонкой талии любовника г-жи Кастильон, его пушистой бороды, изящных завитков на висках; ведь у него-то самого волосы липли к черепу, как мокрый парик, туловище, облаченное в какую-то хламиду, напоминало диванный валик; у него недоставало двух зубов и вид был хмурый. Он считал, что судьба к нему несправедлива, что он обездолен и что друг разлюбил его.

Бувар каждый вечер оставлял его в одиночестве. После смерти жены ничто не мешало ему подыскать себе другую, и теперь она холила бы его, вела бы хозяйство. Правда, он состарился, теперь уже поздно думать об этом.

Бувар, однако, взглянул на себя в зеркало. Щеки его не утратили румянца, волосы курчавились, как и прежде, все зубы были целы, и при мысли, что еще может понравиться, он почувствовал прилив молодости. В памяти его возник образ г-жи Борден. Ведь она заигрывала с ним: первый раз – во время пожара скирд, второй раз – у них за обедом, потом в музее, когда он декламировал, а недавно она, забыв обиду, приходила три воскресенья подряд. И он отправился к ней, потом стал бывать чаще в надежде увлечь ее.

С тех пор как Пекюше обратил внимание на молоденькую служанку, черпавшую воду из колодца, он стал чаще загова-

ривать с нею; подметала ли она коридор, развешивала ли белье или орудовала кастрюлями, он не мог вдоволь налюбоваться ею и сам удивлялся своим чувствам. Он пламенел и томился, словно вновь стал подростком; воспоминание о г-же Кастильон, обнимающей Горжю, преследовало его.

Он стал расспрашивать Бувара о том, как ведут себя распутники, когда хотят покорить женщину.

– Делают подарки, угощают в ресторанах.

– Так, так. А дальше?

– Некоторые женщины делают вид, будто упали в обморок, чтобы их отнесли на диван, другие нарочно роняют носовой платок. Лучшие из них откровенно назначают свидание.

Бувар пустился в описания; они воспламеняли воображение Пекюше, как непристойные картинки.

– Первое правило – не верить их словам. Я знавал таких, которые казались святыми, а на самом деле были настоящими Мессалинами! Прежде всего – смелость.

Но смелым не становишься по заказу. Пекюше со дня на день откладывал решение, да и присутствие Жермены смущало его.

Надеясь, что она потребует расчета, он заставлял ее все больше работать, не пропускал случая сделать ей замечание, когда она напивалась, вслух возмущался ее нечистоплотностью, ленью и добился того, что ей отказали от места.

Теперь он был свободен!

С каким нетерпением ожидал он момента, когда Бувар уйдет из дома! Как билось у него сердце, когда за Буваром захлопывалась дверь!

Мели шила за столиком у окна, при свече; время от времени она зубами перекусывала нитку, потом прищуривалась, чтобы продеть ее в ушко.

Прежде всего он поинтересовался, какого рода мужчины ей нравятся. Такие, например, как Бувар? Вовсе нет; она предпочитает худых. Он осмелился спросить, были ли у нее любовники.

– Никогда!

Подойдя поближе, он любовался ее тонким носиком, маленьким ртом, контуром ее лица. Он говорил ей комплименты и призывал быть умницей.

Склоняясь над нею, он видел под корсажем белые выпуклости груди, от которых исходило теплое благоухание, согревавшее ему щеку. Однажды вечером он прикоснулся губами к пушку на ее затылке, и его охватил трепет, проникший до мозга костей. В другой раз он поцеловал ее в подбородок и еле удержался, чтобы не укусить, так упоительна была ее кожа. Она ответила на его поцелуй. Комната завертелась. Глаза его заволокло туманом.

Он подарил ей башмаки и часто угощал рюмочкой анисовой...

Чтобы помочь ей, он вставал спозаранку, колот дрова, разжигал плиту, простирал свою заботу до того, что вместо

нее чистил обувь Бувара.

Мели не падала в обморок, не роняла платок, и Пекюше не знал, на что решиться; желание его распалось от страха утолить его.

Бувар упорно ухаживал за г-жой Борден.

Она принимала его несколько чопорно, затаенная в сизое шелковое платье, которое потрескивало, как конская сбруя, и при этом для важности играла своей длинной золотой цепочкой.

Темою их бесед были обитатели Шавиньоля или «покойный ее супруг», некогда судебный пристав в Ливаро.

Однажды она осведомилась о прошлом Бувара, желая узнать об «его юношеских проказах»; попутно она поинтересовалась его состоянием и тем, что связывает его с Пекюше.

Он восторгался порядком в ее доме, а когда обедал у нее — тщательностью сервировки, изысканностью кухни. Вереница отменнейших блюд, прерываемых через равные промежутки бургундским, приводила их к десерту, и тут они подолгу потягивали кофе; г-жа Борден, раздувая ноздри, окунала в блюдечко свою полную губу, осененную темным пушком.

Однажды она вышла к нему в декольте. Плечи ее обворожили Бувара. Сидя возле нее на низеньком стуле, он вздумал погладить ее руки. Вдова разгневалась. Он больше не осмеливался, но охотно представлял себе ее полные, изумительно упругие прелести.

Как-то вечером, когдастряпня Мели особенно опротиве-

ла ему, он с радостью направился в гостиную г-жи Борден. Вот где ему следовало бы жить!

От лампы, прикрытой розовым абажуром, разливался спокойный свет. Вдова сидела около камина, ножка ее выступала из-под подола платья. После первых же слов разговор иссяк.

Она смотрела на него, чуть прищурившись, томно и пристально.

Бувар не выдержал; он опустился на колени и пролепетал: – Я люблю вас! Выходите за меня замуж!

Госпожа Борден глубоко вздохнула, потом кокетливо сказала, что он шутит, над ними, конечно, станут смеяться, это неразумно. Своим признанием он смутил ее.

Бувар возразил, что они не нуждаются ни в чем согласии.

– Что вас останавливает? Приданое? На белье у нас одинаковая метка «Б». Мы сольем их в одну.

Такой довод ей понравился. Но одно важное обстоятельство не позволяло ей дать ответ до конца месяца. Бувар огорчился.

Она проявила чуткость и проводила его до дому в сопровождении Марианны, несшей фонарь.

Друзья скрывали друг от друга свои увлечения.

Пекюше рассчитывал, что его интрижка с прислугой останется тайною. Если же Бувар станет возражать, он увезет ее куда-нибудь, хоть в Алжир; там жизнь недорога. Но как ни был он поглощен своею любовью, все же, строя такие планы,

он постоянно думал о последствиях.

Бувар рассчитывал превратить музей в супружескую спальню, если на это согласится Пекюше; в противном случае он переедет к жене.

Как-то днем, неделю спустя, они были у нее в саду; почки начинали распускаться, на небе, между облаками, виднелись большие синие просветы. Она склонилась, чтобы нарвать фиалок, потом, подавая их ему, сказала:

– Поздравьте госпожу Бувар!

– Как? Правда?

– Истинная правда.

Он хотел было обнять ее, но она его отстранила.

– Что за несносный человек!

Потом, перейдя на серьезный тон, она предупредила его, что вскоре попросит об одном одолжении.

– На все согласен!

Они решили, что подпишут брачный договор в будущий четверг.

До самой последней минуты никто не должен был об этом знать.

– Пусть так!

Он ушел от нее легкой походкой, обратив взор к небесам.

В тот день, утром, Пекюше решил умереть, если не добьется благосклонности служанки, и пошел вслед за нею в погреб, надеясь, что потемки придадут ему смелости.

Она несколько раз порывалась уйти, но он удерживал ее,

чтобы пересчитать бутылки, перебрать планки или проверить днища бочек – всем этим они занимались постоянно.

Она стояла перед ним, освещенная слуховым оконцем, опустив глаза и чуть приподняв уголки губ.

– Любишь меня? – выпалил Пекюше.

– Люблю.

– Ну так докажи это!

Обняв ее левой рукой, он правую стал расстегивать ей корсет.

– Вы хотите обидеть меня?

– Нет, ангелочек мой! Не бойся.

– А вдруг господин Бувар...

– Я ему ничего не скажу! Не беспокойся!

Неподалеку были свалены вязанки хвороста. Она упала на них; груди ее выбились из-под рубашки, голова запрокинулась; потом она закрыла лицо рукой, и тут любой на месте Пекюше понял бы, что она не так уж неопытна.

К обеду вернулся Бувар.

Обед прошел в молчании, каждый боялся выдать себя; Мели подавала им, равнодушная, как всегда; Пекюше отводил глаза, чтобы не встретиться с ее взглядом. Бувар, уставившись в стену, мечтал о будущих усовершенствованиях.

Неделю спустя, в четверг, он вернулся вне себя от ярости.

– Стерва!

– Кто стерва?

– Госпожа Борден.

Он признался, что до такой степени спятил, что надумал жениться на ней, но четверть часа тому назад, у Мареско, со всем этим покончено.

Она возымела желание получить в виде свадебного подарка Экайскую мызу, которою он не мог располагать, ибо купил ее, как и ферму, частично на чужие деньги.

– Совершенно верно! – сказал Пекюше.

– А я-то имел глупость обещать, что исполню любую ее просьбу! Вот какая оказалась просьба! Но я заупрямился, – ведь если бы она меня любила, так не стала бы настаивать.

Вдова же, напротив, разразилась бранью, стала издеваться над его внешностью, над его пузом.

– Это у меня-то пузо! Подумай только!

Меж тем Пекюше несколько раз выходил из дому и шагал, широко расставив ноги.

– Ты нездоров? – спросил Бувар.

– Да, нездоров.

Пекюше, затворив дверь, после долгих колебаний, признался, что обнаружил у себя дурную болезнь.

– Сам обнаружил?

– Сам.

– Ах, бедняга! От кого же это?

Он еще гуще покраснел и сказал еще тише:

– Не иначе, как от Мели.

Бувар остолбенел.

Первым делом они решили уволить девушку. Она оправ-

дывалась с невинным видом.

Недуг Пекюше, однако, оказался серьезным, но больной, стыдясь своей глупости, не решался обратиться к врачу.

Бувар предложил прибегнуть к помощи Барберу. Они послали ему подробное описание болезни, чтобы тот показал его какому-нибудь доктору, врачующему по переписке. Барберу всполошился, вообразив, что речь идет о Буваре, обозвал его старым озорником и в то же время поздравил с успехом.

– В моем-то возрасте! – сокрушался Пекюше. – Не прискорбно ли это? Но зачем она так поступила?

– Ты ей нравился.

– Она должна была меня предупредить.

– Да разве страсть рассуждает?

Бувар начал жаловаться на г-жу Борден.

Он несколько раз заставлял ее с Мареско возле Экайской мызы беседующими с Жерменной; столько ухищрений из-за клочка земли!

– Она жадная. Этим все и объясняется.

Так они перебирали свои невзгоды, сидя в маленькой гостиной, у камина; Пекюше глотал лекарства, Бувар курил трубочку; темою их рассуждений были женщины.

– Странная потребность! Да и потребность ли это? Они толкают нас на преступления, на подвиги и на подлость. Ад под юбкой, рай в поцелуе; голубиные перышки, змеиные извивы, кошачьи когти; коварство моря, изменчивость луны!

Они повторяли все пошлости, какие говорят о женщинах.

Именно желание обладать женщиной прервало на время их дружбу. Они почувствовали раскаяние.

– Теперь – никаких женщин, не правда ли? Будем жить без них!

Друзья нежно обнялись.

Нужно было какое-то противоядие, и когда Пекюше выздоровел, Бувар пришел к мысли, что им будет весьма полезно водолечение.

Жермена, вернувшаяся в дом после ухода Мели, каждое утро вкатывала в коридор ванну.

Друзья, голые, как дикари, окачивали себя из ведер водою, потом разбегались по своим комнатам. Кто-то увидел их сквозь изгородь; многих это возмутило.

VIII

Такой режим очень нравился им, и они решили укрепить свое здоровье еще и гимнастикой.

Они добыли руководство Амороса и перелистали приложенный к нему атлас.

Тут было изображено множество юношей, присевших на корточки, запрокинувшихся, стоявших прямо, сгибавших колени, расставивших руки, сжимавших кулаки, поднимающих тяжести, сидевших верхом на бревне, карабкавшихся на лестницу, кувыркавшихся на трапеции; такие примеры силы и ловкости вызывали у них зависть.

Их, однако, огорчило великолепие стадиона, описанного в предисловии. Ведь им никогда не устроить у себя ни такого навеса для экипажей, ни ипподрома для скачек, ни бассейна для плавания, ни «горы славы» – насыпного холма в тридцать два метра высотой.

Деревянный конь для вольтижирования с волосяной набивкой обошелся бы очень дорого – они отказались от него; срубленная в саду липа послужила им горизонтальным бревном, а когда они научились проходить по нему из конца в конец и потребовалась вертикальная мачта, они водрузили на прежнее место один из шестов шпалерника. Пекюше взобрался до самого верха. Бувар скользил, неизменно срывался вниз и в конце концов отказался от этой затеи.

Им больше пришлось по вкусу «ортосометрические шесты», представлявшие собою две палки от метел, перевязанные двумя веревками, из коих одну просовывают под мышки, а на другую кладут кисти рук; целыми часами держали они этот снаряд, задрав голову, выпятив грудь, прижав локти к туловищу.

Гирь у них не было, но каретник выточил им из ясеня четыре чурбана в форме сахарных голов, с ручками вроде бутылочных горлышек. Эти дубинки надо выбрасывать вправо, влево, вперед, назад. Но они оказались чересчур тяжелыми и вырывались из рук, грозя переломать им ноги. Тем не менее они увлекались «персидскими палицами» и даже каждый вечер натирали их воском и суконным лоскутом, чтобы они не треснули.

Затем они стали подыскивать ров. Наконец нашли подходящий и стали прыгать через него, опираясь на длинный шест; оттолкнувшись левой ногою, они перескакивали на другую сторону и начинали сначала. Местность была ровная, их было видно издалека, и крестьяне недоумевали: что за диковинные фигуры подпрыгивают на горизонте?

С наступлением осени они обратились к комнатной гимнастике, но она им скоро надоела. Отчего нет у них качалки или почтового кресла, придуманного аббатом Сен-Пьером в царствование Людовика XIV? Как оно было устроено? Где бы узнать? Дюмушель даже не соблаговолил ответить им на запрос.

Тогда они соорудили в пекарне ручные качели. По двум блокам, привинченным к потолку, проходила веревка с поперечной планкой на каждом конце. Ухватившись за нее, один отталкивался от пола ногами, другой опускал руки до земли; первый подтягивал своей тяжестью второго, а тот, понемногу отпуская веревку, сам начинал подниматься; не прошло и пяти минут, как с обоих начал катиться пот.

Следуя указаниям Амороса, они старались сделаться левшами – и доходили до того, что некоторое время вовсе не пользовались правой рукой. Более того, Аморос приводит несколько стихотворений, которые надо напевать во время занятий гимнастикой, поэтому Бувар и Пекюше, маршируя, декламировали гимн № 9:

Король, справедливый король – великое благо...

Ударяя себя в грудь:

Друзья! Корона и слава, и т. д.

Во время бега:

Сюда, робкая лань!

Догоним ее, быстроногую!

Да, мы победим!

Бежим, бежим, бежим!

Дыша, как запаленные лошади, они подбадривали себя звуком собственных голосов.

Особенно восхищала их одна особенность гимнастики:

возможность применить ее при спасении погибающих.

Но нужны были дети, чтобы научиться переносить их в мешках; они попросили учителя предоставить им несколько ребятишек. Пти возразил, что родители могут возмутиться. Тогда они ограничились подачею помощи раненым. Один прикидывался потерявшим сознание, другой со всевозможными предосторожностями вез его в тачке.

Что касается военных атак, то для этого автор рекомендует лестницу Буа-Розе, названную так по имени капитана, который в свое время взял приступом Фекан, вскарабкавшись по скале.

Руководствуясь картинкой из книги, они укрепили на канате поперечные палки и привязали его к потолку сарая.

Сев на нижнюю палку и ухватившись за третью, подбирают ноги вверх, чтобы вторая палка, только что находившаяся на уровне груди, оказалась как раз под ляжками. Потом выпрямляются, берутся за четвертую палку и продолжают дальше. Несмотря на чудовищные выкрутасы, им так и не удалось забраться на вторую ступеньку.

Быть может, легче цепляться руками за камни, как поступали солдаты Бонапарта при осаде Фор-Шамбре? Чтобы научиться этому приему, в заведении Амороса имеется особая башня.

Ее можно заменить полуразрушенной стеной. Они попытались штурмовать ее.

Но Бувар, слишком поспешно вынув ногу из расщелины,

испугался и почувствовал головокружение.

Пекюше объяснял неудачу изъянами в их методе; они пренебрегли наставлениями относительно суставов, надо вернуться к изучению основных принципов.

Его уговоры остались втуне; тогда он, преисполненный гордыни и самоуверенности, взялся за ходули.

Казалось, он был предназначен для них самой природой, ибо он сразу стал на самые высокие, подножки которых возвышались на четыре фута над землей, и, сохраняя равновесие, носился по саду, напоминая огромного, диковинного аиста.

Бувар, стоявший у окна, вдруг увидел, как Пекюше зашатался и камнем рухнул на бобы; подпорки их, ломаясь, смягчили удар. Когда его подобрали, он был весь выпачкан в земле, смертельно бледен, из носа у него шла кровь; он боялся, что нажил себе грыжу.

Решительно гимнастика не подходит для людей их возраста; они отказались от нее и уже не отваживались двинуться с места, остерегаясь несчастных случаев; они целыми днями сидели в музее, обдумывая, чем бы теперь заняться.

Перемена режима повлияла на здоровье Буvara. Он отяжелел, после еды пыхтел, как кашалот, решил похудеть, стал меньше есть и ослабел.

Пекюше тоже чувствовал, что здоровье его «подорвано»; у него стало чесываться тело, появилась мокрота.

– Плохо дело, – говорил он, – плохо.

Бувар надумал сходить в трактир и купить там несколько бутылок испанского вина, чтобы подкрепить силы.

Когда он выходил из заведения, писарь из конторы Мареско и еще трое мужчин вносили к Бельжамбу большой ореховый стол. Господин Мареско горячо благодарил за него. Стол вел себя отлично.

Так Бувар узнал о новейшей моде на вертящиеся столы. Он посмеялся над писарем.

Между тем всюду, в Европе, в Америке, в Австралии и в Индии, миллионы смертных проводят жизнь за верчением столов и теперь научились превращать чужей в пророков, давать концерты, не прибегая к инструментам, общаться друг с другом при посредстве улиток. Печать в серьезном тоне преподносила этот вздор публике, поощряя ее легкоеверие.

Стучащие духи обосновались в замке графа де Фавержа, оттуда распространились по селу; главным вопрошающим их был нотариус.

Задетый скептицизмом Бувара, он пригласил приятелей на сеанс вертящихся столов.

Уж не ловушка ли это? Там будет, вероятно, г-жа Борден. К нотариусу отправился один Пекюше.

В числе присутствующих были мэр, податной инспектор, капитан, несколько обывателей с женами, г-жа Вокорбей и, как и следовало ожидать, г-жа Борден; кроме того, была мадемуазель Лаверьер, бывшая учительница г-жи Мареско, чуточку косившая, с седыми локонами, спадавшими на плечи

по моде 1830-х годов. В кресле восседал кузен хозяйки, парижанин в синем сюртуке, весьма нахальный с виду.

Комнату украшали две бронзовые лампы, горка с безделушками; на рояле лежали ноты с виньетками, на стенах красовались крошечные акварели в огромных рамках – все это неизменно приводило жителей Шавиньоля в изумление. Но в этот вечер все взоры были прикованы к столу красного дерева. Сейчас его подвергнут испытанию, а пока что он казался значительным, как бы заключающим в себе непостижимую тайну.

Двенадцать приглашенных уселись вокруг него, протянув руки и касаясь друг друга мизинцами. Ждали только, чтобы пробили часы. Лица выражали глубочайшее внимание.

Минут через десять многие стали жаловаться, что по рукам у них пробегают мурашки. Пекюше было не по себе.

– Что вы пихаетесь! – сказал капитан, обращаясь к Фуру.

– Да я и не думал пихаться!

– То есть как?

– Позвольте, сударь!

Нотариус их унял.

Все так напрягали слух, что им почудилось, будто потрескивает дерево. Иллюзия! Ничто не шелохнулось.

Прошлый раз, когда из Лизье приезжали семейства Обер и Лормо и когда нарочно попросили у Бельжамба его стол, все шло так хорошо! А сегодня он что-то заупрямился... С чего бы это?

Вероятно, ему мешал ковер, поэтому все общество перешло в столовую.

Для опыта выбрали столик на одной ножке, и за него сели Пекюше, Жирбаль, г-жа Мареско и ее кузен Альфред.

Столик был на колесиках; немного погодя он переместился вправо; участники сеанса, не разнимая рук, последовали за ним, а он сам собою сделал еще два поворота. Все были поражены.

Альфред громко спросил:

– Дух! Как тебе нравится моя кухня?

Столик, медленно покачиваясь, ответил девятью ударами.

Согласно дощечке, на которой было указано, какой букве соответствует то или иное число ударов, это означало: «пре-лестна». Раздались одобрительные возгласы. Затем Мареско, поддразнивая г-жу Борден, потребовал у духа точного ответа на вопрос: сколько ей лет? Ножка столика стукнула пять раз.

– Как? Пять лет? – воскликнул Жирбаль.

– Десятки не принимаются в расчет, – ответил Фуру.

Вдова улыбнулась, хоть и была задета.

Ответы на остальные вопросы не получались – алфавит оказался чересчур сложным. Лучше было бы пользоваться табличкой – более удобным способом, к которому прибегала мадемуазель Лаверьер; ей даже удалось записать в альбом свои личные беседы с Людовиком XII, Клемансой Изор, Франклином, Жан Жаком Руссо и проч. Такие приборы продаются на улице Омаль. Альфред обещал купить приспособ-

ление, затем обратился к бывшей учительнице:

– А теперь немного музыки, не правда ли? Какую-нибудь мазурку...

Раздались два аккорда. Он взял кузину за талию, увел в соседнюю комнату, потом опять появился. Ее платье, касаясь дверей, распространяло прохладу. Она запрокидывала голову, он изящно выгибал руку. Гости любовались грацией дамы, удалью кавалера. Пекюше, не дожидаясь угощения, удалился совершенно ошеломленный.

Сколько он ни твердил: «Я сам видел! Сам видел!», Бувар опровергал факты, однако согласился самолично заняться опытом.

Целых две недели они проводили вечера, сидя друг против друга, держа руки над столом, потом над шляпой, над корзинкой, над тарелками. Ни один из этих предметов не тронулся с места.

Тем не менее факт столоверчения не подлежит сомнению. Толпа приписывает его духам, Фарадей – проявлению нервной деятельности, Шеврель – неосознанному напряжению, а может быть, как допускает Сегуен, оно объясняется тем, что из скопища людей исходят некие импульсы, некий магнетический ток?

Такая гипотеза навела Пекюше на размышление. Он взял из своей библиотеки *Руководство для магнетизера* Монтакабера, внимательно прочел его и познакомил Бувара с его теорией.

Все одушевленные существа воспринимают и сами распространяют воздействие небесных светил. Способность эта подобна свойству магнита. Управляя этой силой, можно излечивать больных, вот основной принцип. Со времен Месмера наука сделала большой шаг вперед, но по-прежнему важно излучать флюиды и делать пассы, задача коих прежде всего – усыплять.

– Ну так усыпи меня! – сказал Бувар.

– Не могу, – ответил Пекюше. – Чтобы испытывать на себе действие магнетизма и самому его передавать, необходима вера.

Пристально посмотрев на Буvara, он добавил:

– Какая досада!

– Что такое?

– А то, что при желании и после небольшой тренировки из тебя получился бы редкостный магнетизер!

Ведь Бувар обладает всем, что требуется: он располагает к себе, отличается могучим телосложением и твердым характером.

Бувар был польщен тем, что у него вдруг открыли такую способность. Он втихомолку погрузился в Монтакабера.

Тем временем Жермена стала жаловаться на шум в ушах, который совершенно оглушал ее, и однажды вечером Бувар сказал ей между прочим:

– А не испробовать ли вам магнетизм?

Она не воспротивилась. Он сел против нее, взял ее за

большие пальцы и стал пристально смотреть ей в глаза, словно всю жизнь только этим и занимался.

Поставив ноги на грелку, старуха стала постепенно клонить голову; глаза ее сомкнулись, и она тихонько захрапела. Целый час они наблюдали за нею, потом Пекюше шепотом спросил:

– Что вы чувствуете?

Она очнулась.

Со временем у нее, несомненно, обнаружится способность ясновидения.

Этот успех придал им смелости, и, снова взявшись за врачевание, они без зазрения совести принялись лечить пономаря Шамберлана от межреберных болей, каменщика Мигрена – от невроза желудка, тетушку Варен, которой они прикладывали к опухоли под ключицей мясные пластыри, папашу Лемуана, больного подагрой и постоянно околачивавшегося возле кабаков; лечили человека, пораженного односторонним параличом, чахоточного и многих других. Они врачевали также насморк и отмороженные конечности.

Ознакомившись с недугом, они взглядом вопрошали друг друга, должны ли они применить в данном случае сильный или слабый ток, какие пассы пустить в ход: восходящие или нисходящие, продольные, поперечные, двуперстные, трехперстные или даже пятиперстные. Когда один выбивался из сил, его заменял другой. Вернувшись домой, они заносили свои наблюдения в историю болезни.

Их ласковое обращение пленяло больных. Предпочтение все же отдавалось Бувару, а когда он вылечил дочь дядюшки Барбе, отставного капитана дальнего плавания, молва о нем дошла до Фалеза.

Страдалица ощущала как бы гвоздь в затылке, говорила хриплым голосом, часто по нескольку дней не притрагивалась к пище, потом наедалась известки и угля. У нее бывали нервные припадки, начинавшиеся слезами и кончавшиеся бурными рыданиями; родные перепробовали все средства – от настоев из трав до прижиганий, и она, отчаявшись, приняла предложение Бувара.

Он отослал служанку, запер двери и стал растирать ей живот, особенно нажимая на то место, где яичники. Она почувствовала облегчение, выразившееся во вздохах и зевоте. Он приложил ей палец к переносице, между бровями; вдруг она стала недвижима. Когда он поднимал ее руку, рука снова падала; голова оставалась в том положении, какое он ей придавал, веки были сомкнуты и судорожно подергивались, а за ними видны были медленно перекатывавшиеся глазные яблоки; наконец она замерла, закатив глаза.

Бувар спросил, болит ли у нее что-нибудь; она отвечала, что нигде не болит; теперь у нее появилось другое ощущение – она видит свое нутро.

– А что вы там видите?

– Червяка.

– Как же нам убить его?

Она нахмурилась:

– Я придумываю... Не могу, не могу.

Во время второго сеанса больная пожелала крапивного отвара, во время третьего – настоя из трав. Припадки стали слабее, потом совсем исчезли. Казалось, произошло чудо.

У других больных прикладывание пальца к переносице не дало никакого результата, поэтому решено было соорудить месмеров чан. Пекюше уже набрал было металлической стружки и вымыл десятка два бутылок, как вдруг у него возникло сомнение. Среди больных могут оказаться женщины.

– А что мы станем делать, если у них начнется припадок эротического помешательства?

Бувара это не остановило бы; но ведь пойдут сплетни, да и шантаж возможен, – значит, благоразумнее воздержаться. Они удовольствовались стеклянной гармоникой и ходили с нею по домам, приводя в восторг ребятишек.

Однажды, когда Мигрену стало хуже, они пришли к нему с инструментом. Пронзительные звуки выводили больного из себя, но Делез предписывает не страшиться жалоб; музыка продолжалась.

– Довольно! Довольно! – кричал больной.

Пекюше еще неистовее бил по стеклянным пластинкам, инструмент дрожал, страдалец выл, но тут неожиданно появился врач; его привлек этот страшный шум.

– Как? Вы и сюда пролезли? – воскликнул он, взбешенный тем, что застает их у всех своих пациентов.

Они объяснили свою магнетическую методу. Врач обрушился на магнетизм, на все эти фокусы, действие которых зависит исключительно от воображения.

Однако магнетизируют же зверей, – это утверждает Монтакабер, – а г-ну Фонтену удалось магнетизировать львицу. Львицы у них не было. Зато им случайно подвернулось другое животное.

На другое утро, часов в шесть, к ним пришел работник и сказал, что их требуют на ферму к подыхающей корове.

Они поспешили туда.

Цвели яблони, во дворе, над травой, разогретой лучами солнца, реял пар.

Возле пруда мычала корова; прикрытая попоной, она вся дрожала; ее окачивали водой из ведер; она страшно разбухла и походила на гиппопотама.

Бедное животное, несомненно, чем-то отравилось, когда паслось на клеверном поле. Дядюшка Гуи с женой были в отчаянии; ветеринар не мог приехать, а каретник, знавший заговор от вздутия, не желал утруждать себя; но господа, у которых такая знаменитая библиотека, уж, верно, знают, в чем тут секрет.

Засучив рукава, они встали – один перед рогами, другой у крупа – и начали с великим внутренним напряжением, неистово жестикулируя, растопыривать пальцы, чтобы излить на скотину потоки флюидов; фермер, его жена, их сын и соседи взирали на них почти с ужасом.

Урчание, раздававшееся в брюхе коровы, переходило в бульканье. Она выпустила газы. Пекюше сказал:

– Это проблеск надежды; быть может, она опорожнится.

Корова опорожнилась; надежда явилась в образе желтой массы, которая вырвалась из скотины с таким треском, словно взорвался снаряд. Кожа опала, вздутие уменьшилось; час спустя от беды не осталось и следа.

Тут уж, конечно, не воображение сыграло роль. Значит, во флюидах есть какая-то особая сила. Она, вероятно, заключена в предмете, откуда можно ее затем изъять, причем она ничуть не ослабнет. Такая ее способность упраздняет необходимость перемещаться. Они воспользовались этим и стали посылать своим пациентам магнетизированные брелоки, магнетизированные платки, магнетизированную воду, магнетизированный хлеб.

Потом, продолжая свои исследования, они отказались от пассивов и перешли к системе Пюисегюра, предусматривающей замену магнетизера старым деревом, ствол которого обматывают веревкой.

Около их садовой будки росло грушевое дерево, словно нарочно созданное для этой цели. Они приспособили его, крепко обвязав в несколько оборотов. Под деревом поставили скамью. На нее усаживались пациенты; были получены такие превосходные результаты, что, желая посрамить Вокорбея, Бувар и Пекюше пригласили его на сеанс вместе с несколькими почтенными лицами.

Все до одного приняли приглашение.

Жермена встречала их в маленькой зале, прося немного «обождать» – хозяева сейчас придут.

Время от времени раздавался звонок. Это прибывали больные; Жермена отводила их в другую комнату. Приглашенные подталкивали друг друга локтями, обращая внимание на запыленные окна, грязные стены, облупившиеся двери; сад производил и вовсе жалкое впечатление. Всюду засохшие деревья! Пролом в ограде, служивший входом во фруктовый сад, был заслонен двумя жердями.

Появился Пекюше.

– К вашим услугам, господа!

Вдали, под эдуенской грушей, сидело несколько пациентов.

Шамберлан, безбородый, как аббат, в ластиковом подряснике и кожаной скуфейке, подергивался от межреберных болей; рядом с ним гримасничал Мигрен, все еще страдавший желудком; мамаша Варен прятала свою опухоль под шарфом, обернутым несколько раз вокруг шеи; дядюшка Лемуан в старых туфлях, надетых на босу ногу, держал под мышками костыли, а дочка Барбе, нарядившаяся по-праздничному, была необычно бледна.

По другую сторону дерева оказались еще люди: женщина с лицом альбиноса, утиравшая гноящиеся язвы на шее; девочка в таких больших синих очках, что лица ее почти не было видно; старик с искривленным позвоночником, непро-

извольню дергавшийся и толкавший своего соседа Марсея, жалкого идиота в рваной блузе и заплатанных штанах. За его плохо подправленной заячьей губой виднелись зубы, щека, раздутая огромным флюсом, была обмотана тряпками.

Все держались за веревку, свисавшую с дерева, а вокруг щебетали птички, и в воздухе пахло разогретой травой. Сквозь ветви пробивались лучи солнца. Гости шагали по мху.

Между тем испытуемые, вместо того чтобы спать, таращили глаза.

– Пока что ничего забавного нет, – заметил Фуру. – Начинайте, я на минутку удалюсь.

Он вернулся, покуривая из Абд-эль-Кадера, последней реликвии из коллекции трубок.

Пекюше вспомнился превосходный способ магнетизирования. Он стал брать в рот носы немощных и вбирать в себя их дыхание, чтобы извлечь из него электричество, а Бувар в это время обнимал дерево, чтобы усилить приток флюида.

Каменщик перестал икать, пономарь стал не так резко дергаться, человек с искривленным позвоночником сидел, не шевелясь. Теперь можно было подходить к ним, подвергать их всевозможным опытам.

Врач ланцетом уколол Шамберлана возле уха – тот слегка вздрогнул. Чувствительность у других не вызывала сомнений; подагрик вскрикнул. Что касается Барбе, то она улыбалась словно во сне, под подбородком у нее текла тонкая

струйка крови. Чтобы самолично испытать ее, Фуру хотел было взять у доктора ланцет, но тот не дал его, и Фуру ограничился тем, что сильно ущипнул больную. Капитан пощекотал ей перышком ноздри, акцизный вздумал воткнуть ей в руку иголку.

– Оставьте ее, – сказал Вокорбей, – ничего удивительного здесь, в общем, нет! Истеричка! Тут сам черт не разберется!

– А вот эта – сама лекарь, – сказал Пекюше, указывая на Викторию, страдавшую золотухой. – Она распознаёт болезни и прописывает лекарства.

Ланглуа очень хотелось посоветоваться с нею относительно своего катара, но он так и не решился; зато более отважный Кулон попросил у нее чего-нибудь от ревматизма.

Пекюше положил его правую руку в левую руку Виктории, и сомнамбула, слегка раздурманившись, не открывая глаз, дрожащими губами сперва пролепетала что-то несуразное, потом предписала *valum becum*.

Она служила в Байе у аптекаря. Вокорбей решил, что она хотела сказать *album graecum* – должно быть, этот термин она слыхала в аптеке.

Затем он подошел к папаше Лемуану, который, по утверждению Бувара, различал предметы сквозь непрозрачные тела.

Лемуан некогда был школьным учителем, но с годами совсем опустился. Лицо его было обрамлено разметавшимися седыми прядями; он сидел, прислонясь к дереву, раскинув

руки, и в величественной позе спал на самом солнцепеке.

Доктор завязал старику глаза галстуком, а Бувар, поднеся газету, повелительно сказал:

– Читайте!

Старик склонил голову, пошевелил губами, потом откинулся назад и произнес по слогам:

– Кон-сти-тю-си-он-ель!

– Ну, при известной ловкости можно приподнять любую повязку.

Возражения доктора приводили Пекюше в негодование. Он дошел до того, что осмелился утверждать, будто Барбе может сказать, что в настоящее время делается в доме доктора.

– Попробуем, – согласился доктор.

Вынув из кармана часы, он спросил:

– Чем занимается сейчас моя жена?

Барбе долго колебалась, потом сердито сказала:

– Ну вот, чем? А! Знаю! Пришивает ленты к соломенной шляпке.

Вокорбей вырвал из записной книжки листок и написал несколько слов, которые писарь Мареско взялся отнести адресату.

Сеанс был закончен. Больные разошлись.

В общем, Бувара и Пекюше постигла неудача. Сыграла ли здесь роль температура воздуха, или табачный запах, или зонтик аббата Жефруа, в каркас которого входила медь – ме-

талл, препятствующий истечению флюидов?

Вокорбей пожал плечами.

Тем не менее не мог же он отрицать добросовестности Делёза, Бертрана, Морена, Жюля Клоке! А ведь эти авторитеты утверждают, что сомнамбулам случалось предсказывать события, выносить, не ощущая боли, жесточайшие операции.

Аббат рассказал еще более поразительные истории. Некий миссионер видел, как брамины бегут по дороге вниз головой, тибетский далай-лама вспарывает себе кишки, чтобы пророчествовать.

– Вы шутите? – бросил доктор.

– Ничуть!

– Подите вы! Что за вздор!

Тут все, отклонившись от вопроса, наперебой принялись рассказывать анекдоты.

– У меня вот, – сказал лавочник, – была собака, которая заболела всякий раз, когда месяц начинался с пятницы.

– Нас было четырнадцать детей, – подхватил мировой судья. – Я родился четырнадцатого числа, женился четырнадцатого и именинник тоже четырнадцатого. Объясните мне, в чем тут дело?

Бельжамбу не раз снилось число постояльцев, которые на другой день останутся в его трактире, а Пти рассказал про ужин, на котором Казот предсказал будущее.

Тут вмешался кюре:

– А почему бы не видеть в этом просто...

– Чертей, не так ли? – подсказал Вокорбей.

Вместо ответа кюре кивнул головой.

Мареско вспомнил дельфийскую пифию.

– Там, несомненно, играли роль миазмы.

– Ну вот, уж до миазмов дошли!

– А я вполне допускаю и там флюид, – возразил Бувар.

– Неврозо-астральный, – добавил Пекюше.

– Флюид! Так дайте нам доказательство! Покажите нам его! Да и вообще, уверяю вас, флюиды уже давно вышли из моды!

Вокорбей отошел подальше, в тень. Все последовали за ним.

– Когда вы говорите ребенку: «Я волк, я тебя сожру», он воображает, что вы – волк, и пугается; следовательно, это – сновидение, внушенное словами. Точно так же и сомнамбула усваивает те фантазии, которые желают ему внушить. У него сохраняется память, но сам он ничего не воображает, он только подчиняется, и хотя и мнит, что мыслит, а на самом деле испытывает только ощущения. Таким путем можно внушать преступные замыслы, и даже самые добродетельные люди могут оказаться хищниками и невольно стать людоедами.

Все взоры обратились на Буvara и Пекюше. Их наука чревата великою опасностью для общества.

В саду показался писарь Мареско – он размахивал запиской от г-жи Вокорбей.

Доктор распечатал ее, побледнел и, наконец, прочел следующее:

«Я пришиваю ленты к соломенной шляпке».

Все были так ошеломлены, что никто не рассмеялся.

– Просто совпадение! Это еще ничего не доказывает.

Магнетизеры стояли с торжествующим видом, а доктор, уходя, сказал им с порога:

– Бросьте вы это! Это опасная забава!

Кюре уходил в сопровождении пономаря и строго выговаривал ему:

– Вы с ума сошли! Без моего разрешения! Занимаетесь делом, запрещенным церковью!

Все уже разошлись; Бувар и Пекюше разговаривали возле беседки с учителем; в это время из фруктового сада выскочил Марсель; он был без повязки и лепетал:

– Вылечили! Вылечили! Благодетели!

– Хорошо, довольно! Оставьте нас в покое!

– Благодетели! Дорогие мои! Чем мне вас отблагодарить?

Пти, сторонник прогресса, считал объяснение доктора низменным, обывательским. Наука – монополия в руках богачей. Она еще недоступна народу; пора устаревший средневековый анализ заменить широким, непредвзятым синтезом. Истина должна постигаться сердцем. Пти объявил, что он – спирит, и указал несколько трудов – несовершенных, конечно, – однако знаменующих собою зарю.

Они выписали эти сочинения.

Спиритизм основывается на утверждении, что роду человеческому свыше предопределено совершенствование. Со временем земля превратится в небо – именно эта сторона доктрины прельщала учителя. Не будучи католической, она восходит к Блаженному Августину и св. Людовику. Аллан-Кардек даже опубликовал фрагменты их высказываний, находящиеся на уровне современных воззрений. Доктрина эта жизненна, благотворна и открывает нам, как телескоп, горние миры.

После смерти дух в состоянии экстаза возносится в эти миры. Но порою духи спускаются на нашу планету, и тут они вызывают потрескивание мебели; они присоединяются к нашим развлечениям, наслаждаются красотой природы и чарами искусства.

Между тем многие из нас располагают аромальным хоботком, то есть длинную трубою, которая начинается на затылке и поднимается от волос до самых планет и позволяет нам общаться с духами Сатурна; тела неосязаемые все же вполне реальны, и между землею и звездами происходит беспрестанное общение, движение, обмен.

Тут душа Пекюше озарилась надеждой; ночью Бувар не раз заставлял его у окна за созерцанием пространств, пронизанных светом и населенных духами.

Сведенборг совершал грандиозные путешествия. Меньше чем за год он исследовал Венеру, Марс, Сатурн и двадцать три раза – Юпитер. Кроме того, в Лондоне он видел Христа,

видел апостола Павла, видел апостола Иоанна, Моисея, а в 1736 году видел даже Страшный суд.

И он описывает нам небо.

Там есть цветы, дворцы, базары и храмы – совсем как у нас.

Ангелы, некогда бывшие людьми, записывают свои мысли на листочках, толкуют о хозяйственных делах или на духовные темы, обязанности священнослужителей возложены там на тех, кто в земной своей жизни чтит Священное Писание.

Что же касается ада, то там царит тошнотворное зловоние, стоят жалкие лачуги, всюду кучи нечистот, рытвины, люди в лохмотьях.

Пекюше ломал себе голову над вопросом: что же хорошего в этих откровениях? Бувару они показались бредом полумного. Все это выходит за грани законов природы! Впрочем, как знать? Они предались размышлениям.

Фокусники могут завораживать толпу; человек с неистовыми страстями способен воодушевлять других; но каким образом воля сама по себе может влиять на инертную материю? Какой-то баварец, говорят, заставляет созревать виноград; Жерве оживил гелиотроп; в Тулузе некто еще более могущественный разгоняет тучи.

Следует ли предположить, что между нами и внешним миром существует некая промежуточная субстанция? Может быть, именно такой субстанцией и является од – новое невесомое вещество, своего рода электричество? Его излу-

чением могут объясняться отсветы, о которых рассказывают магнетизируемые, блуждающие огоньки на погостах, призрачные видения.

Тогда эти образы уже нельзя считать иллюзией; значит, необыкновенные способности, свойственные одержимым и сходные с даром сомнамбул, имеют под собою физические основы?

Каково бы ни было происхождение этого дара, существует некая сущность, некий таинственный и всеобъемлющий двигатель. Если бы нам удалось завладеть этой сущностью, нам не нужны были бы сила, время. То, на что требуются века, развивалось бы в одну минуту; возможно стало бы любое чудо, и вся вселенная покорялась бы нашей воле.

Это извечное вожеление человеческого ума породило магию. Ценность ее, конечно, преувеличили, но все же это не обман. Знакомые с нею жители восточных стран творят чудеса. Об этом свидетельствуют все путешественники, а в Пале-Рояле Дюпоте пальцем приводит в движение намагниченную стрелку.

Как стать магом? Сначала эта мысль показалась им безумием, но они все возвращались к ней, она не давала им покоя, и в конце концов они поддались ей, хоть и делали вид, будто шутят.

Необходимо подготовить себя особым режимом. Чтобы достигнуть состояния экзальтации, они бодрствовали по ночам, постились, ограничивали в еде также и Жермену, рас-

считывая сделать из нее более чуткого медиума. Она отыгрывалась на выпивке и потребляла теперь столько водки, что в конце концов стала запойной пьяницей. Они расхаживали по коридору и не давали ей спать. Их шаги путались у нее с шумом в ушах и воображаемыми голосами, исходившими, как ей казалось, из стен. Однажды утром, отнеся в погреб камбалу, она с ужасом увидела ее всю в огне; с того дня ей стало хуже, и в конце концов она решила, что они ее сглазили.

В чаянии видений они сжимали друг другу затылок, сшили себе ладанки с белладонной и стали носить магический ларчик – коробочку, из которой торчал гриб, утыканный гвоздями; его надо подвязать на ленточку и носить на груди, у сердца. Все это не дало никаких результатов; тогда они решили прибегнуть к кругу Дюпоте.

Пекюше отметил углем на полу черный кружок, чтобы заключить в нем животных духов, которым должны помогать духи внешней среды; гордый сознанием, что может командовать Буваром, он сказал ему торжественно, как жрец:

– Через этот круг тебе не перешагнуть!

Бувар стал разглядывать кружок. Вскоре сердце у него забилось, в глазах помутнело.

– Ох, довольно!

Он выскочил из круга, чтобы положить конец неизъяснимо гадкому ощущению.

Пекюше, экстаз которого все усиливался, вздумал вызвать

какого-нибудь покойника.

Во времена Директории некий человек, живший на улице Эшикье, показывал желающим жертв террора. Случаи появления призраков неисчислимы. Пусть это только видимость – все равно! Важно создать ее.

Чем ближе нам усопший, тем скорее откликается он на наш зов. У Пекюше не было ни одной семейной реликвии, ни перстня, ни миниатюры, ни волоска, Бувар же имел возможность вызвать своего отца. Но он противился этому замыслу. Пекюше спросил его:

– Чего ты боишься?

– Боюсь? Ничего я не боюсь. Делай как знаешь.

Они подкупили Шамберлана, и тот тайком принес им череп с кладбища. Портной сшил для них два черных балахона с капюшонами, как у монахов. Подвода, прибывшая из Фалеза, доставила им длинный сверток в чехле. Затем они принялись за дело – один, сгорая от нетерпения узнать, что из этого получится, другой – боясь удостовериться в успехе.

Музей был затянут черным наподобие катафалка. На столе, придвинутом к стене, под портретом отца Бувара горело три свечи; повыше портрета висел череп. Они даже пристроили свечу внутри черепа, и из глазных впадин струился свет.

Посреди музея, на жаровне, дымился ладан. Бувар держался подальше, а Пекюше, стоя к нему спиной, бросал в камин пригоршни серы.

Прежде чем вызывать мертвеца, нужно испросить согла-

сия чертей. Была пятница, а этот день принадлежит Бехету; к Бехету и следовало прежде всего обратиться. Бувар поклонился направо и налево, склонил голову, воздел руки и начал так:

– Именем Эфаниила, Анацина, Исхироса...

Остальное он забыл.

Пекюше поспешил подсказать ему имена, записанные на листке:

– Исхироса, Атанатоса, Адоная, Садая, Элоя, Мессиаса (перечень был длинный)... заклинаю тебя, избираю тебя, повелеваю тебе, о Бехет!

Затем, понизив голос:

– Где ты, Бехет, Бехет, Бехет, Бехет?

Бувар опустил в кресло; он рад был бы не видеть Бехета, ибо внутренний голос порицал его за эту затею как за святотатство. Где пребывает душа его родителя? Может ли она слышать его? Вдруг он явится?

Шторы медленно шевелились от ветра, дувшего в разбитое окно, свечи бросали на череп и на портрет колышущиеся тени. И череп и портрет подернулись коричневатоземлистым налетом. Скул коснулась плесень, глаза угасли, зато наверху, проникая сквозь отверстия черепа, светился огонек. Порою казалось, будто череп занял место портрета, опустился на воротничок сюртука и украсился бакенбардами, а холст, еле держась на гвозде, покачивался и трепетал.

Постепенно они стали ощущать как бы чье-то дыхание,

близость какого-то неосязаемого существа. На лбу у Пекюше выступила испарина, у Бувара стучали зубы, судорога сводила ему живот; пол волнами ходил у него под ногами; дым от серы, тлевшей в камине, клубился крупными кольцами, в воздухе носились летучие мыши. Раздался крик. Кто это?

Лица их, полускрытые капюшонами, исказились и наводили ужас; они не решались ни шевельнуться, ни вымолвить слово; но вот они услышали за дверью какие-то звуки, словно стенанья чьей-то страждущей души.

Наконец они осмелели и распахнули дверь.

То была их старая служанка; она подглядывала в щелку перегородки, и ей почудилось, что она видит самого черта; она упала в коридоре на колени и усердно крестилась.

Как они ни увещевали ее, все оказалось бесполезным. Она ушла от них в тот же вечер, не желая больше служить таким нечестивцам.

Жермена кое-что разболтала. Шамберлан лишился места, а против Бувара и Пекюше образовалась глухая оппозиция, вдохновляемая аббатом Жефруа, г-жой Борден и Фуру.

Их образ жизни, отличный от уклада окружающих, вызывал осуждение. Они становились подозрительными и внушали смутную тревогу.

Особенно повредил им в общественном мнении выбор слуги. За неимением лучшего они наняли Марсея.

Заячья губа, безобразная внешность и косноязычие отталкивали от него людей. Брошенный родителями, он кое-как

рос среди полей, и от постоянного недоедания у него развился ненасытный аппетит. Падаль, протухшее сало, раздавленная собака – все ему годилось, лишь бы кусок был побольше. Вместе с тем он был незлобив, как ягненок, и безнадежно глуп.

Чувство признательности побудило его предложить свои услуги господам Бувару и Пекюше; вдобавок, считая их колдунами, он надеялся на баснословные барыши.

В первые же дни он доверил им тайну. Некогда одному человеку довелось найти в вересковых зарослях возле Полиньи слиток золота. Об этом упоминается в трудах фалезских историков; но дальнейшего они не знали, а именно – того, что двенадцать братьев, отправляясь в странствия, спрятали двенадцать одинаковых слитков; все они были зарыты вдоль дороги между Шавиньодем и Бретвилем, и Марсель умолял своих хозяев продолжить розыски кладов. Слитки, подумали они, быть может, были зарыты во время эмиграции.

Вот превосходный случай испробовать гадательный жезл! Могущество его сомнительно. Тем не менее они изучили вопрос и узнали, что некий Пьер Гарнье, выступая в защиту жезла, приводит некоторые научные доводы: источники и металлы выделяют мельчайшие частицы, родственные дереву.

Вряд ли это так. Впрочем, как знать? Попробуем.

Они выстругали себе вилы из орешника и в одно прекрасное утро отправились отыскивать клад.

– Придется его сдать, – сказал Бувар.

– Вот уж нет! С какой стати?

Походив часа три, они остановились в раздумье: дорога из Шавиньоля в Бретвиль! А которая – старая или новая? Вероятно, старая.

Они повернули обратно, прошлись по окрестностям наугад: след старой дороги отыскать было нелегко.

Марсель бросался то вправо, то влево, как спаниель на охоте. Каждые пять минут Бувару приходилось окликать его; Пекюше шествовал не спеша, держа вилы за два разветвления, острием вверх. Нередко ему казалось, что какая-то сила, зацепив крюком, тянет жезл к земле, и тогда Марсель проворно делал зарубки на соседних деревьях, чтобы позже найти это место.

Между тем Пекюше стал отставать. Рот у него приоткрылся, зрачки сузились. Бувар окликнул его, встряхнул за плечи; он был нем и недвижим, совсем как дочь Барбе.

Потом он сказал, что внезапно почувствовал, как в области сердца что-то у него оборвалось – странное состояние, вызванное, несомненно, жезлом. И он не хотел больше к нему прикасаться.

На другой день они вернулись к отмеченным деревьям. Марсель заступом рыл ямы. Поиски оказывались бесплодными, и каждый раз они бывали страшно сконфужены. Пекюше присел на обочине канавы; он задумался, закинув голову и стараясь своим аромальным хоботком уловить голо-

са духов; он даже усомнился, есть ли у него такой хоботок, и вперил взгляд в козырек своей фуражки. Экстаз, посетивший его накануне, вновь повторился. Он длился долго и всех напугал.

На тропинке, над овсами, показалась фетровая шляпа: то был господин Вокорбей; он трусил на своей кобылке. Бувар и Марсель окликнули его.

Когда доктор подъехал, припадок уже кончился. Чтобы лучше разглядеть Пекюше, доктор приподнял его фуражку и увидел у него на лбу пятна медного цвета.

– Ага, *fructus belli*!³ Это сифилитическая сыпь, приятель! Лечитесь! С любовью не шутят, черт возьми!

Пекюше в смущении опять надел фуражку – своего рода пышный берет с козырьком в виде полумесяца; фасон его он заимствовал из атласа Амороса.

Слова доктора ошеломили его. Он задумался, устремив взгляд в пространство, и вдруг снова почувствовал приступ.

Вокорбей наблюдал за ним, затем резким движением сбил с него картуз.

Пекюше пришел в себя.

– Я так и предполагал, – сказал доктор, – лакированный козырек гипнотизирует вас, как зеркало; такое явление часто наблюдается у людей, которые чересчур пристально рассматривают блестящий предмет.

Он объяснил, как можно провести этот опыт над курами,

³ Плоды войны (лат.).

вскочил на свою кобылку и не спеша удалился.

Пройдя с полмили, они увидели на горизонте пирамидальную вышку, торчавшую над двором фермы. Она была похожа на чудовищную гроздь черного винограда, кое-где отмеченную красными пятнами. То была часто встречающаяся в Нормандии высокая жердь с перекладинами, на которые взбираются индюшки, чтобы погреться на солнце.

– Зайдем.

Пекюше обратился к фермеру, и тот согласился исполнить их просьбу.

Они белилами провели линию посреди давилъни, связали одному индюку лапки и положили его плашмя, так что клюв его пришелся на белую полосу. Индюк сомкнул глаза и вскоре замер. То же произошло и с другими. Бувар проворно передавал их Пекюше, а тот, как только они засыпали, складывал их в сторонку. Обитатели фермы забеспокоились. Фермерша подняла крик, какая-то девочка разревелась.

Бувар развязал всех птиц. Они стали постепенно оживать. Но как бы не было последствий! В ответ на несколько резкое возражение Пекюше фермер ухватился за вилы.

– Убирайтесь отсюда, черт бы вас подрал! А не то выпущу из вас потроха.

Они удрали.

Это пустяки, главное – проблема решена; экстаз зависит от материальной причины!

Что же такое материя? Что такое дух? Чем объясняется

их взаимодействие?

Чтобы отдать себе в этом отчет, они предприняли розыски у Вольтера, у Боссюэ, у Фенелона и снова записались в библиотеку.

Старинные авторы оказались недоступны из-за объемов их трудов и сложности языка, зато Жюффруа и Дамирон приобщили их к современной философии; они знакомились также с мыслителями минувшего века по книгам, в которых излагались их учения.

Бувар черпал доводы у Ламетри, Локка, Гельвеция, Пекюше – у Кузена, Томаса Рида и Жерандо. Первый интересовался опытом, для второго все сводилось к идеальному. В одном было нечто от Аристотеля, в другом – от Платона, и они вечно спорили.

– Душа нематериальна! – утверждал один.

– Это заблуждение! – утверждал другой. – Безумие, хлороформ, кровопускание потрясают ее, и, поскольку она не всегда мыслит, она не может быть только мыслящей субстанцией.

– Однако во мне есть нечто, что превышает тела и что иной раз берет над ним верх, – возражал Пекюше.

– Существо в существе? Номо duplex?⁴ Будет тебе! Различные устремления вызываются противоположными побуждениями. Только и всего.

– Но ведь это нечто, эта душа остается все тою же, невзи-

⁴ Двойственный человек (лат.).

рая на внешние изменения. Следовательно, она первична, неделима и тем самым – духовна!

– Если бы душа была первична, – возражал Бувар, – новорожденный мог бы что-то помнить, представлять себе все, как взрослый. Мысль же, наоборот, следует за развитием мозга. Что касается неделимости души, то запах розы или аппетит волка, точно так же как и волеизъявление или любое утверждение, нельзя разрезать пополам.

– Это не имеет к ней никакого отношения, – возразил Пекюше, – душа свободна от свойств материи!

– Признаешь ты закон тяготения? – продолжал Бувар. – А если материя может падать, она может и мыслить. Имея начало, душа наша тем самым должна быть конечной и, завися от наших органов, должна исчезнуть вместе с ними.

– А я считаю ее бессмертной. Бог не может допустить...

– А если Бога нет?

– Как так?

Пекюше выложил три картезианских довода:

– Во-первых, Бог содержится уже в самом нашем понятии о нем; во-вторых, существование его возможно; в-третьих, будь я конечным, как же мог бы я иметь понятие о бесконечности? А раз мы этим понятием обладаем, то оно у нас от Бога, следовательно, Бог существует!

Он стал ссылаться на свидетельство нашего сознания, на народные верования, на необходимость существования Творца.

– Когда я вижу часы...

– Да, да, знаем мы это! А скажи-ка, где отец часовщика?

– Но ведь должна же быть причина!

Бувар сомневался в существовании причин.

– Из того, что одно явление следует за другим, заключают, что оно вытекает из первого. А вы докажите это.

– Но ведь картина мироздания свидетельствует об определенном намерении, о плане.

– Из чего это следует? Зло создано так же совершенно, как и добро. Червь, развивающийся в голове барана и вызывающий его смерть, с точки зрения анатомии ничуть не хуже самого барана. Всевозможные уродства многочисленнее нормальных явлений. Человеческое тело могло бы быть устроено гораздо лучше. Три четверти поверхности земного шара бесплодны. Луна, небесный светильник, видна далеко не всегда. Ты воображаешь, будто океан предназначен для пароходов, а деревья для отопления наших жилищ?

Пекюше возразил:

– Однако желудок создан для того, чтобы переваривать пищу, ноги – чтобы ходить, глаз – чтобы видеть, хоть и случаются расстройства желудка, поломки конечностей и катаракты. Все создано с определенной целью! Действие проявляется то немедленно, то спустя некоторое время. Все зависит от законов. Следовательно, изначальные причины существуют.

Бувар подумал, что, быть может, у Спинозы почерпнет

он убедительные аргументы; он обратился к Дюмушелю с просьбой выслать ему перевод Сессе.

Дюмушель предоставил ему экземпляр, принадлежавший его другу, профессору Варло, сосланному после 2 декабря.

Этика устроила их своими аксиомами, следствиями и заключениями. Они прочли только места, отчеркнутые карандашом, и уразумели следующее:

«Субстанция есть то, что существует самодовлеюще, благодаря себе, беспричинно, безначально. Субстанция эта – Бог.

Один он – пространство, а пространство не имеет границ. Чем ограничить его?

Но хотя оно и бесконечно, оно не является абсолютной бесконечностью, ибо содержит в себе лишь один род совершенства, абсолют содержит их все».

Они часто прерывали чтение, чтобы получше вникнуть в слова философа. Пекюше беспрестанно брал понюшки табак, а Бувар багровел от умственного напряжения.

– И тебе это интересно?

– Еще бы! Читай дальше!

«Бог развивается в бесконечность атрибутов, которые каждый по-своему выражают бесконечность его существа. Нам известны из них только два: протяжение и мышление.

Из мышления и протяжения вытекают бесчисленные модусы, в коих содержатся другие.

Тот, кто разом охватил бы все протяжение и все мышле-

ние, не обнаружил бы в них ничего относительного, ничего случайного, а только геометрический ряд членов, связанных между собою непреложными законами».

– Вот было бы прекрасно! – заметил Пекюше.

«Следовательно, не существует свободы ни для человека, ни для Бога».

– Нет, ты только послушай! – воскликнул Бувар.

«Если бы Бог обладал волею, имел цель, если бы он действовал ради чего-либо, значит, у него была бы какая-нибудь потребность, значит, он не был бы совершенен. Он не был бы Богом.

Итак, наш мир лишь точка в совокупности вещей, а вселенная, для нас непостижимая, есть часть бесконечного множества вселенных, излучающих вокруг нашей бесконечные модификации. Пространство объемлет нашу вселенную, его же объемлет Бог, содержащий в мысли своей все возможные вселенные, и мысль его также объемлет его субстанцией».

Им казалось, что они на воздушном шаре несутся во тьме, в лютую стужу, и какой-то нескончаемый вихрь влечет их к бездонной пропасти, а вокруг них только нечто непостижимое, незыблемое, вечное. Это было свыше их сил. Они отказались от Спинозы.

Желая ознакомиться с чем-нибудь попроще, они купили себе учебник философии Генье, предназначенный для школьников.

Автор задается вопросом: какая метода предпочтительнее

– онтологическая или психологическая?

Первая была пригодна для общества, пребывающего в младенческом состоянии, когда внимание человека было обращено на внешнюю среду. Теперь же, когда взор его обращен в собственный духовный мир, «вторая метода представляется более научной», и выбор Бувара и Пекюше остановился на последней.

Цель психологии – изучение процессов, происходящих в «недрах личности»; познавать их можно при помощи наблюдения.

– Будем же наблюдать!

В течение двух недель, обычно после завтрака, они исследовали самих себя, надеясь совершить великие открытия, однако не сделали ни одного, и это их очень удивляло.

«Я» поглощено одним явлением, а именно – мыслью. Какова же природа мысли? Предполагали, что предметы отражаются в мозгу, а мозг передает эти образы нашему разуму, который и познает их.

Но если мысль духовна, то как же она может представлять нечто материальное? Отсюда – скептицизм в отношении внешних восприятий. Если же мысль материальна, то ей не дано представлять объекты духовные. Отсюда – скептицизм в отношении внутренних восприятий.

К тому же будем здесь осторожны! Такая гипотеза может привести нас к атеизму.

Ведь образ, будучи чем-то конечным, не может представ-

лять бесконечность.

– Однако, – возразил Бувар, – когда я мыслю о роще, о каком-нибудь человеке или о собаке, я вижу эту рощу, этого человека, эту собаку. Следовательно, мысль представляет их.

Они занялись вопросом о природе идей.

По учению Локка, существует два вида идей: одни рождаются ощущением, другие – мышлением, а Кондильяк все сводит к одним ощущениям.

Но в таком случае мышление лишается какой-либо основы. Оно нуждается в субъекте, в чувствующем существе, и оно бессильно дать нам великие основополагающие истины, как то: Бог, добро и зло, справедливость, красота и т. п., словом, представления, именуемые врожденными, то есть всеобщие и предшествующие фактам и опыту.

– Если бы они были всеобщими, мы были бы наделены ими с младенческих лет.

– Под словом «всеобщие» подразумевается то, что мы предрасположены к ним, и Декарт...

– Твой Декарт все путает! Ведь он утверждает, будто они свойственны даже зародышу, а в другом месте сам признает, что это только подразумевается.

Пекюше удивился.

– Откуда ты это взял?

– У Жерандо.

Бувар тихонько похлопал его по животу.

– Перестань! – сказал Пекюше и, возвращаясь к Кондильяку, продолжал: – Наши мысли вовсе не являются превращениями наших ощущений. Ощущения только вызывают мысли, приводят их в действие. А чтобы приводить их в действие, нужен двигатель. Материя сама по себе не может создавать движения... Это я вычитал у твоего Вольтера, – добавил Пекюше, отвешивая другу низкий поклон.

Так они переливали из пустого в порожнее, повторяя все те же аргументы; каждый из них презирал мнение другого и в то же время не мог убедить его в своей правоте.

Но философия возвышала их в собственных глазах. Их прежние занятия сельским хозяйством, политикой стали казаться им жалкими.

Музей теперь вызывал у них отвращение. Друзья с радостью распродали бы все эти безделушки. Потом они перешли к другой теме: к душевным способностям.

Таких способностей три – ни больше ни меньше! А именно – способность чувствовать, способность познавать и способность проявлять волю.

В способности чувствовать следует различать два вида: физическую чувствительность и нравственную.

Физические ощущения естественно распадаются на пять разновидностей, поскольку они рождаются пятью органами чувств.

Явления чувствительности нравственной, наоборот, ничем не обязаны плоти. «Что общего между радостью Архи-

меда, открывающего законы тяжести, и низменным наслаждением Апиция, пожирающего голову кабана?»

Нравственная чувствительность бывает четырех видов, а второй из них – «нравственные желания» – делится на пять разновидностей, четвертый же – «привязанность» – подразделяется на две разновидности, одна из коих – любовь к самому себе, «склонность, конечно, законная, но если она переходит границы, то это уже эгоизм».

Способность познавать включает в себе восприятия разума, в котором можно обнаружить два основных начала и четыре степени.

Абстракция для умов особого склада чревата подводными камнями.

Память позволяет проникать в прошлое, а предвидение – в будущее.

Воображение скорее способность частная, способность *sui generis*.⁵

Все эти потуги доказать чушь, педантичный тон автора, однообразие его приемов: «Мы готовы признать... Мы далеки от мысли... Обратимся к нашему сознанию...», бесконечные восхваления Дегальда Стюарта, словом, все это пустословие так опротивело им, что они, перемахнув через способность изъявлять волю, обратились к логике.

Она открыла им, что такое анализ, синтез, индукция, дедукция, а также разъяснила основные причины наших за-

⁵ Особого рода (лат.).

блуждений.

Почти все они происходят от неправильного употребления слов.

«Солнце заходит, погода хмурится, зима приближается» – все это порочные выражения; они могут вызвать представление о личностях, в то время как речь идет о самых простых явлениях! «Я помню такую-то вещь, такую-то аксиому, такую-то истину» – самообман! Все это только идеи, а отнюдь не предметы, оставшиеся во мне; в сущности, следовало бы сказать: «Я помню тот акт моего ума, в силу коего я увидел эту вещь, вывел эту аксиому, установил эту истину».

Так как слово, обозначающее какое-либо действие, не объемлет его во всех модусах, они стали по возможности употреблять абстрактные слова, и вместо того, чтобы сказать: «Пойдем прогуляемся, пора обедать, у меня живот болит», – они изрекали фразы вроде следующих: «Прогулка была бы весьма полезна, пришло время вводить в организм пищу, я чувствую потребность опорожниться».

Овладев логикой, они подвергли рассмотрению различные критерии истины и прежде всего здравый смысл.

Если знание недоступно индивидууму, то почему оно может быть доступно множеству индивидуумов? Если какое-либо заблуждение существует сто тысяч лет, то из этого не следует, что в нем заключается истина! Толпа всегда следует по проторенной дорожке. К прогрессу, наоборот, стремится лишь меньшинство.

Стоит ли доверяться свидетельству чувств? Подчас они обманывают и всегда сообщают лишь об одной видимости. Сущность от них ускользает.

Разум дает больше гарантий, ибо он незыблем и безличен, но, чтобы проявить себя, он должен воплотиться. Тогда разум становится моим разумом; любое правило, если оно ложно, теряет силу. Нет доказательств, что такое-то правило истинно.

Советуют проверить его при помощи ощущений, но они могут только сгустить мрак. Из смутного ощущения выводится ложный закон, который впоследствии помешает правильному восприятию явлений.

Остается мораль. Но это значит низвести Бога до уровня полезного, как будто наши потребности являются мерою абсолюта.

Что касается очевидности, которую одни отрицают, другие признают, то она сама служит себе критерием. Это доказал Кузен.

– Теперь не остается ничего иного, кроме откровения, – сказал Бувар. – Но, чтобы верить в него, надо допустить два предварительных знания: знание чувствующего тела и знание воспринявшего интеллекта, допустить ощущение и разум – два свидетельства, исходящих от человека и, следовательно, сомнительных.

Пекюше задумался, скрестив на груди руки.

– Но тогда мы низвергнемся в жуткую бездну скептициз-

ма.

Скептицизм, по мнению Буvara, страшит только жалкие умы.

– Благодарю за комплимент, – отозвался Пекюше. – Между тем есть явления неоспоримые. В известной мере можно достичь истины.

– В какой мере? Всегда ли дважды два – четыре? Содержимое всегда ли в какой-то степени меньше содержащего? Что значат слова: «приблизительная истина», «частица божества», «долька чего-либо неделимого»?

– Ну, ты просто-напросто софист!

Пекюше обиделся и дулся целых три дня.

За это время они изучали оглавления множества книг. Время от времени Бувар усмехался; наконец он возобновил разговор:

– А ведь трудно не сомневаться. Так, в отношении Бога доводы Декарта, Канта и Лейбница различны и друг друга опровергают. Сотворение мира при помощи атомов или при помощи духа все же непостижимо.

Я ощущаю себя одновременно и материей и мыслью и в то же время не знаю, ни что такое материя, ни что такое мысль.

Непроницаемость, прочность, тяжесть кажутся мне такими же загадками, как и моя душа, а сочетание души и тела – тем более.

Чтобы разобраться в этом, Лейбниц выдумал гармонию, Мальбранш – волю Божию, Кедворт – посредника, Боссюэ

усматривает в этом вечное чудо, а это просто глупость: вечное чудо не может быть чудом.

– Вот именно! – согласился Пекюше.

Оба признались, что устали от философов. Такое множество систем только сбивает с толку. Метафизика бесполезна. Вполне можно обойтись без нее.

К тому же их материальное положение все ухудшалось. Они должны были Бельжамбу за три бочки вина, за двенадцать килограммов сахара Ланглуа, сто двадцать франков портному, шестьдесят – сапожнику. Расходы шли своим чередом, а дядя Гуи задерживал платежи.

Они обратились к Мареско с просьбой раздобыть им денег путем продажи Экайской мызы, то ли путем заклада их фермы или посредством продажи дома с условием, что им будет выплачиваться пожизненная рента и предоставлено право пользоваться им. Это не удастся, ответил Мареско, но у него есть план получше, и он их о нем уведомит.

Тут они вспомнили о своем заброшенном саде. Бувар занялся расчисткой буковой аллеи, Пекюше – подрезкой шпалер. Марселю поручили вскопать клумбы.

Спустя четверть часа они бросили работу; один сложил садовый нож, другой бросил секатор, и оба стали мирно прогуливаться: Бувар – под тенью лип, без жилета, выпятив грудь, с голыми руками; Пекюше – вдоль стены, понурившись, заложив руки за спину и из предосторожности повернув козырек картуза назад; так они прогуливались парал-

тельно друг другу, даже не замечая Марселя, который прохладился на пороге садовой будки и уплетал ломоть хлеба.

В эти минуты раздумий их посетили кое-какие мысли; боясь позабыть их, они спешили друг к другу; и тут снова начинались метафизические беседы.

Проблемы возникали в связи с дождем и солнцем, в связи с камушком, попавшим в башмак, с цветком, распустившимся в газоне, в связи со всем.

Глядя на горящую свечу, они задавались вопросом: где же находится свет – в предмете или в нашем глазу? Если звезды могут угаснуть задолго до того, как до нас дойдет их сияние, мы, быть может, любуемся несуществующими вещами?

В одном из жилетных карманов они обнаружили забытую папиросу Распая; они раскрошили ее над водой, и камфора закружилась.

Вот как возникает движение в материи! Более мощное движение может зародить жизнь.

Но если бы для создания существ было достаточно одной движущейся материи, они не были бы столь разнообразны. Ведь вначале не существовало ни земли, ни воды, ни человека, ни растений. Что же представляет собою эта первичная материя, которую никто не видел, которая чужда всему земному и в то же время все здесь породила?

Иной раз у них возникала надобность в какой-нибудь книге. Дюмушелю уже надоело их обслуживать, и он перестал им отвечать, между тем тот или иной вопрос не давал им по-

коя, особенно Пекюше.

Его стремление к истине превращалось в неутолимую жажду.

Взбудораженный речами Бувара, он отказывался от спиритуализма, снова возвращался к нему, чтобы вновь отвергнуть, и, схватившись за голову, восклицал:

– О сомнение, сомнение! Уж лучше небытие!

Бувар понимал несостоятельность материализма, но все же старался придерживаться его, признаваясь, впрочем, что совсем теряет голову.

Они возобновляли рассуждения, опираясь на прочную основу; основа рушилась, идея исчезала, подобно мухе, которую хотят поймать.

Зимними вечерами они беседовали в музее, у камина, глядя на рдеющие уголья. По коридору разгуливал ветер, окна дрожали от его порывов, черные кроны деревьев раскачивались из стороны в сторону, ночной мрак придавал еще большую суровость их мыслям.

Время от времени Бувар уходил в глубь комнаты, потом возвращался. От светильников и сосудов, расставленных вдоль стен, на пол ложились косые тени, нос апостола Петра, повернутого в профиль, вырисовывался на потолке словно чудовищный охотничий рог. Трудно было передвигаться между расставленными предметами, и Бувар то и дело наталкивался на статую апостола. Пекюше она тоже раздражала своими выпученными глазами, отвислой губой и всем обликом,

напоминавшим пьянчужку. Они уже давно собирались избавиться от нее, но по лени откладывали это со дня на день.

Как-то вечером, в пылу спора насчет монады, Бувар ушибся об ногу апостола, и раздражение его обрушилось на статую:

– Надоел мне этот болван! Выбросим его вон!

Тащить статую по лестнице было затруднительно. Они распахнули окно и осторожно наклонили ее на подоконник. Пекюше, стоя на коленках, пытался приподнять ее за пятки, а Бувар налегал на плечи. Каменный истукан не трогался с места; в качестве рычага им пришлось воспользоваться алебардой, и они, наконец, уложили его плашмя. Тут статуя, качнувшись, грохнулась в пустоту, тиарой вперед; последовал глухой удар, а на другой день они нашли ее в старой яме для компостов, – она разбилась на множество обломков.

Час спустя к ним с доброй вестью явился нотариус. Один из местных жителей готов ссудить тысячу эку под заклад их фермы. Они очень обрадовались, а нотариус продолжал:

– Погодите! Лицо это предоставит деньги лишь при условии, что вы продадите ему Экай за полторы тысячи франков. Ссуда может быть выдана хоть сегодня. Деньги у меня в конторе.

Они предпочли бы продать и то и другое. Наконец Бувар ответил:

– Ну что ж... пусть будет по-вашему.

– По рукам! – сказал Мареско.

Он назвал имя покупателя – это была г-жа Борден.

– Я так и думал! – воскликнул Пекюше.

Самолюбие Бувара было задето; он молчал.

Она ли купит или кто другой – не все ли равно? Главное – выйти из затруднений.

Получив деньги (за Экай будет уплачено позже), они немедленно расплатились по всем счетам и уже возвращались домой, как вдруг возле рынка их остановил дядюшка Гуи.

Он направлялся к ним, чтобы сообщить о случившейся беде. Прошлой ночью ветер с корнем вырвал во дворе двадцать яблонь, повалил винокурню, сорвал крышу сарая. Остальную часть дня они употребили на осмотр разрушений, а весь следующий день ушел на переговоры с плотником, штукатуром и кровельщиком. Починки обойдутся по меньшей мере в тысячу восемьсот франков.

Вечером явился дядя Гуи. Марианна только что сказала ему о продаже мызы. Это лучший участок на ферме, самый доходный, вполне ему подходящий, так как почти не требует обработки. Гуи просил снизить арендную плату.

Они отказались. Дело было передано мировому судье, и тот вынес решение в пользу фермера. Утрата участка, акр которого оценивался в две тысячи франков, причиняла ему убыток в семьдесят франков в год, и он выиграл бы дело и в высших инстанциях.

Состояние их таяло. Что делать? И как дальше жить?

В унынии они уселись за стол. Марсель ничего не смыслил в стряпне, а на этот раз обед оказался еще хуже обычного. Суп был похож на воду, в которой мыли посуду, от кролика чем-то воняло, бобы были недоварены, тарелки – сальные, и за десертом Бувар, всплыв, пригрозил разбить их о его голову.

– Будем философами, – успокаивал его Пекюше. – Чуть-чуть меньше денег, бабьи плутни, нерасторопность прислуги – все это пустяки. Ты слишком занят материей.

– Что ж поделать, она не дает мне покоя, – возразил Бувар.

– А я ее вообще отрицаю.

Недавно он прочел статью Беркли и потому добавил:

– Я отрицаю пространство, время, протяженность и субстанцию вообще. Истинная субстанция – это ум, познающий качества.

– Допустим, – сказал Бувар, – но если упразднить мир, не останется никаких доказательств существования Бога.

Пекюше возмутился и долго кричал; насморк, вызванный йодистым калием, и застарелая лихорадка усиливали его раздражение.

Бувар всполошился и вызвал врача.

Вокорбей прописал апельсиновый сироп с йодом, а немного погодя – ванны с киноварью.

– Зачем? – возразил Пекюше. – Рано или поздно форма распадется. Зато сущность не погибнет.

– Конечно, – согласился врач, – материя неистребима. Од-

нако...

– Нет, нет! Неистребима именно сущность. Тело, находящееся у меня перед глазами, ваше тело, доктор, не дает мне познать вашу личность, это лишь внешняя оболочка или, вернее, маска.

Вокорбей подумал, не помешался ли пациент.

– До свиданья! Лечите свою маску!

Пекюше не уgomонился. Он раздобыл введение в Гегелеву философию и попробовал втолковать ее Бувару.

– Все, что разумно, – реально. Более того, реальны только идеи. Законы ума – законы вселенной, разум человека тождествен разуму Божьему.

Бувар сделал вид, что понимает.

– Следовательно, абсолют – это в одно и то же время и субъект и объект, это единство, в котором сливаются все различия. Таким образом разрешаются все противоречия. Тень дает возможность проявиться свету, холод, смешанный с теплом, создает температуру, организм существует только благодаря своему распаду, всюду сказываются начало разделяющее и начало связующее.

Они находились на пригорке и увидели кюре, шедшего вдоль изгороди, с тресником в руке.

Пекюше предложил ему зайти, чтобы в его присутствии закончить изложение системы Гегеля и послушать, что он скажет.

Священник присел рядом с ним, и Пекюше заговорил о

христианстве.

– Ни одна религия так убедительно не утвердила истину: «Природа – всего лишь момент идеи».

– Момент идеи! – прошептал ошеломленный кюре.

– Вот именно! Бог, приняв зримую оболочку, обнаружил свою единственность с нею.

– Это с природой-то? Да что вы!

– Кончиною своей он подтвердил сущность смерти; следовательно, смерть пребывала в нем, составляла и составляет часть Бога.

Священник насупился.

– Не богохульствуйте! Он принял страдания ради спасения рода человеческого.

– Ошибаетесь! Смерть рассматривают применительно к индивидууму, и тут она, несомненно, зло; другое дело, если речь идет о вещах. Не отделяйте дух от материи!

– Однако до сотворения мира...

– Никакого сотворения не было. Мир существует извечно. Иначе получилось бы, что некая новая сущность прибавилась к божественной мысли, а это нелепость.

Священник поднялся с места – ему надо было идти по делам.

– Очень рад, что проучил его! – сказал Пекюше. – Еще одно слово! Раз существование мира не что иное, как беспрерывный переход от жизни к смерти и от смерти к жизни, значит, нельзя утверждать, что все есть – наоборот, надо

считать, что ничего нет. Но все находится в стадии становления, понимаешь?

– Конечно, понимаю... или, вернее, нет, не понимаю.

Идеализм в конце концов приводил Буvara в отчаяние.

– Хватит с меня! Пресловутое cogito⁶ мне осточертело.

Идеи предметов принимают за сами предметы. То, чего почти не понимают, объясняют посредством слов, которые и вовсе не понятны. Субстанция, протяженность, сила, материя и душа! Все это только абстракции, только воображение. Что касается Бога, то, даже если он существует, невозможно постичь, каков он. Некогда он порождал ветер, молнию, революции. Теперь он проявляет себя меньше. Впрочем, не вижу от него никакой пользы.

– А как же тогда с моралью?

– Ну и наплевать на нее!

«Она действительно лишена основы», – подумал Пекюше.

Он притих, оказавшись в тупике, к которому привели его собственные предпосылки. Он этого никак не ожидал и был подавлен.

Бувар не верил даже в материю.

Убеждение в том, что ничто не существует, как оно ни прискорбно, все же неоспоримо. Лишь немногие могут проникнуться им. Они почувствовали себя выше окружающих, возгордились, и им захотелось похвастаться своим превосходством; случай вскоре представился.

⁶ Я мыслю (лат.).

Как-то утром, отправившись за табаком, они увидели у лавки Ланглуа скопление народа. Люди толпились вокруг фалезского дилижанса; речь шла о некоем Туаше, беглом каторжнике, который уже давно бродил по окрестностям. Возница встретил его у Круа-Верта под конвоем двух жандармов, и шавиньольцы наконец-то вздохнули с облегчением.

Жирбаль и капитан остались на площади, потом туда пришли мировой судья, желавший узнать подробности, и Мареско в бархатном берете и сафьяновых туфлях.

Ланглуа пригласил их почтить его лавочку своим посещением, – там им будет удобнее. Невзирая на покупателей и звон колокольчика, господа продолжали обсуждать злодеяния Туаша.

– Что ж, у него дурные инстинкты, вот и все, – сказал Бувар.

– Их можно преодолеть добродетелью, – возразил нотариус.

– А если не обладаешь добродетелью?

Бувар стал решительно отрицать свободу воли.

– Однако я волен делать, что мне вздумается, – заметил капитан. – Ничто не может помешать мне, например, шевелить ногой.

– В том случае, если у вас есть побуждение шевелить ею.

Капитан долго искал ответа, но так ничего и не придумал. Зато Жирбаль изрек:

– Республиканец, а выступает против свободы! Довольно

странно!

– Потеха! – поддакнул Ланглуа.

Бувар задал ему вопрос:

– А почему вы не раздадите ваше имущество бедным?

Лавочник обвел тревожным взглядом свой товар.

– Вот еще! Я не дурак. Оно мне самому пригодится.

– А будь вы святым Винцентом де Поль, так вы поступили бы иначе, потому что у вас был бы его характер. Вы следуете своему характеру. Значит, вы не свободны.

– Это крючкотворство! – в один голос закричали присутствующие.

Бувар не смутился и отвечал, указывая на весы на прилавке:

– Весы будут неподвижны, пока любая из чашек пуста. То же самое и с волею; когда чашки качаются под давлением двух с виду равных тяжестей, они напоминают работу нашего ума, обсуждающего разные доводы, пока, наконец, наиболее веский не перетянет, не предопределит поступка.

– Все это не имеет никакого отношения к Туашу. Что ни говорите, он редкий негодяй, – сказал Жирбаль. Тут взял слово Пекюше:

– Пороки присущи природе, как бури или наводнения.

Нотариус прервал его и сказал, при каждом слове приподнимаясь на цыпочки:

– Я считаю ваши воззрения совершенно безнравственными. Они открывают дорогу для распущенности, оправдыва-

ют виновных, извиняют преступления.

– Совершенно верно, – вмешался Бувар. – Несчастный, удовлетворяющий свои порочные инстинкты, так же прав, как порядочный человек, следующий голосу разума.

– Не защищайте выродков.

– Зачем считать их выродками? Когда рождается слепой, слабоумный, убийца, – нам это кажется нарушением порядка, как будто нам известно, что такое порядок, как будто природа действует целесообразно!

– Значит, вы отрицаете провидение?

– Да, отрицаю.

– Загляните в историю, – воскликнул Пекюше. – Помните убийства монархов, истребление целых народов, раздоры в семьях, страдания отдельных лиц.

– И в то же время, – добавил Бувар, ибо они подзадоривали друг друга, – провидение заботится о птичках, и по его воле у раков вместо оторванных клешней вырастают новые. Что ж, если под провидением вы подразумеваете всем управляющий закон, – согласен! Да и то еще...

– Существуют же некоторые принципы! – сказал нотариус.

– Да что вы мне толкуете! По мнению Кондильяка, наука тем совершеннее, чем меньше она нуждается в принципах! Принципы только подытоживают приобретенные знания и возвращают нас вспять к этим, весьма спорным, знаниям.

– Разве вы занимались, подобно нам, изучением, исследованием тайн метафизики? – продолжал Пекюше.

– Верно, господа, верно!

Общество разошлось.

Но Кулон, отозвав их в сторону, сказал им наставительно, что он, разумеется, не святоша и даже ненавидит иезуитов, однако не заходит так далеко, как они. Нет, нет, так далеко он не заходит. На площади они прошли мимо капитана, который в это время раскуривал трубку и ворчал:

– А все-таки, черт побери, я делаю что хочу.

Бувар и Пекюше при всяком удобном случае стали провозглашать свои возмутительные парадоксы. Они ставили под вопрос честность мужчин, целомудрие женщин, мудрость правительства, здравый смысл народа, словом, подрывали все основы.

Фуру всполошился и пригрозил, что засадит их за решетку, если они не прекратят таких речей.

Их очевидное превосходство воспринималось как оскорбление. Раз они сторонники столь безнравственных теорий, значит, и сами они безнравственны; теперь о них стали распускать всякие сплетни.

Это пробудило у них пренеприятную способность замечать глупость и возмущаться ею.

Их огорчали мелочи: газетные объявления, наружность какого-нибудь обывателя, нелепое рассуждение, случайно дошедшее до них.

Они прислушивались к тому, что говорят в деревне; мысль, что во всем мире, вплоть до антиподов, существуют такие же Мареско, такие же Фуро, угнетала их, словно их придавило бременем всей Земли.

Они перестали выходить из дома, никого у себя не принимали.

Однажды днем до них донесся разговор Марселя с каким-то господином в широкополой шляпе и темных очках. То был академик Ларсенер. От него не ускользнуло, что, пока он разговаривал со слугою, в одном из окон приоткрылась штора и кто-то затворил двери. Он пришел, чтобы сделать попытку примирения, и удалился вне себя от злости, поручив Марселю передать хозяевам, что считает их хамами.

Бувар и Пекюше отнеслись к этому совершенно безразлично. Мир терял в их глазах свою значительность, они смотрели на него как бы сквозь облако, которое обволакивало их сознание и туманило взор.

Да не иллюзия ли он, не дурной ли сон? Быть может, в конечном счете блага и невзгоды уравниваются? Однако благополучие рода человеческого не может служить утешением для отдельной личности.

– Какое мне дело до других! – говорил Пекюше.

Его отчаяние удручало Бувара. Ведь это он довел своего друга до такого состояния, а каждодневные неприятности, причиняемые разрухой в их хозяйстве, еще более омрачали их жизнь.

Они сами себя уговаривали, старались приободриться, принуждали себя работать, но вскоре впадали в еще большую апатию, в глубокое уныние.

После обеда или ужина они с мрачным видом продолжали сидеть за столом, расставив локти, и тяжело вздыхали. Марсель тарасил на них глаза, потом отправлялся на кухню и там обедался в одиночестве.

В середине лета они получили приглашение на свадьбу Дюмушеля с вдовой Олимпией-Зюльмой Пуле.

– Да благословит их Бог!

Они вспомнили время, когда и сами были счастливы.

Почему они теперь не ходят смотреть на жнецов? Куда ка-нули дни, когда они заглядывали на фермы, выискивая всякие древности? Теперь уже не выпадало на их долю блаженных часов, посвященных виноделию или литературе. От тех дней их отделяла бездна. Случилось нечто непоправимое.

Однажды им захотелось погулять, как в былое время, по полям, уйти подальше, заблудиться. На небе, словно барашки, паслись облака, ветер колыхал овсы, на лужайке журчал ручеек. Вдруг до них донеслось резкое зловоние, и они увидели среди терновника распростертый на камнях труп собаки.

Все четыре ноги ее уже высохли. Она оскалилась, за синеватыми отвислыми губами виднелись нетронутые клыки; на месте живота громоздилась куча землистого цвета; казалось, будто она трепещет – так много копошилось в ней червей.

Она шевелилась, залитая солнцем, под жужжание мух, среди невыносимого запаха, запаха свирепого и ужасающего.

Бувар нахмурился, на глазах его показались слезы.

Пекюше стоически заметил:

– Наступит день, когда и мы станем такими же.

Мысль о смерти поразила их. Они говорили о ней на обратном пути.

Впрочем, смерти нет. Существа растворяются в росе, в ветерке, в звездах. Становишься как бы частицей древесного сока, сверкания самоцветов, оперенья птиц. Возвращаешь Природе то, что она дала тебе взаймы; Небытие, ожидающее нас в будущем, ничуть не страшнее того, что осталось позади нас.

Они пытались представить себе его в виде беспросветной тьмы, бездонной пропасти, полного исчезновения; все, что угодно, предпочтительнее этого однообразного, нелепого и безнадежного существования.

Им припомнились их неосуществленные желания. Бувару всегда хотелось иметь лошадей, экипажи, роскошный дом, лучшие бургундские вина и прекрасных, благосклонных к нему женщин.

Мечтой Пекюше было овладеть философскими познаниями. Между тем главнейшая проблема – та, что содержит в себе все остальные, – может быть решена в один миг. Когда же это произойдет?

– Лучше покончить с собою немедленно.

– Как хочешь, – согласился Бувар.

Они занялись вопросом о самоубийстве.

Что же дурного в том, чтобы сбросить с себя гнетущее бремя и совершить поступок, никому не приносящий вреда? Если бы такой поступок оскорблял Бога, разве нам была бы дана возможность совершить его? Это не малодушие, хотя так обычно считают, а прекрасное дерзновение – насмеяться, даже в ущерб себе, над тем, что люди ценят превыше всего.

Они стали обсуждать различные способы самоубийства.

Яд причиняет сильные страдания. Чтобы зарезаться, необходимо исключительное мужество. При угаре часто получается осечка.

В конце концов Пекюше отнес на чердак два каната, служивших им для гимнастики. Он привязал их к одной из балок, спустил вниз петли и, чтобы добраться до них, под каждую поставил по стулу.

Они решили, что этот способ предпочтительнее.

Их занимала мысль о том, какое впечатление произведет это в округе, что станется с их библиотекой, их бумагами и коллекциями. Мысль о смерти внушала им жалость к самим себе. Однако они не отступались от своего намерения и так много о нем говорили, что в конце концов свыклись с ним.

Вечером двадцать четвертого декабря, между десятью и одиннадцатью, они сидели в музее, размышляя. Одеты они были по-разному: на Буваре поверх вязаного жилета была

блуза, а Пекюше уже три месяца ради экономии не расставался с монашеской рясой.

Они очень проголодались (Марсель, ушедший из дому еще на заре, так и не появлялся), поэтому Бувар счел за благо выпить графинчик водки, а Пекюше – чаю.

Поднимая чайник, он выплеснул на паркет немного воды.

– Разиня! – вскричал Бувар.

Заварка показалась ему недостаточно крепкой, и он решил добавить еще две ложки.

– Пить нельзя будет, – сказал Пекюше.

– Вот еще.

Каждый тащил чайницу к себе, и в конце концов поднос свалился со стола; одна из чашек – последняя из прекрасного фарфорового сервиза – разбилась.

Бувар побледнел.

– Продолжай в том же духе! Бей! Не стесняйся!

– Подумаешь! Велика беда!

– Да, именно беда. Чашка досталась мне от отца.

– Незаконного, – добавил Пекюше, хихикнув.

– Ах, ты меня еще и оскорбляешь!

– Нет, просто я тебе надоел, я это отлично вижу, сознайся.

Пекюше охватила дикая ярость, вернее – безумие. Бувара тоже. Они кричали, не слушая друг друга, один взбеленился от голода, другой – от алкоголя. Из груди Пекюше вырывался уже только хрип.

– Это ад какой-то, а не жизнь! Уж лучше смерть! Прощай!

Он взял подсвечник, повернулся, хлопнул дверью.

Оставшись в темноте, Бувар с трудом отворил ее и вслед за другом взбежал на чердак.

Свеча стояла на полу, а Пекюше – на одном из стульев, с веревкой в руках.

Дух подражания увлек Бувара:

– Подожди меня.

И он уже стал карабкаться на второй стул, как вдруг спохватился:

– Погоди!.. Мы не написали завещания!

– А ведь верно!

Сердца у них сжимались от тоски. Они подошли к окошку, чтобы подышать.

Воздух был холодный; на небе, темном, как чернила, сияло множество звезд.

Белизна снега, покрывшего землю, на горизонте растворялась во мгле.

Внизу они заметили множество огоньков, – огоньки приближались, постепенно увеличиваясь, и двигались по направлению к церкви.

Друзья из любопытства отправились туда.

Верующие собирались ко всеобщей. Огоньки оказались фонарями. На паперти прихожане стряхивали снег со своих плащей.

Хрипел орган, пахло ладаном. Плошки, развешанные вдоль нефа, образовали три разноцветных светящихся вен-

ца, а в глубине, по сторонам дарохранительницы, красным пламенем пылали огромные свечи. Поверх голов и женских чепцов, за певчими, виднелся священник в золоченой ризе; его резкому голосу вторили зычные голоса мужчин, заполнивших амвон, и деревянные своды церкви содрогались от этих мощных звуков. Стены были украшены живописью, изображавшею крестный путь. На амвоне, перед престолом, подвернув ноги и выпрямив ушки, лежал агнец.

От теплого воздуха друзьям стало как-то особенно хорошо, и мысли их, еще недавно столь мрачные, становились короткими, как затихающие волны.

Они прослушали Евангелие и «Верую», следя за движениями священника. Между тем все вокруг – старики, молодые, бедные женщины в рубище, фермерши в высоких чепцах, здоровенные парни с белокурыми бачками – все молились, охваченные благоговейной радостью, и видели перед собою на соломе, в хлеву, тельце божественного младенца, сверкающее, как солнце. Эта вера окружающих умиляла Буvara вопреки его рассудочности, а Пекюше – вопреки его жестокосердию.

Воцарилась тишина; все спины склонились, зазвонил колокольчик, проблеял ягненок.

Священник вознес дары, подняв их обеими руками как можно выше. Тут грянуло ликующее песнопение, призывавшее весь мир пасть к ногам владыки ангелов. Бувар и Пекюше невольно стали подпевать, и казалось им, что в душе у

них занимается заря.

IX

Марсель появился на другой день, в три часа, бледный, с воспаленными глазами, с шишкой на лбу, в рваных штанах; от него разило водкой, он был отвратителен.

Он провел сочельник, как всегда, у своего приятеля, в шести лье от дома, возле Иквиля. Он заикался сильнее обычного, хныкал, проклинал себя, молил о пощаде, словно был повинен в страшном преступлении. Хозяева простили его. Какая-то странная умиротворенность располагала их к снисходительности.

Снег вдруг растаял, и они прогуливались у себя в саду, вдыхая теплый воздух, радуясь жизни.

Только ли случай уберег их от смерти? Бувар был расстроган. Пекюше вспомнил свое первое причастие; они были преисполнены благодарности к Силе, к Первопричине, которой были подвластны, и решили заняться душеспасительным чтением.

Евангелие согрело им душу, ослепило, как солнце. Они представляли себе Христа, стоящего на горе с воздетою рукою, а у подножия горы внимающую ему толпу; или на берегу озера, среди апостолов, тянущих сети; потом на осленке, среди возгласов «Осанна!», с волосами, развевающимися от взмахов пальмовых ветвей; наконец, со склоненной головою распятым на кресте, с которого вечно нисходит на мир роса.

Особенно покорила, особенно умиляла их любовь к смиренным, заступничество за бедных, возвеличение угнетенных. В этой книге, раскрывающей перед нами небо, нет ничего богословского, хотя она и полна поучений, ни одной догмы, никаких требований, кроме одного – хранить чистоту сердца.

Что же касается чудес, то они не были удивлены ими, – они знали о них с детства. Возвышенный слог апостола Иоанна восхищал Пекюше и помог ему лучше постигнуть «Подражание Христу».

Здесь уже нет притч, цветов, птичек, а только стенания, сокрушение души о самой себе. Бувар опечалился, перелистывая эти страницы, словно написанные в мрачную пору, в недрах монастыря, между колокольной и гробницей. Наша тленная жизнь предстает тут столь жалкой, что надо, позабыв о ней, всецело обратиться к Богу; оба после всех своих разочарований почувствовали потребность жить простой жизнью, кого-то любить, дать отдых разуму.

Они взялись за Екклезиаста, Исаяю, Иеремию.

Но Библия утрашила их своими пророками со львиными голосами, громом в небесах, воплями геенны и Богом, развеивающим царства, как ветер развеивает тучи.

Они читали это в воскресенье, когда шла вечерня, и до слуха их доносился колокольный звон.

Однажды они отправились к мессе, потом стали ходить каждую неделю. Это служило им развлечением после скуч-

ных будней. Граф де Фаверж с супругой издали поклонились им, и это не прошло незамеченным. Мировой судья сказал им, подмигнув:

– Превосходно! Одобряю.

Теперь все прихожанки стали присылать им просфоры.

Аббат Жефруа нанес им визит, они ответили ему и стали посещать друг друга, но священник никогда не заговаривал о религии.

Такая сдержанность удивляла их, и однажды Пекюше как бы невзначай спросил у него, что надо делать, чтобы обрести веру.

– Прежде всего соблюдайте обряды.

Они стали соблюдать обряды, один – с надеждой, другой – как бы назло, Бувар был убежден, что никогда не станет набожным. Целый месяц он неукоснительно ходил на все службы, но в отличие от Пекюше не желал поститься.

Что это? Гигиеническая мера? Знаем мы, что такое гигиена! Вопрос приличия? Долой приличия! Знак покорности предписаниям церкви? И на них ему наплевать. Словом, он считал это установление нелепым, фарисейским, противным духу Евангелия.

В прошлые годы они в Страстную пятницу ели то, что им подавала Жермена.

На этот раз Бувар нарочно заказал себе бифштекс. Он уселся за стол, разрезал мясо; Марсель взирал на него с негодованием, а Пекюше тем временем с серьезным видом счи-

щал кожу с ломтика трески.

Бувар замер, держа в одной руке вилку, в другой – нож. Наконец, решившись, он поднес кусок мяса ко рту. Вдруг руки у него затряслись, полное лицо побледнело, голова запрокинулась.

– Тебе дурно?

– Нет! Однако...

Он признался. В силу полученного воспитания (преодолеть это свыше его сил) он не может сегодня есть скоромное, так как боится умереть.

Пекюше, не злоупотребляя своей победой, все же воспользовался ею, чтобы поступать по-своему.

Как-то вечером он вернулся домой просветленный и объявил, что исповедался.

Тут они стали обсуждать значение исповеди.

Бувар признавал исповедь первых христиан, совершавшуюся на людях, нынешняя же чересчур легка. Он, однако, не отрицал того, что подобная самопроверка служит усовершенствованию и содействует нравственности.

Пекюше, стремясь к совершенству, стал выискивать в себе пороки: порывы гордыни у него давно уже стихли, он любил трудиться, и это избавляло его от лени, что же касается чревоугодия, то трудно было бы найти человека более воздержанного. Зато нередко его обуревал гнев.

Он дал себе зарок, что этого больше не будет.

Затем надо выработать в себе добродетели: прежде всего

смирение, то есть следует считать себя не имеющим никаких заслуг, не достойным ни малейшей награды, надо принести свой ум в жертву ближним и ставить себя так низко, чтобы тебя попирали ногами, как дорожную грязь, – от таких качеств он был еще далек.

Недоставало ему и еще одной добродетели – целомудрия. В душе он тосковал по Мели, а пастель, изображавшая даму в платье времен Людовика XV, смущала его своим декольте.

Он убрал ее в шкаф, довел скромность до того, что избегал смотреть на самого себя, и стал спать в кальсонах.

Такая возня вокруг похоти только распалаяла ее. Особенно по утрам случалось ему жестоко воевать с нею, как это было и с апостолом Павлом, и со святым Бенедиктом, и со святым Иеронимом, достигшими уже весьма преклонного возраста; им приходилось подвергать себя жестокому бичеванию. Боль есть искупление, лучшее средство, лекарство, дань поклонения Христу. Всякая любовь требует жертв, а есть ли жертва тяжелее плотской!

Ради умерщвления плоти Пекюше отказался от рюмочки вина, которую выпивал после обеда, ограничил себя четырьмя понюшками в день, в холодную погоду ходил без картуза.

Однажды Бувар, подвязывая виноградные лозы, прислонил лестницу к стене террасы возле их дома и невольно заглянул в комнату Пекюше.

Друг его, голый до пояса, слегка похлопывал себя по плечам плеткой для выколачивания одежды; потом, все больше

распаляясь, он снял штаны, стал сечь себя по ягодицам и, наконец, запыхавшись, рухнул на стул.

Бувар смутился, словно проник в какую-то запретную тайну.

С некоторых пор он стал замечать, что полы у них содержатся чище, на салфетках меньше дырок, пища улучшилась; этими изменениями они были обязаны вмешательству Рены, служанки священника.

Радея о делах кухонных не меньше, чем о делах церковных, сильная, как батрак, и безгранично преданная, хоть и непочтительная, она вмешивалась в домашние дела соседей, не скупилась на советы и вела себя полновластной хозяйкой. Пекюше всецело доверялся ее опытности.

Однажды она привела к нему пухлого человека с узкими, как у китайца, глазами и ястребиным носом. Оказалось, что это Гутман, торговец церковной утварью. Он распаковал под навесом кое-что из своего товара; в коробках лежали кресты, образки, четки всех размеров, подсвечники для молен, переносные престолы, мишурные цветы, голубые картонные сердца Христовы, рыжебородые Иосифы, фарфоровые голгофы. У Пекюше глаза разбежались. Останавливала его только цена.

Гутман не требовал денег. Он предпочитал меняться и, поднявшись в музей, предложил за старинные железные изделия и все свинцовые вещи целый набор своих товаров.

Бувару они показались отвратительными. Но уговоры Пе-

кюше, настояния Рен и краснбайство торговца в конце концов убедили его. Сообразив, что Бувар податлив, Гутман пожелал получить вдобавок и алебарду; Бувару давно надоело показывать, как с нею обращаться, – он отдал и ее. После окончательного подсчета оказалось, что господа должны продавцу еще сто франков. Дело уладили посредством четырех векселей сроком на три месяца, и друзья были в восторге от выгодной сделки.

Вновь приобретенные вещи они разместили по всем комнатам. Ясли с сеном и собор из пробковой коры стали украшением музея.

На камине в комнате Пекюше появился восковой Иоанн Креститель, вдоль коридора развесили епископские венцы, а у лестницы, под лампадой, на цепочках поставили статую Пресвятой Девы в лазоревой мантии и короне из звезд. Марсель чистил эти великолепные вещи, не представляя себе даже в раю ничего прекраснее.

Какая досада, что они разбили апостола Петра! Как он хорош был бы теперь в вестибюле! Порою Пекюше останавливался перед заброшенной ямой для компостов, из которой торчали тиара, одна сандалия, кусочек уха; вздохнув, он снова принимался трудиться в саду, – теперь он сочетал физическую работу с упражнениями в благочестии и копал землю, нарядившись в монашескую рясу и мысленно сравнивая себя со святым Бруно. Но такой наряд, пожалуй, кощунство. Он отказался от него.

Все же у него появились повадки духовного лица – несомненно, благодаря общению с аббатом. Он перенял у него улыбку, голос и манеру зябко, до запястий, засовывать руки в рукава. Дошло до того, что петушиное пение стало казаться ему несносным, а розы начинали вызывать отвращение, он перестал выходить из дому, а глядя на поля, только хмурился.

Бувар согласился пойти на праздник Богородицы. От детей, певших гимны, от букетов сирени, от гирлянд из зелени на него повеяло неувядающей юностью. Бог открывался его сердцу в виде птичьих гнезд, прозрачных ключей, благодатных лучей солнца, зато набожность его друга казалась ему деланной, назойливой.

– Почему ты стонешь за едой?

– Мы должны есть, воздыхая, – ведь именно из-за яств человек утратил невинность, – отвечал Пекюше; эту фразу он вычитал из *Руководства семинариста* – двухтомного сочинения, взятого у Жефруа. Он пил воду из Салетского источника, оставшись наедине, горячо молился и лелеял надежду вступить в братство святого Франциска.

Чтобы обрести стойкость в вере, он решил совершить паломничество к Пресвятой Деве.

Выбор святыни затруднял его. Направиться ли к Божьей Матери Фурвьерской, или Шартрской, Амбренской, Марсельской, Орейской? Вполне подходящим местом представлялась Деливрандская Божья Мать.

– Ты пойдешь со мной!

– У меня будет дурацкий вид, – возразил Бувар.

Впрочем, он может вернуться оттуда верующим; он не возражал бы против этого и в угоду другу согласился сопроводить ему.

Паломничество должно совершаться пешком. Но пройти сорок три километра трудновато, а дилижансы не содействуют созерцательности, поэтому они решили нанять старый кабриолет, каковой после двенадцати часов пути и доставил их на постоялый двор.

Им отвели комнату с двумя кроватями и двумя комодами, на которых стояли два кувшина с водою в овальных тазиках; хозяин поведал им, что во времена террора помещение это было занято капуцинами. Здесь спрятали Божью Матерь Деливрандскую, притом с такими предосторожностями, что благочестивым монахам удавалось тайно служить здесь мессу.

Пекюше это доставило большое удовольствие, и он вслух прочел пояснение насчет часовни, взятое им на кухне постоялого двора.

Она была заложена в начале II века святым Регнобертом, первым епископом Лизье, или святым Рагнебертом, жившим в VII веке, а быть может, Робертом Великолепным в середине XI века.

В разное время ее сжигали и грабили датчане, норманны и в особенности протестанты.

Около 1112 года древняя статуя была обнаружена в поле бараном, который, колотя копытом по земле, указал место, где она лежала, и на этом месте граф Бодуен воздвигнул алтарь.

Чудеса ее неисчислимы. К ней обратился купец из Байе, попавший в плен к сарацинам: оковы с него спали, и он убежал. Скупец, обнаруживший у себя на чердаке полчище крыс, призвал ее на помощь, и крысы исчезли. Образок, приложенный к ее лику, побудил одного версальского безбожника к раскаянию на смертном одре. Она вернула дар речи сыеру Аделину, который был лишен его за богохульство; при ее поддержке супруги де Беквиль нашли в себе силы жить целомудренно, находясь в браке.

Среди тех, кого она избавила от неизлечимых болезней, называют мадемуазель де Пальфрен, Анну Лирье, Марию Дюшемен, Франсуа Дюфе и госпожу Жюмийяк, урожденную д'Освиль.

Ее посещали выдающиеся лица: Людовик XI, Людовик XIII, две дочери Гастона Орлеанского, кардинал Виземан, Самирри, патриарх Антиохийский, монсеньор Вероль, апостолический викарий в Маньчжурии. А архиепископ де Келен приезжал, дабы воздать ей благодарение за обращение князя Талейрана на путь истины.

– Она и тебя может обратить, – сказал Пекюше.

Бувар, уже лежавший в постели, что-то пробурчал и сразу же заснул.

На другое утро, в шесть часов, они вошли в часовню.

Ее перестраивали; неф был загроможден досками и полотнами; само здание, выдержанное в стиле рококо, не понравилось Бувару, особенно престол из красного мрамора с коринфскими пилястрами.

Чудотворная статуя, стоявшая в нише слева от клироса, была одета в мантию с блестками. Появился церковный сторож; он подал каждому из них по свече, затем поставил их в подсвечник над балюстрадой, попросил три франка, поклонился и исчез.

Они осмотрели приношения.

Таблички с подписями говорили о благодарности верующих. Обращали на себя внимание две скрещенные шпаги, пожертвованные бывшим студентом Политехнического института, букеты новобрачных, военные медали, серебряные сердца, а в углу, на полу, – целый лес костылей.

Из ризницы вышел священник с дароносицей.

Постояв недолго у подножия престола, он подошел к нему, поднявшись на три ступеньки, и произнес *Oremus, Introit u Kyrie*; прислуживавший мальчик, стоя на коленях, прочитал их, не переводя дыхания.

Молящихся было мало, всего двенадцать – пятнадцать старух. Слышалось шуршание их четок да стук молота, обтесывавшего камни. Пекюше, склонившись над аналоем, повторял: «Аминь». Во время возношения даров он молил Божью Матерь ниспослать ему твердую, несокрушимую веру.

Сидевший рядом Бувар взял у него молитвенник и стал читать молитвы Пресвятой Деве.

«Чистейшая, пренепорочная, достохвальная, всемилостивейшая, всеильная, всеблагая, башня слоновой кости, золотая обитель, врата утренней зари».

Эти славословия, эти безмерные восхваления повлекли его к той, кого славят столь благоговейно.

Он представлял ее себе такой, какую ее изображает церковная живопись, – на гряде облаков, с херувимами, порхающими у ее ног, с божественным младенцем у груди; это источник нежности, к которому обращаются все страждущие на земле, это несравненная женщина, вознесенная на небеса; вышедший из ее лона человек славит ее любвеобилие и помышляет лишь о том, чтобы отдохнуть на ее груди.

Когда месса кончилась, они прошлись вдоль лавочек, уютившихся у стен храма со стороны площади. Здесь были выставлены образки, кропильницы, позолоченные чаши с чеканкой, черные фигурки Христа из кокосового дерева, четки из слоновой кости; солнце, сверкавшее в стеклах рам, било в глаза, подчеркивало грубость живописи и убожество рисунков. У себя дома Бувар считал такие вещи отвратительными, а здесь относился к ним снисходительнее. Он приобрел синюю фарфоровую статуэтку Богоматери. Пекюше купил на память четки и этим ограничился.

Торговцы кричали:

– Сюда! Сюда! За пять франков, за три франка, за шесть-

десять сантимов, за два су, не отказывайтесь от Богородицы!

Наши паломники бродили, ничем не прельщаясь. Послышались обидные замечания:

– Что же этим чудакам надобно?

– А может быть, они турки!

– Вернее уж протестанты!

Одна дородная девица дернула Пекюше за сюртук, старик в очках положил ему на плечо руку; все загалдели, потом, бросив свои лавчонки, окружили их и стали приставать еще назойливее и выкрикивать дерзости.

Бувар не выдержал:

– Отвяжитесь от нас, черт бы вас побрал!

Толпа рассеялась.

Только какая-то толстуха некоторое время шла вслед за ними по площади и кричала, что они еще раскаются.

Вернувшись на постоялый двор, они застали там, в кофейной, Гутмана. Он приехал сюда по торговым делам и теперь разговаривал с каким-то субъектом, рассматривавшим разложенные на столе счета.

На его собеседнике была кожаная фуражка, широченные серые брюки; лицо у него было красное, стан гибкий, невзирая на седину, он походил одновременно и на отставного офицера, и на старого актера.

Время от времени у него вырывалось ругательство – тогда Гутман что-то говорил ему вполголоса, тот успокаивался и брался за следующую бумажку.

Бувар, наблюдавший за ним с четверть часа, наконец подошел к нему.

– Барберу, если не ошибаюсь?

– Бувар! – воскликнул человек в фуражке.

Они обнялись.

За последние двадцать лет Барберу переменял немало профессий.

Был издателем газеты, страховым агентом, заведовал устричным садком.

– Я все вам расскажу.

Наконец, он вернулся к первой своей профессии и теперь разъезжает по стране в качестве коммивояжера фирмы, основанной в Бордо, а Гутман, «обслуживающий епархию», помогает ему сбывать вина духовенству.

– Погодите. Я сейчас.

Он снова взялся за счета и тут же подскочил на месте:

– Как? Две тысячи?

– Конечно.

– Нет, дудки!

– Что вы говорите?

– Я говорю, что лично виделся с Эрамбером, – возразил взбешенный Барберу. – В накладной значится четыре тысячи – без дураков!

Антиквар не растерялся.

– Ну что же, документ говорит в вашу пользу. Дальше!

Барберу встал; лицо у него сначала побелело, потом по-

багровело, и Бувар с Пекюше подумали, что сейчас он задушит Гутмана.

Он опять сел, скрестил на груди руки.

– Ну и прохвост же вы, должен признаться!

– Без оскорблений, господин Барберу, тут есть свидетели.

Полегче!

– Я подам на вас в суд.

– Та, та, та!

Гутман сгреб счета, сунул их в карман, приподнял шляпу:

– Честь имею!

И вышел.

Барберу объяснил, в чем дело: под вексель в тысячу франков, сумма которого благодаря ростовщическим уловкам Гутмана удвоилась, он отпустил ему вина на три тысячи франков, так что не только покрыл долг, но дал ему еще тысячу франков барыша. А теперь оказывается, что, наоборот, он должен Гутману три тысячи. Хозяева прогонят его, предъявят ему иск.

– Мерзавец! Разбойник! Жид проклятый! А еще обедает у священников! Впрочем, все, что соприкасается с этой братией...

Он обрушился на духовенство и так стучал кулаком по столу, что статуэтка Бувара чуть не упала.

– Осторожнее! – вскрикнул Бувар.

– А что это такое?

Барберу развернул фигурку.

– На память о паломничестве? Ваша?

Бувар вместо ответа двусмысленно улыбнулся.

– Моя, – сказал Пекюше.

– Вы меня огорчаете, – ответил Барберу, – но я вас про-
свещу на этот счет, будьте покойны!

Но так как в жизни надо быть философом, а от грусти тол-
ку нет, то он предложил друзьям позавтракать.

Они сели за столик.

Барберу был очень любезен, вспоминал доброе старое
время, обнял служанку за талию, вздумал смерить живот Бу-
вара. Он вскоре навестит их, привезет им забавную книжку.

Мысль об этом посещении не очень радовала их. Они це-
лый час обсуждали этот вопрос в экипаже, под стук копыт.
Потом Пекюше сомкнул глаза. Бувар тоже умолк. В глубине
души он склонялся к религии.

Мареско приходил к ним накануне с каким-то важным со-
общением. Больше Марсель ничего не знал.

Нотариус мог принять их только три дня спустя и сразу же
изложил им суть дела. Г-жа Борден предлагает г-ну Бувару
купить их ферму за ренту в семь с половиной тысяч франков.

Она зарилась на нее с юных лет, знала ее вдоль и поперек,
все достоинства ее и недостатки; мечта о ферме подтачива-
ла ее, как злокачественная опухоль. Эта славная женщина,
как истинная нормандка, превыше всего ценила земельную

собственность – не столько потому, что это самое надежное вложение капитала, сколько ради приятного сознания, что ходишь по своей собственной земле. В надежде добиться в конце концов именно этой фермы, она постоянно наводила о ней справки, вела повседневное наблюдение за нею, долго копила деньги и сейчас с нетерпением ждала ответа Буvara.

Он колебался, так как не хотел, чтобы Пекюше когда-нибудь остался без средств; с другой стороны, надо было воспользоваться случаем, который явился следствием их паломничества. Промысел второй раз выказывает им свое благоволение.

Они предложили следующие условия: рента не в семь с половиной, а только в шесть тысяч, но она должна перейти к пережившему. Мареско обратил внимание покупательницы, что один из них слаб здоровьем, а другой по комплекции своей предрасположен к апоплексии, и г-жа Борден, не совладав с соблазном, подписала договор.

Бувар опечалился: теперь кто-то будет желать его смерти. Это соображение повлекло за собою серьезные мысли, размышления о Боге и вечности.

Три дня спустя аббат Жефруа пригласил их на парадный обед, который он раз в год устраивал для своих собратьев.

Обед начался около двух часов, а кончился в одиннадцать вечера.

Пили грушовку, каламбурили. Аббат Прюно тут же сочинил акrostих, Бугон показывал карточные фокусы, а моло-

дой викарий Серпе спел чуть-чуть игривый романс. Бувар рассеялся. На другой день он был уже не так мрачен.

Священник часто навещал его. Он представлял ему религию в самых привлекательных красках. К тому же ведь ничем не рискуешь. Вскоре Бувар согласился причаститься. Пекюше приобщится вместе с ним.

Настал торжественный день.

Церковь была полна; в этот день много юношей и девушек причащалось впервые. Обыватели со своими женами заняли все скамьи, а простой народ, стоя, разместился сзади или на хорах, у входа.

«То, что сейчас совершится, необъяснимо, – думал Бувар, – но для познания некоторых вещей одного разума недостаточно. Многие из числа самых великих людей верили в это. Надо следовать их примеру». Находясь в каком-то оцепенении, он созерцал престол, кадило, светильники; голова у него слегка кружилась, потому что он еще ничего не ел; какая-то странная слабость одолевала его.

Пекюше, размышляя о страстях Христовых, старался отдалиться порывам любви. Ему хотелось сложить к стопам Христа свою душу, душу других людей и все восторги, увлечения, прозрения святых, все существа, всю вселенную. Хотя он и усердно молился, месса казалась ему слегка растянутой.

Наконец мальчики преклонили колени на первой ступени алтаря, и костюмы их образовали черную ленту, над которой неровной линией возвышались белокурые и темные головки.

Их сменили девочки; с головок их, из-под венков, ниспадали вуали; издали их можно было принять за ряд белых облачков, сгрудившихся на клиросе.

Затем наступил черед взрослых.

Первым в ряду оказался Пекюше; он был очень взволнован, и, вероятно, поэтому голова у него тряслась. Священник с трудом вложил ему в рот облатку, и он принял ее, закатив глаза.

Бувар, наоборот, так широко раскрыл рот, что язык повис у него на губе, как флаг. Вставая с колен, он толкнул г-жу Борден. Взгляды их встретились. Она улыбалась, а он, сам не зная почему, покраснел.

После г-жи Борден причастились мадемуазель де Фаверж, графиня, ее компаньонка и какой-то господин, которого в Шавиньоле никто не знал.

Последними причастниками были Плакван и учитель Пти, а затем вдруг появился Горжю.

Бородку он сбрил; он сел на свое место, с вызывающим видом скрестив руки на груди.

Кюре обратился с проповедью к мальчикам. Да не совершат они никогда поступка, который совершил Иуда, предавший Господа, и пусть всегда будут они облечены в одежду невинности. Пекюше пожалел о том, что невинность его утрачена. Но тут стулья задвигались, матери спешили расцеловать своих детей.

На паперти прихожане обменивались поздравлениями.

Некоторые плакали. Графиня де Фаверж, поджидавшая свой экипаж, обернулась к Бувару и Пекюше и представила им своего будущего зятя:

– Барон де Мауро, инженер.

Граф посетовал, что давно не виделся с ними. Он предполагает вернуться на будущей неделе.

– Не забудьте, прошу вас!

Экипаж подали, обитательницы замка уехали, и толпа разошлась.

Войдя к себе во двор, они увидели в траве пакет. Когда приходил почтальон, дом был на запоре, поэтому он бросил пакет через забор. То была обещанная Барберу книга: «Исследование христианства», сочинение Луи Эрвье, воспитанника Эколь Нормаль. Пекюше ее отшвырнул, Бувар не пожелал с нею ознакомиться.

Ему много раз говорили, что причастие преобразит его: несколько дней он наблюдал, нет ли перемен в его существе. Но он оставался все таким же, и его охватило горестное недоумение.

Как же так? Тело Христово примешивается к нашей плоти и не вызывает в ней никаких перемен! Мысль, управляющая мирами, не озаряет наш разум! Всемогущий обрекает нас на бессилие!

Аббат Жефруа, ободряя его, велел ему обратиться к «Катехизису» аббата Гома.

Благочестие Пекюше, наоборот, разгорелось. Ему хоте-

лось приобщиться за них обоих; расхаживая по коридору, он пел псалмы; на улицах останавливал знакомых, чтобы поспорить и обратить их. Вокорбей расхохотался ему в лицо, Жирбаль пожал плечами, а капитан обозвал его Тартюфом. Теперь все считали, что они заходят слишком далеко.

Отличное обыкновение – рассматривать все явления как символы. Когда гремит гром – представьте себе Страшный суд; при виде безоблачного неба думайте об обители блаженных; гуляя, напоминайте себе, что каждый шаг приближает вас к смерти. Пекюше следовал этой методе. Одеваясь, он думал о телесной оболочке, в которую облеклось второе лицо Троицы, тиканье часов напоминало ему о биении его сердца, укол булавки – о гвоздях распятия. Но сколько бы часов ни простаивал он на коленях, как строго ни постился и как ни напрягал воображение, отрешиться от самого себя ему не удавалось; достичь совершенного созерцания было невозможно.

Он прибегнул к мистическим писателям: святой Терезе, Хуану де ла Крус, Луису Гренадскому, Симполи, а из современных – к монсеньору Шайо. Вместо возвышенных мыслей, которые он надеялся найти в этих сочинениях, он обнаружил нелепости, беспомощный слог, холодные образы и бесчисленные сравнения, почерпнутые на складе надгробных памятников.

Он узнал все же, что существует очищение активное и очищение пассивное, видение внутреннее и видение внеш-

нее, четыре вида молитвы, девять совершенств в области любви, шесть ступеней в смирении и что нанесение душевной раны мало чем отличается от святотатства.

Некоторые пункты смущали его.

Раз плоть проклята, почему же надо благодарить Создателя за то, что нам дарована жизнь? Какого соотношения следует придерживаться между страхом, необходимым для спасения, и надеждой, которая столь же необходима? В чем надо видеть знамение благодати? И т. д.

Ответы аббата Жефруа были просты:

– Не мучайте себя. Стремясь углубить любой вопрос, человек оказывается на опасной дорожке.

«Катехизис постоянства» Гома настолько опротивел Бувару, что он взялся за сочинение Луи Эрвье. Это был краткий курс современной экзегетики, запрещенный правительством. Барберу купил его, так как был республиканцем.

Книга внушила Бувару некоторые сомнения, и прежде всего относительно первородного греха.

– Если Бог создал человека грешным, то он не должен был его наказывать; зло существовало еще до грехопадения, раз тогда уже были вулканы, хищные звери. Словом, этот догмат опрокидывает все мои представления о справедливости.

– Что же вам на это сказать? – отвечал кюре. – Это одна из тех истин, которую все принимают, хотя доказать ее невозможно. Мы сами вымещаем на детях прегрешения отцов. Таким образом, и нравы, и законы подтверждают эту

волю провидения; она проявляется и в природе.

Бувар покачал головой. Ад тоже вызывал у него сомнение.

– Всякая кара должна быть направлена на исправление виновника, а это невозможно, если наказание будет вечным. Между тем сколько душ осуждено на вечные муки! Подумайте только – все жившие до Христа, евреи, мусульмане, язычники, еретики и дети, умершие до крещения, дети, сотворенные Богом, и с какой целью? Чтобы покарать их за грех, которого они не совершали!

– Таково мнение Блаженного Августина, – сказал священник, – а святой Фульгенций считает, что проклятие распространяется даже на зародыши. Церковь, правда, не высказалась на этот счет. Все же надо сделать следующее замечание: проклятие налагается не Богом, но самим грешником, а так как оскорбление бесконечно, поскольку Бог бесконечен, то и кара должна быть вечной. Это все, что вы хотели спросить?

– Объясните мне триединство, – сказал Бувар.

– Охотно. Прибегнем к сравнению: возьмем стороны треугольника, или, вернее, нашу душу, содержащую в себе три начала – бытие, познание и волю. То, что у человека именуется свойством, у Бога является лицом. Вот в этом и заключается тайна.

– Но каждая из сторон треугольника сама по себе еще не треугольник; три свойства души не составляют три души, а у вас Троица – это три бога.

– Богохульство!

– В таком случае есть только одно лицо, один Бог, субстанция, воспринимаемая тройко.

– Будем верить, не пытаюсь понять, – сказал кюре.

– Ну что ж, – сказал Бувар.

Он боялся прослыть безбожником, вызвать неудовольствие в замке.

Теперь они приходили сюда три раза в неделю, зимой, часам к пяти, и согревались за чашкой чая. Граф своим обхождением напоминал «изысканность старого двора»; графиня, толстая и благодушная, обо всем судила весьма здраво. Мадемуазель Иоланда, их дочь, представляла собою «идеал девушки», ангела из модных альбомов, а г-жа де Ноар, их компаньонка, напоминала Пекюше – у нее был такой же заостренный нос.

Когда они впервые входили в гостиную, она за кого-то заступалась.

– Он изменился, уверяю вас. Доказательством тому его подарок.

Этот «кто-то» был Горжю. Он только что преподнес будущим супругам готический аналой. Подарок принесли в гостиную. Он был украшен цветными рельефными гербами обоих семейств. Г-ну де Маюро он, видимо, понравился; г-жа де Ноар сказала, обращаясь к жениху:

– Вы не забудете моего подопечного?

Затем она привела в гостиную двух детей – мальчишку лет двенадцати и его сестренку, которой было, пожалуй, лет

десять. Сквозь дырки их рубища виднелось тело, покрасневшее от стужи. На одном были старые туфли, на другой – только одно сабо. Лбы у них были скрыты копнами волос; они дико озирались вокруг, блестя горящими глазами, как испуганные волчата.

Госпожа де Ноар сказала, что они попались ей утром на большой дороге. Плакван не мог сообщить о них никаких сведений.

Спросили, как их зовут.

– Виктор, Викторина.

– Где их отец?

– В тюрьме.

– А до этого чем он занимался?

– Ничем.

– Откуда они родом?

– Из Сен-Пьера.

– Из какого Сен-Пьера?

Вместо ответа малыши твердили, посапывая:

– Не знаю, не знаю.

Мать их умерла, и они побирались.

Госпожа де Ноар стала рассуждать о том, какие бедствия грозят им в будущем, если оставить их на произвол судьбы; она растрогала графиню, задела чувство чести у графа; склонив на свою сторону мадемуазель, она проявила настойчивость и одержала победу. Заботу о них возьмет на себя жена егеря. Со временем им подыщут работу, а сейчас, поскольку

они не умеют ни читать, ни писать, г-жа де Ноар сама будет заниматься с ними, чтобы подготовить их к урокам катехизиса.

Когда в замок приходил аббат Жефруа, посылали за ребятишками; он спрашивал их, потом давал им наставление, причем, принимая во внимание присутствующих, делал это не без расчета на эффект.

Однажды он рассказал им о патриархах; уходя из замка вместе с аббатом и с Пекюше, Бувар резко напал на них.

Иаков был склонен к плутням, Давид совершал убийства, Соломон предавался разгулу.

Аббат возразил, что надо смотреть шире. Жертвоприношение Авраама есть образ страстей Христовых, Иаков является одним из образов Мессии так же, как и Иосиф, медный змий, Моисей.

– Вы думаете, именно он сочинил Пятикнижие? – спросил Бувар.

– Да, несомненно.

– А ведь там описывается его смерть. То же замечание можно сделать насчет Иисуса Навина, а что касается Книги Судей, то автор ее предупреждает, что во времена, которые он описывает, у евреев еще не было царей. Следовательно, он писал при царях. Удивляют меня также и пророки.

– Теперь вы начнете отрицать пророков!

– Вовсе нет! Но их распаленному воображению Иегова представлялся в различных обликах – огня, купины, старца,

голубя, и сами они были не вполне уверены в откровении, раз требовали все новых знамений.

– Где же это вы почерпнули столь высокоумные мысли?

– У Спинозы.

При этом имени кюре подскочил.

– Вы его читали? – спросил Бувар.

– Избави Боже!

– Однако наука...

– Нельзя быть ученым, не будучи христианином.

К науке он относился саркастически.

– Может ваша наука произвести на свет хоть один колос?

И вообще, что мы знаем? – говорил он.

Зато он знал, что мир создан для нас; знал, что архангелы выше ангелов; знал, что тело человека воскреснет в том виде, каким оно было годам к тридцати.

Его пастырская самоуверенность раздражала Бувара, и он, не доверяя Луи Эрвье, обратился с письмом к Варло. А Пекюше, более осведомленный, попросил у Жефруа объяснений насчет Священного Писания.

Шесть дней, о которых говорится в Книге Бытия, означают шесть великих эпох. Драгоценные сосуды, похищенные евреями у египтян, означают духовные богатства, ремесла, тайну которых они похитили. Исайя не разделся донага, ибо *nudus* по-латыни означает «обнаженный до пояса»; Вергилий советует именно так обнажаться, когда пашешь, а этот поэт не стал бы предписывать непристойность. Нет ничего

необыкновенного в том, что Езекииль пожирал книгу; ведь мы же говорим: «пожирать брошюру, газету».

Но если всюду видеть одни метафоры, то что же станется с фактами? Между тем аббат отстаивал их подлинность.

Такое их истолкование показалось Пекюше нечестным. Он углубился в разыскания и принес статью о противоречиях в Библии.

Исход говорит, что в течение сорока лет жертвоприношения совершались в пустыне, а по Амосу и Иеремии их вообще не совершали. Книги Паралипоменон и Ездры расходятся между собою в исчислении народа. Во Второзаконии Моисей видит Господа лицом к лицу, по Исходу же видеть его ему не удалось. Где же в таком случае боговдохновенность?

– Это только лишний повод, чтобы признать ее, – возразил Жефруа, улыбнувшись. – Обманщикам приходится сговариваться друг с другом, правдивым этого не требуется. Если душа наша смущена, прибегнем к помощи церкви. Она всегда непогрешима.

Кому присуща непогрешимость?

Базельский и Констанцкий соборы приписывают ее соборам. Но соборы часто противоречат один другому – примером может служить их отношение к Афанасию и Арию; соборы Флорентийский и Латеранский считают непогрешимым папу. Между тем Адриан VI объявил, что папа может ошибаться, как и всякий другой.

Это – крючоктворство, и оно никак не может поколебать

незыблемость догматов.

В книге Луи Эрвье приведены случаи их видоизменения: некогда крещение предназначалось только для взрослых, собо́рование стало таинством лишь в одиннадцатом веке; преосуществление было декретировано в тринадцатом веке, чистилище признано в пятнадцатом, а непорочное зачатие совсем недавно.

В конце концов Пекюше так запутался, что не знал, что и думать о Христе. Три Евангелия изображают его человеком. У апостола Иоанна в одном месте он как бы равен Богу, в другом месте того же Евангелия он признает себя ниже его.

Аббат возражал, ссылаясь на послание царя Абгара, на действия Пилата и на свидетельство сивилл, «которое в существе своем истинно». Пекюше напоминал, что образ Де-вы можно найти у галлов, предвестие искупителя – в Китае, Троицу – всюду, крест – на шапке далай-ламы, в Египте – в руках богов; он даже показал аббату гравюру с изображением ниломера, представлявшего собою, по мнению Пекюше, фаллос.

Жефруа тайком обращался за советами к своему другу Прюно, и тот отыскивал ему в литературе требуемые доказательства. Разгорелась ученая война, и Пекюше, подстегиваемый самолюбием, заделался трансценденталистом, мифологом.

Он сравнивал Богоматерь с Изидой, евхаристию с хаома персов, Вакха с Моисеем, Ноев ковчег с кораблем Кситура;

по его мнению, такие черты сходства доказывают тождество всех религий.

Но не может быть нескольких религий, поскольку есть только один Бог. Исчерпав все доводы, человек в сутане восклицал:

– Это тайна!

Что означает это слово? Недостаточность знаний? Отлично! Но если оно означает нечто, в самом определении которого заключено противоречие, то это уже бессмыслица. И теперь Пекюше не оставлял в покое аббата; он достигал его в саду, поджидал возле исповедальни, следовал за ним в ризницу.

Священник придумывал всевозможные уловки, чтобы спастись от него.

Однажды, когда он отправился в Сасето, чтобы причастить кого-то, Пекюше вышел на дорогу, рассчитывая, что аббату не удастся уклониться от разговора.

Это произошло вечером, в конце августа. Алое небо потемнело, набежала огромная туча, ровная внизу, с нагромождением завитков в верхних слоях.

Сначала Пекюше поговорил о вещах безразличных, потом, ввернув как бы ненароком слово «мученик», спросил:

– Сколько их было, по-вашему?

– Миллионов двадцать по крайней мере.

– Ориген говорит, что меньше.

– Ну, знаете ли, Оригену доверяться нельзя.

Пронесся резкий порыв ветра, склонивший траву в оврагах и оба ряда вязов, тянувшиеся до самого горизонта.

Пекюше продолжал:

– К мученикам причислено много галльских епископов, убитых в стычках с варварами, а это уже к делу не относится.

– Уж не собираетесь ли вы защищать императоров?

Пекюше считал, что их оклеветали.

– История фиванского легиона – выдумка. Я не признаю также Симфоросу и ее семь сыновей, Фелицитату и ее семь дочерей, семь анкирских девственниц, приговоренных к изнасилованию несмотря на свой семидесятилетний возраст, и одиннадцать тысяч дев святой Урсулы, из коих одну называют именем, принятым за число Undecemilla,⁷ не признаю и десять мучеников из Александрии.

– Позвольте... Позвольте... Ведь их упоминают писатели, вполне достойные доверия.

Упало несколько капель дождя. Кюре раскрыл зонтик, и они оказались под его защитой. Пекюше осмелился заметить, что католики создали куда больше мучеников среди евреев, мусульман, протестантов и вольнодумцев, чем в древности римляне.

Священник воскликнул:

– Но ведь только за время от Нерона до Цезаря Гальбы насчитывают десять гонений!

– Ну, а избиение альбигойцев? А Варфоломеевская ночь?

⁷ Одиннадцать тысяч (лат.).

А отмена Нантского эдикта?

– Все это, конечно, прискорбные крайности, однако не станете же вы равнять этих пострадавших со святым Стефаном, святым Лаврентием, Киприаном, Поликарпом и множеством миссионеров?

– Простите! Я напомню вам Ипатию, Иеронима Пражского, Яна Гуса, Бруно, Ванيني, Ана Дюбура!

Дождь усиливался, и его струи низвергались с такою силою, что отскакивали от земли в виде маленьких белых ракет. Пекюше и Жефруа медленно шли, прижавшись друг к другу, и кюре говорил:

– После чудовищных пыток их бросали в котлы!

– Такие пытки применяла инквизиция и тоже сжигала свои жертвы.

– Знатных женщин помещали в лупанарии.

– А вы думаете, что драгуны Людовика XV вели себя безупречно?

– Примите во внимание, что христиане никогда не злоумышляли против государства!

– Да и гугеноты не злоумышляли!

Ветер гнал, рассеивал дождевые струи. Они барабанили по листьям, текли по краям дороги, а небо, принявшее грязноватый оттенок, сливалось с оголенными, сжатыми полями. Укрыться было негде. Только вдали виднелась пастушья хижина.

Тоненькое пальто Пекюше промокло до нитки. Струйки

воды текли у него по спине, забирались в сапоги, в уши, в глаза, несмотря на козырек Аморосова картуза; кюре одной рукой поддерживал полу своей сутаны, открывая ноги, а с треуголки текли ему на плечи потоки воды, словно из воронки соборного желоба.

Им пришлось остановиться; повернувшись спиной к ветру, они стояли друг против друга, живот к животу, держа четырьмя руками вырвавшийся у них зонтик.

Жефруа по-прежнему защищал католиков.

– Разве они распинали ваших протестантов, как был распят святой Симеон, разве они бросали человека на съедение зверям, как то случилось со святым Игнатием, который был растерзан двумя тиграми?

– А разве пустяк, по-вашему, множество женщин, разлученных с мужьями, младенцев, отнятых у матерей? А изгнание бедняков, которым приходилось бродить по снежным равнинам, окруженным пропастями! Ими забивали тюрьмы, а когда они умирали, над ними еще и глумились.

Аббат усмехнулся:

– Позвольте этому не поверить! Зато наши мученики не вызывают сомнений. Святую Бландину раздели донага, обмотали сетью и бросили разъяренному быку. Святая Юлия погибла под ударами. Святому Тараку, святому Пробу и святому Андронику молотом раздробили зубы, разорвали бока железными гребнями, вонзили в руки раскаленные гвозди, содрали с головы кожу.

– Преувеличиваете, – сказал Пекюше. – В те времена смерть мучеников служила поводом для риторики!

– То есть как для риторики?

– Конечно. А я ссылаюсь на историю. В Ирландии католики вспарывали животы беременным женщинам, чтобы завладеть младенцами!

– Вздор!

– И бросить их на съедение свиньям.

– Перестаньте!

– В Бельгии их закапывали живьем!

– Басни!

– Известны их имена!

– И все же, – возразил священник, в негодовании тряся зонтом, – их нельзя считать мучениками. Нет мучеников вне церкви.

– Позвольте. Если заслуга мученика зависит от вероучения, которое он отстаивает, то почему мученичество доказывает превосходство этого вероучения?

Дождь стихал; до самой деревни они не проронили больше ни слова.

Но на пороге церковного дома аббат сказал:

– Мне вас жаль! Искренне жаль!

Пекюше рассказал Бувару о стычке, а часом позже, сидя возле пылающего камина, они читали *Кюре Мелье*. Его тяжеловесные опровержения возмутили Пекюше; потом, подумав, что он, пожалуй, недооценил героев, он перелистал

страницы *житий*, посвященные наиболее прославленным мученикам.

Как редела чернь, когда они выходили на арену! Если же львы и ягуары оказывались чересчур смиренными, мученики жестами и криками поощряли их. Обливаясь кровью, страстотерпцы улыбались, обратив взор к небесам; святая Перепетуя стала заплетать косы, чтобы не выдавать своих страданий. Пекюше задумался. Окно было распахнуто, ночь тиха, на небе сияло множество звезд. В душе христианских мучеников, вероятно, происходило нечто такое, о чем мы уже не имеем представления, – ликование, божественный восторг. Пекюше, сосредоточенно размышлявший над этим, в конце концов сказал, что понимает их, что и он поступил бы так же.

– Ты?

– Разумеется.

– Шутки в сторону! Веришь ты или нет?

– Не знаю.

Он зажег свечу. Потом сказал, обратив взор на распятие, висевшее в алькове:

– Сколько несчастных искало у него помощи!

И, помолчав, добавил:

– Его извратили. Виноват в этом Рим, политика Ватикана.

А Буvara церковь восхищала своим великолепием, ему хотелось бы в средние века быть кардиналом.

– Согласись, пурпур был бы мне к лицу.

Картуз Пекюше, положенный поближе к огню, еще не про-

сох. Расправляя его, Пекюше нашупал в подкладке какой-то предмет – из картуза выпал образок святого Иосифа. Они растерялись; случай казался им совершенно необъяснимым.

Госпожа де Ноар стала расспрашивать Пекюше, не чувствует ли он своего рода облегчения, радости, и своими вопросами выдала себя. Однажды, пока он играл на бильярде, она зашила ему в картуз образок.

Несомненно, она была в него влюблена; они могли бы пожениться; она была вдова, но он не догадывался о ее любви, которая, быть может, составила бы счастье его жизни.

Хотя он был более предрасположен к вере, чем Бувар, она все же препоручила его святому Иосифу, великому пособнику в делах обращения неверующих.

Никто лучше ее не знал всевозможных молитв и милостей, которыми они вознаграждаются, действия реликвий, силы святых источников. Цепочка ее часов была когда-то положена на оковы апостола Петра.

Среди ее брелоков блистала золотая жемчужина – копия с той, в которой хранится слеза Христова в алуанской церкви; на мизинце она носила кольцо, в котором были волосы арского священника; она собирала для больных целебные травы, поэтому комната ее напоминала не то ризницу, не то аптеку.

Целыми днями она писала письма, навещала бедных, распродавала незаконные сожителства, распространяла фотографии храма Сердца Христова. Некто посулил прислать ей «те-

сто мучеников» – смесь из воска пасхальных свечей и человеческого праха, вырытого в катакомбах; снадобье это применяется в безнадежных случаях в виде пилюль или мушек. Она обещала дать его Пекюше.

Его покорило от такого материализма.

Как-то вечером лакей из замка принес ему целую корзину брошюр, содержащих благочестивые речи великого Наполеона, меткие словечки кюре, сказанные им на постоянных дворах, рассказы о страшной смерти, постигшей многих нечестивцев. Г-жа де Ноар знала все это наизусть, не считая множества чудес.

Она рассказывала о чудесах нелепейших, бессмысленных, точно Бог совершал их только для того, чтобы ошеломить людей. Ее собственная бабушка положила однажды в шкаф сливы, покрыв их салфеткой; через год, когда она отворила шкаф, слив оказалось тринадцать, и они сами собой разместились на салфетке в виде креста.

– Попробуйте-ка это объяснить!

Так заканчивала она свои рассказы, достоверность которых отстаивала с ослиным упрямством; а впрочем, это была славная женщина, весьма благодушного нрава.

Однажды она все же «вышла из себя». Бувар стал оспаривать чудо в Педзиле: ваза, в которой во время революции спрятали облатки для причастия, чудесным образом позолотилась.

– Может быть, на дне вазы образовался желтый налет от

сырости?

– Да нет же, говорят вам, нет! Позолота образовалась от прикосновения облаков.

В доказательство она привела свидетельство епископов.

– Они говорят, что это как бы щит... как бы покров над перпиньянской епархией. Да вы спросите у аббата Жефруа!

Бувар не выдержал и, полистав еще раз своего Луи Эрвье, вместе с Пекюше отправился к священнику.

Они застали его за обедом. Рен подала им стулья, потом, по знаку хозяина, достала две рюмки и налила в них «розолио».

Бувар объяснил, зачем они пришли.

Аббат ответил уклончиво:

– Бог всемогущ, а чудеса доказывают истинность религии.

– Однако существуют определенные законы.

– Это ничего не значит. Бог нарушает их, чтобы поучать, исправлять.

– Откуда вы знаете, что он их нарушает? – возразил Бувар. – Пока природа следует привычной дорожкой, никто об этом не думает, но стоит случиться чему-нибудь необыкновенному – и мы видим в этом руку Божию.

– Возможно, что так оно и есть, – сказал аббат, – но что же можно возразить, когда чудо подтверждается свидетелями?

– Свидетели поверят чему угодно, бывают ведь и лжечудеса!

Священник покраснел.

– Конечно... случается.

– Как отличить их от истинных? А если истинные чудеса, приводимые в доказательство, сами нуждаются в доказательствах, то зачем на них ссылаться?

В разговор вмешалась Рен и наставительно, подражая хозяину, сказала, что нужно послушание.

– Жизнь мимолетна, зато в смерти жизнь вечная.

– Короче говоря, – добавил Бувар, глотая «розолио», – чудеса былых времен доказаны ничуть не лучше, чем нынешние; одни и те же доводы приводятся в защиту как христианских, так и языческих верований.

Кюре бросил вилку на стол.

– То были выдумки, повторяю еще раз. Нет чудес вне церкви!

«Вот как! – подумал Пекюше. – Тот же аргумент, что и в отношении мучеников: учение опирается на факты, а факты – на учение».

Жефруа осушил стакан воды и продолжал:

– Вы отрицаете чудеса и в то же время в них верите. Двенадцать рыбаков обратили целый мир – вот, по-моему, прекраснейшее чудо!

– Вовсе нет!

Пекюше понимал это иначе.

– Монотеизм идет от евреев, Троица – от индусов, Логос – создание Платона, Мать-Дева – создание Азии.

Все равно! Жефруа цеплялся за сверхъестественное, не

допуская, что христианство имеет с человеческой точки зрения какое-либо основание, хотя и не отрицал наличия у всех народов предпосылок для христианства или для его искажений. Насмешливое безбожие XVIII века он еще допускал, но современная критика с ее холодной логикой приводила его в ярость.

– Я предпочитаю кощунствующего безбожника рассуждающему скептику!

Он взглянул на них вызывающе, как бы прогоняя их.

Пекюше вернулся домой грустный. Он надеялся согласовать веру с разумом.

Бувар дал ему прочесть отрывок из Луи Эрвье:

«Чтобы постичь бездну, разделяющую их, сопоставьте их аксиомы.

Разум говорит нам, часть содержится в целом, а вера отвечает: в силу пресуществления Христос, приобщаясь вместе с апостолами, держал тело свое в руках, а голову во рту.

Разум говорит: человек не ответствен за преступление, содеянное другими, а вера отвечает на это первородным грехом.

Разум говорит: три состоят из трех, а вера утверждает, что три есть одно».

Они перестали ходить к аббату.

В то время шла война в Италии.

Благонамеренные люди трепетали за папу. Проклинали Эммануила. Г-жа де Ноар доходила до того, что желала ему

смерти.

Бувар и Пекюше выражали свое возмущение робко. Когда перед ними отворялась дверь гостиной и они мимоходом видели свое отражение в высоких зеркалах, в то время как за окнами тянулись аллеи и на зелени выделялся красный жилет лакея, – им становилось приятно; роскошь этого дома ослепляла их, и они относились снисходительно к тому, что здесь говорилось.

Граф предоставил им все сочинения де Местра. Он излагал его учение в кругу друзей: тут бывали Гюрель, кюре, мировой судья, нотариус и барон, будущий зять графа, приезжавший время от времени в замок на сутки.

– Самое отвратительное – это дух восемьдесят девятого года, – говорил граф. – Начинается с того, что оспаривают Бога, затем принимаются критиковать правительство, потом провозглашается свобода. Свобода оскорблений, бунта, разгула или, вернее, грабежа, так что церкви и властям приходится преследовать вольнодумцев, инакомыслящих. Станут, конечно, вопить о гонениях, словно палачи подвергают преступников гонениям. Резюмирую: нет государства без Бога. Закон может вызывать уважение, только если он исходит свыше, и сейчас вопрос идет не об итальянцах, а о том, кто одержит верх – революция или папа, сатана или Христос.

Жефруа выражал одобрение односложно, Гюрель – улыбкой, мировой судья – кивками, Бувар и Пекюше обращали взор в потолок; г-жа де Ноар, графиня и Иоланда рукодель-

ничали в пользу бедных, а де Маюро, сидя около невесты, просматривал газеты.

Порою все умолкали, как бы углубившись в решение какого-то вопроса. Наполеон III перестал быть спасителем, больше того – он подавал прискорбный пример, разрешая каменщикам работать в Тюильри по воскресеньям.

«Не следовало бы допускать этого», – так обыкновенно говорил граф.

О политической экономии, искусстве, литературе, истории, научных теориях – обо всем он судил безапелляционно, как христианин и отец семейства; дай-то Бог, чтобы правительство было столь же непреклонно, как граф в своем доме! Только правительство может судить об опасностях, заключающихся в науке; при слишком широком распространении она порождает в народе пагубные устремления. Народ, бедняга, был куда счастливее, когда знать и духовенство умеряли неограниченную власть короля. Теперь народ эксплуатируют промышленники. Скоро его поработят.

Все сокрушались о гибели старого режима: Гюрель – из подхалимства, Кулон – по невежеству, Мареско – как натура художественная.

Вернувшись домой, Бувар стал ради закалки читать Ламетри, Гольбаха и т. п. Пекюше тоже отдалился от религии, поскольку она стала всего-навсего орудием власти. Де Маюро причащался только в угоду дамам и ходил в церковь ради слуг.

Математик, дилетант, умевший сыграть на рояле вальс, поклонник Тепфера, он отличался скептицизмом хорошего вкуса. Рассказы о злоупотреблениях в эпоху феодализма, об инквизиции и иезуитах – все это предрассудки; зато он восхвалял прогресс, хотя и презирал всех, кто не принадлежал к аристократии или не кончил Политехнический институт.

Аббат Жефруа им тоже не нравился. Он верил в колдовство, подшучивал над идолами, утверждал, будто все языки исходят из еврейского; его красноречию недоставало непосредственности; он неизменно упоминал о затравленной лани, о меде и полыни, золоте и свинце, о благоухании, о драгоценных сосудах, а душу христианина постоянно сравнивал с часовым, который должен бросать в лицо греху: «Не прой-дешь!».

Чтобы не слышать его поучений, они приходили в замок как можно позже.

Однажды они все-таки застали его там.

Он уже целый час дождался своих учеников. Вдруг появилась г-жа де Ноар.

– Девочка куда-то пропала. Я привела Виктора. Ах, несчастный!

Она обнаружила у него в кармане серебряный наперсток, пропавший три дня тому назад, и, задыхаясь от слез, стала рассказывать:

– Это еще не все! Не все! Пока я его бранила, он показал

мне задницу!

Граф с графиней еще не успели вымолвить слова, как она добавила:

– Впрочем, это моя вина! Простите меня!

Она скрыла, что сироты – дети Туаша, который теперь на каторге.

Как быть?

Если граф выгонит их – они погибнут, и его благодеяние будет истолковано как барская прихоть.

Аббат Жефруа не удивился. Человек грешен от рождения, поэтому, чтобы исправить его, надо его наказывать.

Бувар возражал. Ласка предпочтительнее.

Но граф вновь распространился насчет железной руки, столь же необходимой для детей, как и для народов. У обоих сирот множество пороков: девочка – лгунья, мальчишка – грубиян. Кражу эту, в конце концов, можно бы простить, зато дерзость – ни в коем случае, ибо воспитание должно быть прежде всего школою почтительности.

А потому егерь Сорель должен немедленно выпороть подростка.

Де Маюро надо было переговорить о чем-то с Сорелем, и он взялся передать ему и это поручение. Он достал в передней ружье и позвал Виктора, стоявшего, понутив голову, посреди двора.

– Пойдем, – сказал барон.

Идти к егерю надо было мимо Шавиньоля, поэтому Жеф-

руа, Бувар и Пекюше отправились вместе с ними.

В сотне шагов от замка барон попросил спутников не разговаривать, пока они пойдут вдоль леса.

Местность спускалась к реке, где высились глыбы скал. Под лучами заходящего солнца на воде блестели золотые пятна. Подальше зеленые холмы уже покрывались тенью. Дул резкий ветер.

Вылезшие из нор кролики пощипывали травку.

Раздался выстрел, потом еще и еще; кролики подпрыгивали, разбегались. Виктор кидался на них, стараясь поймать; он был весь потный, запыхался.

– На кого ты похож! – воскликнул барон.

Куртка у мальчишки была изорвана, выпачкана кровью. Бувар не мог видеть крови. Кровопролития он не допускал.

Жефруа возразил:

– Иной раз этого требуют обстоятельства. Если виновный не жертвует своею кровью, нужна кровь другого, – этой истине учит нас искупление.

По мнению Бувара, искупление ни к чему не привело, поскольку почти все люди осуждены на муки, несмотря на жертву, принесенную Христом.

– Но жертву Христос продолжает приносить ежедневно в виде евхаристии.

– Чудо совершается словами священника, как бы ни был он недостойн, – возразил Пекюше.

– В этом и заключается тайна.

Тем временем Виктор не сводил глаз с ружья и даже пытался потрогать его.

– Руки прочь!

Де Маюро свернул на тропинку, уходившую в лес.

Бувар и Пекюше шли вслед за ним рядом со священником, который сказал Бувару:

– Осторожнее, не забывайте *Debetur pueris*.⁸

Бувар стал уверять, что преклоняется перед Создателем, но возмущен тем, что его превратили в человека. Боятся его мести, стараются прославить его, он наделен всеми добродетелями, дланью, оком, ему приписывают определенный образ действий, пребывание в определенном месте. Отче наш, сущий на небесах! Что все это значит?

Пекюше добавил:

– Вселенная расширилась, теперь земля уже не считается ее центром. Земля вертится среди сонма подобных ей небесных тел. Многие превосходят ее размерами, и это умаление нашей планеты дает нам о Боге более возвышенное представление.

Следовательно, религия должна преобразоваться.

Рай с его блаженными праведниками, вечно созерцающими, вечно поющими и взирающими с высоты на муки осужденных, представляется чем-то ребяческим. Подумать только, что в основе христианства лежит яблоко!

Кюре рассердился.

⁸ Берегите юношей (лат.).

- Уж отвергайте само Откровение, – это будет проще.
- Как же, по-вашему, Бог мог говорить? – спросил Бувар.
- А вы докажите, что он не говорил, – возражал Жефруа.
- Я спрашиваю: кем это доказано?
- Церковью.
- Ну и доказательство, нечего сказать!

Спор этот наскучил де Маюро, и он на ходу сказал:

- Слушайте кюре – он знает больше вашего.

Бувар и Пекюше знаками сговорились пойти другой дорогой и, дойдя до Круа-Верт, распрощались со спутниками:

- Будьте здоровы!

- Честь имею кланяться, – сказал барон.

Все это, вероятно, будет доложено де Фавержу, и, возможно, последует разрыв. Что поделаешь! Они чувствовали, что аристократы презирают их. Их никогда не приглашают к обеду, они устали от г-жи де Ноар с ее нескончаемыми нравов-учениями.

Надо было, однако, возвратить сочинения де Местра, и недели через две они отправились в замок, хотя и предполагали, что их не примут.

Их приняли.

В будуаре собралась вся семья, включая Гюреля и, против обыкновения, Фуру.

Наказание не исправило Виктора. Он отказывался учить Катехизис, а Викторина сыпала непристойными выражениями. Короче говоря, решили отдать мальчика в исправитель-

ный прият, а девочку поместить в монастырь.

Фуро взял на себя хлопоты; он уже уходил, когда графиня окликнула его.

Поджидали аббата Жефруа, чтобы сообща установить дату венчания; заключение гражданского брака в мэрии должно было произойти гораздо ранее церковного в знак того, что первому не придают ни малейшего значения.

Фуро попытался защитить гражданский брак. Граф и Гюрель нападали на него. Что значит гражданская формальность в сравнении с таинством! Барон не считал бы себя состоящим в браке, если бы все ограничилось церемонией перед трехцветной лентой мэра.

– Bravo! – воскликнул Жефруа, входя. – Ведь брак установлен самим Христом...

Пекюше прервал его:

– В каком Евангелии? Во времена апостолов браку придавали так мало значения, что Тертуллиан сравнивает его с простым сожительством.

– Оставьте!

– Право же! Брак вовсе не таинство. Таинство должно подтверждаться каким-нибудь знамением. Покажите мне знамение, подтверждающее брак.

Тщетно кюре утверждал, что брак символизирует соединение Бога с церковью.

– Вы не понимаете христианства, а закон...

– На законе сказалось влияние христианства, иначе он до-

пускал бы многобрачие, – сказал граф.

Кто-то вставил:

– А что в этом было бы дурного?

Это сказал Бувар, полускрытый за шторой.

– Можно иметь несколько жен, как, например, у патриархов, у мормонов, у мусульман, и тем не менее быть честным человеком!

– Нет, нет! – вскричал священник. – Честность заключается в том, чтобы исполнять свой долг. Наш долг – поклоняться Богу. Следовательно, нехристианин не может быть честным.

– Все одинаковы, – возразил Бувар.

Граф, приняв эти слова за выпад против религии, стал восхвалять ее. Она дала свободу рабам.

Бувар привел несколько цитат в доказательство противного.

– Апостол Павел советует рабам подчиняться хозяевам как Христу, святой Амвросий называет рабство даром Божиим.

– Книга Левит, Исход и соборы санкционировали его. Боссюэ считает, что рабство – одно из прав человека. Монсеньор Бувье одобряет его.

Граф возразил, что как-никак христианство содействовало цивилизации.

– Оно содействовало и лености, потому что объявило бедность добродетелью.

– А как же быть с евангельской моралью?

– Сомнительная мораль! Работники последнего часа получают столько же, сколько работники первого. Дают тому, кто уже имеет, и отнимают у неимущего. Что же касается предписания принимать пощечины, не отвечая на них, и давать себя обворовывать, то это только поощряет дерзких, подлых, вороватых.

Страсти разгорелись, когда Пекюше заявил, что, по его мнению, уж лучше буддизм.

Священник расхохотался:

– Буддизм! Ого!

Госпожа де Ноар всплеснула руками:

– Буддизм!

– Буддизм? То есть как буддизм? – повторял граф.

– А вы с ним знакомы? – спросил Пекюше аббата Жефруа, но тот замялся.

– Так знайте же, что буддизм глубже и раньше христианства постиг тщету всего земного. Обряды его величественны, последователи его многочисленнее, чем все христиане вместе взятые, а что касается воплощений, то у Вишну их не одно, а целых девять!

– Все это враки путешественников, – возмутилась г-жа де Ноар.

– Поддержанные франкмасонами, – поддакнул кюре.

Тут все заговорили сразу:

– Ну что ж, продолжайте в том же духе!

– Прекрасно!

– А по-моему, так просто нелепо!

– Быть того не может.

Пекюше довели до того, что он от отчаяния заявил, что перейдет в буддизм.

– Вы оскорбляете христианок, – сказал барон.

Госпожа де Ноар без сил опустилась в кресло. Графиня и Иоланда молчали. Граф тарашил глаза. Гюрель дожидался распоряжений. Аббат, чтобы успокоиться, стал читать молитвенник.

Вид его подействовал на де Фавержа умиротворяюще, и он сказал, глядя на двух чудаков:

– Прежде чем хулить Евангелие, особенно когда собственная жизнь небезупречна, надо самим исправиться...

– Исправиться?

– Небезупречна?

– Довольно, господа! Вы должны меня понять!

Граф обратился к Фуру:

– Сорель все знает, ступайте к нему.

Бувар и Пекюше удалились, не простившись.

Дойдя до конца аллеи, все трое дали волю своему негодованию.

– Со мной обращаются как с лакеем, – ворчал Фуру.

Друзья сочувствовали ему, и он, несмотря на воспоминание о геморроидальных шишках, почувствовал к ним нечто вроде расположения.

В поле производились дорожные работы. Человек, руководивший рабочими, подошел к ним: то был Горжю. Разговорились. Он наблюдал за мощением дороги, прокладка которой была одобрена в 1848 году; своей должностью он был обязан де Маюро, инженеру по образованию...

– Тому самому, который женится на мадемуазель де Фаверж! Вы, вероятно, там и были?

– В последний раз, – резко ответил Пекюше.

Горжю прикинулся простачком.

– Поссорились? Да что вы? Неужто?

Если бы они видели выражение его лица, когда пошли дальше, то поняли бы, что он догадывается о причине.

Немного погодя они остановились перед изгородью, за которой виднелись собачьи конуры и домик, крытый красной черепицей.

На пороге стояла Викторина. Поднялся лай. Из домика вышла жена сторожа.

Догадываясь, зачем пришел мэр, она кликнула Виктора.

Все было заранее подготовлено, пожитки детей увязаны в два узла, заколотых булавками.

– Счастливого пути! – сказала она. – Какое счастье избавиться от этой дряни!

А разве они виноваты, что родились от каторжника? Вид у них был самый смирный, и они даже не спрашивали, куда их ведут.

Бувар и Пекюше наблюдали за ними.

Викторина на ходу напевала песенку, слов которой нельзя было разобрать; на руке у нее висел узелок с вещами; она была похожа на модистку, несущую готовый заказ. Порою она оборачивалась, и Пекюше, видя ее белокурые завитки и милую фигурку, сожалел о том, что у него нет такой дочери. Если бы вырастить ее в других условиях, она со временем стала бы очаровательной. Какое счастье следить за тем, как она растет, изо дня в день слышать ее щебетанье, целовать ее, когда вздумается! Чувство умиления, идущее из сердца, увлажнило его взор и стеснило грудь.

Виктор по-солдатски закинул себе узелок на спину. Он посвистывал, бросал камушки в ворон, скакавших по бороздам, отбегал в сторону, чтобы срезать себе тросточку. Фуρο подозвал его, а Бувар взял его за руку – ему приятно было чувствовать в своей руке крупные, крепкие мальчишеские пальцы. Бедному проказнику хотелось только одного – свободно развиваться, как развивается цветок на вольном воздухе. А в четырех стенах, от уроков, наказаний и прочих глупостей, он просто зачахнет. Бувара охватили возмущение, жалость, негодование на судьбу – один из тех припадков ярости, когда хочется ниспровергнуть весь государственный строй.

– Скачи, резвись, – сказал он. – Наслаждайся последним днем свободы.

Мальчишка побежал.

Брату и сестре предстояло переночевать на постоялом

дворе, а на рассвете фалезский дилижанс возьмет Виктора, чтобы доставить его в Бобурский исправительный приют. За Викторинной придет монахиня из сиротского приюта в Гран-Кане.

Сказав об этом, Фуру погрузился в свои мысли. Но Бувар спросил, во что может обходиться содержание двух таких малышей.

– Ну... пожалуй, франков в триста. А граф дал мне на первое время двадцать пять. Вот скряга!

Фуру никак не мог успокоиться, что в замке столь неуважительно относятся к званию мэра; он молча ускорил шаг.

Бувар прошептал:

– Мне их жаль. Я охотно взял бы их на свое попечение.

– Я тоже, – сказал Пекюше.

Обоим пришла в голову одна и та же мысль.

– Вероятно, тут встретятся какие-нибудь препятствия?

– Никаких, – ответил Фуру.

К тому же он в качестве мэра имеет право доверить сирот, кому найдет нужным. После долгого колебания он сказал:

– Что ж, берите их! Назло графу!

Бувар и Пекюше повели детей к себе.

Дома они застали Марселя на коленях перед мадонной; тот горячо молился. Он запрокинул голову, полузакрыв глаза, оттопырил заячью губу – он был похож на факира в экстазе.

– Вот скотина! – сказал Бувар.

– Чем же? Быть может, он видит такие вещи, что ты ему позавидовал бы, если бы сам мог их видеть. Ведь существуют два совершенно обособленных друг от друга мира. Предмет, о котором размышляешь, не так ценен, как сам процесс мышления. Не все ли равно, во что верить? Главное – верить. Таковы были возражения Пекюше на замечание Бувара.

Х

Они раздобыли труды по педагогике и остановили свой выбор на одной из систем. Надлежало отринуть все метафизические идеи и, придерживаясь экспериментальной методы, следовать за естественным развитием. Можно было не торопиться, так как воспитанникам сначала надо было позабыть то, что они знали.

Хотя дети и отличались выдержкой, Пекюше, как спартанцу, хотелось еще более закалить их, приучить к голоду, жажде, ненастью и к дырявой обуви, чтобы предотвратить простуду. Бувар возражал против этого.

Темная каморка в конце коридора стала их спальней. В ней стояли две раскладные кровати, две кушетки, кувшин с водой; над головой у них было слуховое окошко, по оштукатуренным стенам бегали пауки.

Они часто вспоминали свою старую лачугу, где происходили нескончаемые перепалки.

Как-то ночью отец вернулся домой с окровавленными руками. Немного погодя в лачугу явились жандармы. Затем они ночевали где-то в лесу. Мужчины, занимавшиеся изготовлением сабо, обнимали их мать. Когда она умерла, их увезли на тележке. Им приходилось терпеть побои, они совсем пропадали. Потом в их памяти возникал полевой сторож, г-жа де Ноар, Сорель и вдруг – теперешний дом, куда

они попали каким-то чудом и где были счастливы. Зато они огорчились, когда, восемь месяцев спустя, к их удивлению, возобновились уроки. Бувар взял на свое попечение девочку, Пекюше – мальчишку.

Виктор был знаком с буквами, но ему никак не удавалось составить из них слоги. Он путался, вдруг умолкал, и его можно было принять за дурачка. Викторина задавала множество вопросов. Отчего «цыпленок» и «цикорий», «счет» и «щетка» произносятся одинаково, а пишутся по-разному? То надо соединять две гласные, то разъединять. Это нечестно. Она возмущалась.

Учителя занимались с детьми в одно и то же время, каждый у себя, а перегородка между комнатами была тонкая, и четыре голоса – высокий, басистый и два пронзительных – сливались в ужасающий гам. Чтобы положить этому конец и вызвать ребятишек на соревнование, было решено, что их надо учить вместе, в музее; приступили к письму.

Ученики, сидя на противоположных концах стола, списывали примеры; однако посадка у них была плохая. Приходилось их выпрямлять, но тогда бумага у них разлеталась, перья ломались, чернила капали на стол. Иной раз Викторина, смиренно просидев минуты три, начинала марать бумагу какими-то каракулями, потом от отчаяния уставлялась в потолок. Виктор вскоре засыпал, развалившись посреди стола.

Быть может, они захворали? Чрезмерное напряжение вредно для юных мозгов.

– Отдохнем, – говорил Бувар.

Нет ничего глупее, как заставлять детей заучивать что-либо наизусть; однако, если не упражнять память, она совсем атрофируется, поэтому они стали вдалбливать им ранние басни Лафонтена. Ребятишки одобряли муравья-скопидома, волка, сожравшего ягненка, льва, забирающего себе всю добычу.

Осмелев, они принялись опустошать сад. Чем бы их развлечь?

Жан Жак в «Эмиле» советует воспитателю заставлять ученика самостоятельно мастерить игрушки, незаметно помогая ему при этом. Но Бувару никак не удавалось соорудить обруч, Пекюше – сшить мячик. Они перешли на поучительные игры, стали вырезать из бумаги фигуры. Пекюше демонстрировал им свой микроскоп. Когда горела свеча, Бувар показывал на стене очертания зайчика или свиньи, образованные тенью от его пальцев. Зрителям все это скоро надоело.

В книгах расхваливают в качестве развлечения завтрак на лоне природы, прогулку в лодке; но разве это осуществимо? А Фенелон рекомендует время от времени «невинную беседу». Им не удалось придумать ни одной.

Они вновь обратились к урокам; кубики, полоски, разрезная азбука – детям ничто не нравилось; тогда они прибегли к хитрости.

Виктор был склонен к чревоугодию – ему показывали название какого-нибудь кушанья; вскоре он стал бегло чи-

тать поваренную книгу. Викторина отличалась кокетством; ей обещали новое платье, если она сама напишет портнихе. Не прошло и трех недель, как она совершила это чудо. Это значило поощрять их пороки, это метода вредная, однако она принесла плоды.

Теперь они умели читать и писать – чему же учить их еще? Новая забота!

Девушкам, в отличие от юношей, ученость ни к чему. И все же воспитывают их в большинстве случаев как невежд, их умственный кругозор ограничивается всяким мистическим вздором.

Надо ли обучать их иностранным языкам? «Испанский и итальянский, – утверждает Камбрейский Лебедь, – только способствуют чтению всевозможных зловердных сочинений». Такой довод показался им глупым. Но все же Викторине эти языки не нужны, зато английский находит большее применение. Пекюше стал изучать английскую грамматику; он с серьезным видом показывал, как произносить th.

– Смотри, вот так: the, the, the!

Но прежде чем обучать ребенка, следует выяснить, к чему он способен. Это можно узнать при посредстве френологии. Они погрузились в эту науку, потом пожелали проверить ее на себе. У Бувара оказались шишки доброжелательства, воображения, почтительности и любовного пыла, попросту говоря, эротизма.

Височные кости Пекюше говорили о философичности и

энтузиазме в сочетании с долей хитрости.

И действительно, характеры у них были именно таковы. Еще более дивились они тому, что и у того и у другого обнаружилась склонность к дружбе; в восторге от этого открытия они растроганно обнялись.

Затем они приступили к исследованию Марселя. Величайшим его пороком, небезызвестным им, была прожорливость. И все же они ужаснулись, когда обнаружили у него над ушную раковину, на уровне глаза, шишку обжорства. С годами их слуга, чего доброго, уподобится той женщине из Сальпетриер, которая ежедневно съедает восемь фунтов хлеба и поглощает то четырнадцать тарелок похлебки, то шестьдесят чашек кофе. У них на это не хватит средств.

Головы обоих воспитанников не представляли ничего любопытного; друзьям, вероятно, еще недоставало исследовательского опыта. Пополнить свои знания им удалось весьма простым способом.

В базарные дни они отправлялись на площадь, протискивались в гущу крестьян, среди мешков с овсом, корзин с сыром, телят, лошадей, – толкотня ничуть не смущала их; встретив какого-нибудь мальчика, сопровождавшего отца, они просили позволения ощупать его череп с научной целью.

Большинство даже не удостоивало их ответом; другие, решив, что речь идет о какой-нибудь мази от лишаев, обижались и отказывали им; лишь немногие, ко всему равнодушные, соглашались пойти с ними на церковную паперть, где

никто не помешает исследованию.

Как-то утром, когда Бувар и Пекюше только что принялись за дело, неожиданно появился священник и, увидев, чем они занимаются, обрушился на френологию, утверждая, что она ведет к безбожию и фатализму.

Воры, убийцы, прелюбодеи могут теперь в свое оправдание ссылаться на свои шишки.

Бувар возразил, что органы только предрасполагают к тому или иному действию, но отнюдь не принуждают к нему. Если человек носит в себе зерно преступности, это еще не значит, что он непременно станет преступником.

– Впрочем, я восторгаюсь людьми, мыслящими ортодоксально: они отстаивают врожденные идеи и отвергают склонности. Какое противоречие!

Но френология, по словам Жефруа, отрицает всемогущество Божье, и заниматься ею под сенью святого храма, возле самого алтаря, непристойно.

– Уходите отсюда! Уходите, уходите!

Они устроились у парикмахера Гано. Чтобы предотвратить колебания, они предлагали родителям ребенка побриться или завиться на их счет.

Как-то в послеобеденное время в парикмахерскую зашел врач, – ему надо было постричься. Садясь в кресло, он в зеркале увидел, как наши френологи ощупывают шишки на головке ребенка.

– Вы занимаетесь такой ерундой? – спросил он.

– Почему ерундой?

Вокорбей презрительно улыбнулся; потом объявил, что в мозгу никаких шишек нет.

Так, например, один человек легко переваривает пищу, которую не переваривает другой. Следует ли предположить в желудке столько желудков, сколько имеется различных вкусов? Между тем за одной работой отдыхаешь от другой, умственное усилие не напрягает одновременно всех способностей, у каждой из них свое определенное место.

– Анатомы таких мест не обнаружили, – заметил Вокорбей.

– Значит, плохо вскрывали, – возразил Пекюше.

– Как так?

– Да очень просто. Они режут слои, не считаясь с соединением частей. (Эту фразу он вычитал из какой-то книги.)

– Что за вздор! – воскликнул доктор. – Череп не лепится по форме мозга, внешнее – по внутреннему. Галль ошибается. Попробуйте-ка доказать его теорию, взяв наугад трех человек из числа присутствующих.

Первою оказалась крестьянка с большими голубыми глазами.

Пекюше сказал:

– У нее превосходная память.

Муж ее подтвердил этот вывод и сам предложил подвергнуться обследованию.

– Ну, почтенный, ладить с вами нелегко.

Присутствующие подтвердили, что другого такого упряма не сыскать.

Третьим подопытным стал мальчишка, который находился здесь с бабушкой.

Пекюше заявил, что он, несомненно, обожает музыку.

– Совершенно верно, – подтвердила старушка, – покажи-ка господам, как ты умеешь играть.

Мальчик вынул из кармана сопелку и принялся дудеть.

Тут раздался громкий стук – это доктор, уходя, изо всех сил хлопнул дверью.

Теперь друзья уже больше не сомневались в самих себе и, призвав питомцев, возобновили исследования их черепов.

У Викторины череп был в общем гладкий – знак уравновешенности, зато череп ее брата производил прискорбное впечатление: значительные выпуклости в сосцевидных углах теменных костей указывали на склонность к разрушению, убийству, а выпуклость пониже говорила об алчности, вороватости. Бувар и Пекюше сокрушались по этому поводу целую неделю.

Нужно вникать в точный смысл каждого слова; то, что принято называть драчливостью, подразумевает презрение к смерти. Если человек может совершать убийства, то может также и спасать людей. Стяжательство включает в себе как ловкость мошенника, так и рвение коммерсанта. Непочтительность идет рука об руку с критическим духом, хитрость – с осмотрительностью. Всякий инстинкт раздваивается, об-

разуя начало хорошее и дурное. Можно свести на нет дурное, развивая хорошее, – при такой методе отчаянный озорник станет не разбойником, а полководцем. У труса останется только осторожность, у скупца – бережливость, у расточителя – щедрость.

Они увлеклись прекрасной мечтой: если воспитание их питомцев пойдет хорошо, они со временем учредят заведение, цель которого будет развивать ум, укрощать своенравие, облагораживать сердце. Они уже поговаривали об открытии подписки и постройке здания.

Триумф у Гано прославил их, и теперь к ним приходили, чтобы посоветоваться и узнать, можно ли рассчитывать на удачу.

Через их руки прошли самые разнообразные черепа: круглые, грушевидные, похожие на сахарные головы, квадратные, вытянутые, сжатые, приплюснутые, с бычьими челюстями, с птичьими носами, со свинными глазками; но такое множество народа мешало парикмахеру работать. Люди задевали локтями стеклянные шкафы с парфюмерией, разбрасывали гребни, разбили рукомойник, и цирюльник выгнал вон всех любителей френологии, попросив Бувара и Пекюше последовать за ними; ультиматум этот они приняли безропотно, ибо черепоскопия уже успела их утомить.

На другой день, проходя мимо палисадника капитана, они заметили самого капитана, беседовавшего с Жирбалем, Кулоном и стражником; тут же был и младший сын стражника

Зефирен, одетый в певческий стихарь. Стихарь был совсем новенький; мальчик разгуливал в нем, прежде чем сдать в ризницу, и все поздравляли его с обновкой.

Желая узнать мнение ученых господ о сыне, Плакван попросил их ощупать подростка.

Кожа у него на лбу казалась натянутой; нос был тонкий, хрящеватый на кончике и чуть вкось нависал над тонкими губами; подбородок был острый, взгляд бегающий, правое плечо выше левого.

– Сними скуфейку, – приказал отец.

Бувар запустил пальцы в светлые, как лен, волосы мальчика, потом то же проделал Пекюше, и они шепотом поделились результатами обследования.

– Явная биофилия! И апробативность. Совесть отсутствует. К деторождению неспособен.

– Ну как? – спросил сторож.

Пекюше открыл табакерку и взял понюшку.

– Признаться, ничего хорошего, – ответил Бувар.

Плакван покраснел от обиды:

– Как бы то ни было, он будет делать то, что я велю.

– Ну-ну!

– Да ведь я же ему отец, черт побери! Значит, имею полное право...

– До некоторой степени, – возразил Пекюше.

Жирбаль вставил:

– Родительская власть неоспорима.

– А если отец дурак?

– Все равно, – возразил капитан, – это не умаляет его власти.

– В интересах детей, – добавил Кулон.

По мнению Буvara и Пекюше, дети ничем не обязаны тем, кто произвел их на свет, родители же, наоборот, обязаны их кормить, обучать, оберегать и т. д.

Шавиньольцы возмутились, услышав столь безнравственные рассуждения. Плакван был оскорблен, словно ему нанесли личную обиду.

– Посмотрим еще, что выйдет из тех, кого вы подобрали на большой дороге. Эти далеко пойдут. Берегитесь!

– Чего нам беречься? – язвительно спросил Пекюше.

– Да я вас не боюсь.

– И я вас не боюсь.

Кулон вмешался в спор, уgomонил сторожа и спровадил его.

Несколько минут помолчали. Потом речь зашла о капитановых георгинах, и тут капитан не отпустил собеседников до тех пор, пока не показал им все цветы.

Бувар и Пекюше отправились домой и шагах в ста перед собою увидели Плаквана; Зефирен шел рядом с отцом и, поднимая локоть, защищался от оплеух.

То, что они сейчас слышали, выражало в несколько измененном виде образ мыслей графа, но пример их питомцев докажет, насколько свобода сильнее принуждения. Впрочем,

некоторая дисциплина необходима.

Пекюше повесил в музее грифельную доску для всякого рода чертежей и упражнений; они решили завести журнал; записи о поведении детей, занесенные в него вечером, будут на другой день читаться вслух. Все будет делаться по звону колокольчика. По Дюпон де Немуру, сначала все будет основываться на отеческих распоряжениях, потом на военных приказах, обращение на ты будет запрещено.

Бувар попробовал обучать Викторину арифметике. Иногда оба запутывались в счете, оба потешались над этим, потом девочка целовала его в шею, в то место, где не растет борода, и просила отпустить ее; он не возражал.

Сколько бы ни звонил Пекюше в колокольчик в часы уроков, сколько бы ни отдавал в окно приказов на военный лад, мальчишка не появлялся. Носки у него всегда болтались на лодыжках; даже за столом он ковырял пальцем в носу и не сдерживал газов. Брусе не позволяет наказывать за это, ибо «надо считаться с требованиями охранительного инстинкта».

И он и Викторина изъяснялись на каком-то ужасном языке; они говорили: «ляжь» вместо «ляг», «откудова» вместо «откуда». Но так как детям трудно понять грамматику и они знакомятся с нею, главным образом слыша правильные выражения, то оба воспитателя строго следили за своей речью и иной раз даже уставали от этого.

Насчет географии мнения их расходились. Бувар считал,

что логичнее начинать с родных мест, а Пекюше – с общего знакомства с земным шаром.

Вооружившись лейкой и песком, он задумал наглядно представить, что такое река, остров, залив, и даже пожертвовал три грядки под три материка, но страны света никак не умещались в голове Виктора.

Однажды вечером, в январе, Пекюше повел его в открытое поле. По пути он стал расхваливать астрономию: моряки руководствуются ею в плавании, без нее Христофор Колумб не сделал бы своего открытия. Мы многим обязаны Копернику, Галилею и Ньютону.

Стоял крепкий мороз, иссиня-черное небо было усеяно бесчисленными мерцающими огоньками. Пекюше поднял глаза вверх.

– Что такое? Куда же делась Большая Медведица?

Когда он видел ее последний раз, она была повернута в другую сторону; наконец он отыскал ее, потом показал мальчику Полярную звезду, – она всегда на севере, по ней мы ориентируемся.

На другой день он поставил посреди гостиной кресло и стал вальсировать вокруг него.

– Представь себе, что это кресло – солнце, а я – земля; она ведь тоже вертится.

Виктор глядел на него в полном недоумении.

Потом Пекюше взял апельсин, воткнул в него прутик, долженствовавший изображать полюсы, затем углем провел

ободок, чтобы обозначить экватор. Наконец он стал водить апельсином вокруг свечи, обращая внимание ученика на то, что точки на поверхности апельсина освещаются не одновременно, от чего зависит разница в климате, а чтобы объяснить смену времен года, он наклонил апельсин, ибо земля держится не прямо, и этим вызываются явления равноденствия и солнцестояния.

Виктор ничего не понял. Он вообразил, будто Земля вертится на длинной булавке и что экватор – это кольцо, сжимающее ее по окружности.

Пекюше показал ему в географическом атласе карту Европы, но мальчик был настолько ослеплен множеством линий и красок, что не мог разобрать никаких надписей. Котловины и горы не совпадали с государствами, политический строй затемнял строй физический. Все это, пожалуй, разъяснится, когда он приступит к изучению истории.

Лучше было бы начать со своей деревни, потом перейти к округу, к департаменту, к провинции. Но поскольку о Шавиньоле ничего не говорится в летописях, приходилось довольствоваться всеобщей историей. А там такое обилие материала, что следует выбирать только самые прекрасные страницы.

Из истории Греции: «Мы будем сражаться в тени»; завистник, осуждающий Аристиды на изгнание, и доверие Александра к своему лекарю. Из истории Рима: капитолийские гуси, треножник Сцеволы, бочонок Регула. Для Америки

очень существенно ложе из роз Гватимодина. Что касается Франции, то тут имеется суасонский кубок, дуб святого Людовика, казнь Жанны д'Арк, куриная похлебка Беарнца – глаза разбегаются, – не считая «Ко мне, овернцы» и кораблекрушения «Мстителя».

Виктор перепутывал героев, века и страны. Пекюше не утруждал его какими-либо тонкими соображениями, но само множество фактов – истинный лабиринт.

Он ограничился перечнем французских королей. Виктор забывал имена, ибо не знал хронологии. Но раз мнемоника Дюмушеля не пригодилась им самим, могла ли она помочь мальчишке? Вывод: историю можно изучить только посредством усиленного чтения. Так они и поступят.

Умение рисовать полезно при многих обстоятельствах; Пекюше отважился сам преподавать рисование с натуры, приступив прямо к пейзажу.

Книготорговец из Байе выслал ему бумагу, резинок, две папки, карандаши и фиксатив для их произведений, которые будут вставлены в рамки со стеклами и явятся украшением музея.

Встав спозаранку, они отправлялись в путь с ломтем хлеба в кармане; немало времени уходило у них на поиски подходящего ландшафта. Пекюше хотелось одновременно изобразить и то, что лежало у него под ногами, и далекий горизонт, и облака, но неизменно получалось так, что даль подавляла ближний план; река низвергалась прямо с небес, пас-

тух шествовал над стадом, спящая собака, казалось, убегала. В отношении самого себя Пекюше вскоре отказался от этой затеи, памятуя следующее, прочтенное где-то определение: «Рисунок состоит из трех элементов: линии, фактуры, растушевки и, наконец, завершающего штриха. Но последний доступен только мастеру». Он выправлял линию на рисунке ученика, обрабатывал фактуру, корпел над растушевкой и ждал, когда настанет время нанести завершающий штрих. Но ему так и не удавалось этого дождаться – настолько рисунок был невразумителен.

Сестрица Виктора, такая же лентяйка, зевала над Пифагоровой теоремой. Служанка Рен учила ее шить; девочка, вышивая метки на белье, так мило шевелила пальчиками, что Бувару жалко было мучить ее арифметикой. Они займутся этим как-нибудь на днях. Конечно, и арифметика и шитье необходимы в семье, но Пекюше считал, что жестоко воспитывать девочек только в интересах будущего мужа. Не все предназначены для замужества; если хотят, чтобы они в дальнейшем обходились без мужчин, надо обучить их очень многому.

Насчет самых простых вещей можно вдалбливать кое-какие знания: рассказать, например, как образуется вино. Получив объяснение, Виктор и Викторина должны были повторить его. То же произошло с бакалейными товарами, мебелью, освещением. Но свет отождествлялся в их сознании с лампой, а лампа не имела ничего общего с искрой, высечен-

ной из кремня, с пламенем свечи, с лунным светом.

Однажды Викторина спросила:

– Отчего горит дерево?

Учителя переглянулись в замешательстве: теории горения они не знали.

В другой раз Бувар весь обед, от супа до сыра, разглагольствовал о питательных веществах и забил ребятишкам головы фибрином, казеином, жирами и клейковиной.

Затем Пекюше вздумал объяснить им, как обновляется кровь в организме, и запутался в кровообращении.

Дилемма нелегкая: если исходить из фактов, то даже самый простой из них требует сложных обоснований; если же начинать с принципов, то приходится обращаться к абсолюту, к вере.

Как же быть? Надо сочетать оба вида обучения, теоретическое и практическое, но двоякий путь к единой цели противен любой методе. Ну что ж, пусть!

Чтобы приобщить их к естественной истории, воспитатели попробовали совершить несколько научно-познавательных прогулок.

– Видишь, – говорили они, указывая на осла, лошадь, быка, – у них по четыре ноги, их называют четвероногие. В общем, птицы отличаются перьями, пресмыкающиеся – чешуей, а бабочки относятся к разряду насекомых.

У них имелась сетка для ловли бабочек, и Пекюше, осторожно держа пойманного мотылька, обращал внимание де-

тей на то, что у него четыре крылышка, шесть лапок, два усика и твердый хоботок, чтобы высасывать из цветов нектар.

Он собирал на обочинах полевые цветочки, говорил, как они называются, а если не знал названия – сам его выдумывал, чтобы поддержать свой авторитет. Ведь в ботанике номенклатура – не самое главное.

Он написал на грифельной доске следующую аксиому: у всякого растения имеются листья, чашечка, венчик, прикрывающий завязь, или околоплодник с семенами. Потом он велел детям собирать гербарий и рвать все, что попадется под руку.

Виктор принес ему лютиков, а Викторина – пучок земляничника; тщетно искал он в них околоплодник.

Бувар, не доверявший его познаниям, перерыл всю библиотеку и в конце концов нашел у Редуте де Дама рисунок ириса, у которого завязь помещается не в венчике, а под лепестками в стебле.

В их саду цвели помаренник и ландыши; у этих мареновидных вовсе не было чашечки, таким образом, утверждение, начертанное на доске, оказывалось ошибочным.

– Это исключение, – заявил Пекюше.

Но им случайно, в траве, попалась шерардия, и у нее чашечка оказалась на месте.

– Вот тебе на! Уж если сами исключения неверны, так кому же верить?

Однажды во время прогулки они услышали крик павли-

нов, заглянули поверх забора и поначалу не узнали своей собственной фермы. Рига была покрыта черепичной кровлей, изгороди – новые, дорожки вымощены. Показался дядя Гуи:

– Возможно ли? Кого я вижу?

Как много событий случилось за три года, – между прочим, у него умерла жена! Сам же он был по-прежнему крепок, как дуб.

– Зайдите на минутку.

Было начало апреля; вокруг трех домиков раскинулись бело-розовые ветви цветущих яблонь. На синем небе не было ни облачка; во дворе на веревках висели простыни, скатерти, салфетки, вертикально прикрепленные деревянными зажимами. Дядюшка Гуи приподнимал их, чтобы можно было пройти, как вдруг они наткнулись на г-жу Борден, простоволосую, в домашней кофте, и Марианну с грудой белья в руках.

– Здравствуйте, господа! Будьте как дома! А я присяду, совсем с ног сбилась.

Фермер предложил выпить по стаканчику.

– Не сейчас, – сказала она, – мне и без того жарко.

Пекюше не отказался и вместе с дядей Гуи, Марианной и Виктором направился к погребку.

Бувар сел на землю возле г-жи Борден.

Ренту он получал исправно, жаловаться ему было не на что, и он уже не сердился на нее.

Лицо ее заливал яркий свет; одна из черных прядей спустилась у нее ниже других, а короткие завитки на затылке пристали к смуглой коже, влажной от испарины. При каждом вздохе груди ее приподнимались. Благоухание трав сливалось с нежным запахом ее крепкого тела, и Бувар почувствовал прилив чувственности, преисполнивший его радостью. Он стал расхваливать ее владения.

Комплименты привели ее в восторг, и она заговорила о своих планах.

Чтобы расширить двор, она намерена срыть насыпь.

Как раз в это время Викторина карабкалась по откосу – она собирала примулы, гиацинты и фиалки, не боясь старой кобылы, которая поблизости пощипывала траву.

– Не правда ли, она мила? – спросил Бувар.

– Еще бы! Маленькие девочки – всегда прелесть!

Вдова вздохнула, и в этом вздохе, казалось, излилось горе целой жизни.

– У вас могла бы быть дочка.

Вдова потупилась.

– Это зависело только от вас.

– Почему?

Он бросил на нее такой взгляд, что она покраснела, словно от грубой ласки, но тут же ответила, обмахиваясь платком:

– Опоздали, дорогой мой.

– Не понимаю.

Не поднимаясь с земли, он стал пододвигаться к ней.

Она долго смотрела на него сверху вниз, потом, устремив на него влажный взгляд и улыбаясь, сказала:

– Это ваша вина.

Простыни, висевшие вокруг, укрывали их, как занавески кровати.

Он склонился, облокотившись, и коснулся лицом ее колена.

– Чем же я виноват? Скажите, чем?

Она молчала, а он был в таком состоянии, когда за клятвами дело не станет, – поэтому он стал оправдываться, каялся в безрассудстве, гордыне:

– Простите! Будемте друзьями, как прежде. Хорошо?

Он взял ее руку, она не отнимала ее.

Сильный порыв ветра приподнял простыни, и перед ними оказались два павлина – самец и самка. Самка стояла неподвижно, подогнув ноги и приподняв зад. Самец прогуливался вокруг нее, распустил хвост, пыжился, квохтал, потом вспрыгнул на нее, пригнув перья, которые прикрыли ее, как полог, и обе огромные птицы затрепетали в единых содроганиях.

Бувар почувствовал такой же трепет в ладони г-жи Борден. Она быстро отняла руку. Перед ними стоял Виктор; он смотрел на них, разинув рот и как бы оцепенев; чуть подальше Викторина, раскинувшись на спине на самом солнцепеке, вдыхала аромат собранных ею цветов.

Старая кобыла, испуганная павлинами, метнулась в сто-

рону, порвала одну из веревок, запуталась в ней и, помчавшись по трем дворам, потащила за собою белье.

На крик взбешенной г-жи Борден прибежала Марианна. Дядюшка Гуи бранил свою кобылу: «Черт бы тебя побрал, старая кляча! Мерзавка! Дура!»; он бил ее ногою в брюхо, колотил ручкой хлыста по ушам.

Бувар возмущился таким обращением с животным.

Крестьянин ответил:

– Имею полное право. Лошадь моя.

– Это еще не довод.

Подошедший Пекюше заметил, что и у животных есть права, ибо они наделены душой, как и мы, – если только душа существует.

– Вы нечестивец! – воскликнула г-жа Борден.

Ее приводили в отчаяние три обстоятельства: необходимость перестирать белье, оскорбление, нанесенное ее верованиям, и опасения, что ее только что застали в двусмысленной позе.

– Я думал, вы смелее, – сказал Бувар.

Она внушительно возразила:

– Не люблю озорников.

А Гуи обрушился на них, утверждая, что они искалечили его кобылу, – у нее из ноздрей шла кровь. Он ворчал себе под нос:

– Проклятые! Только и жди от них какой-нибудь пакости! Я как раз собирался ее запрячь.

Приятели удалились, негодуя.

Виктор спросил, за что они рассердились на Гуи.

– Он злоупотребляет силою, а это дурно.

– Почему дурно?

Неужели у детей совершенно нет понятия о справедливости? Может ли это быть?

В тот же вечер Пекюше, вооружившись кое-какими замечаниями и усадив справа от себя Бувара, а прямо перед собою – питомцев, приступил к курсу нравственности.

– Эта наука учит нас управлять своими поступками.

В основе поступков обычно лежит одно из двух побуждений: удовольствие или корысть; но есть еще и третье, самое властное: долг.

Долг бывает двоякого рода:

1. Долг по отношению к нам самим, и состоит он в уходе за телом, в ограждении себя от каких-либо неприятностей. Это дети поняли отлично.

2. Долг по отношению к другим, а это значит всегда быть честным, благожелательным и даже братски-отзывчивым, ибо род человеческий не что иное как единая семья. Зачастую нам бывает приятно то, что вредит окружающим; выгода отличается от добра, ибо добро самодовлеюще. Тут дети ничего не поняли. Вопрос о санкциях, диктуемых долгом, он отложил на следующий раз.

При всем том он, по мнению Бувара, не дал определения добра.

– А как, по-твоему, его определить? Его чувствуют.

В таком случае уроки нравственности годны только для людей нравственных, и курс Пекюше дальше не пошел.

Они стали читать детям небольшие рассказы, долженствовавшие внушить им любовь к добродетели. Виктор изнывал от скуки.

Чтобы воздействовать на его воображение, Пекюше повесил в его комнате картинки, изображавшие жизнь добродетельного человека и человека порочного.

Первый из них, Адольф, ласкался к матери, учил немецкий язык, помогал слепому и поступил в Политехнический институт.

А дурной, Эжен, в детстве не слушался отца, затеял драку в кабачке, бил жену, напивался мертвецки пьяным, взломал шкаф, а на последней картинке он был изображен уже на ка-торге, где некий господин, сопутствуемый юношей, говорил, указывая на него:

– Видишь, сын мой, как пагубно дурное поведение.

Но для детей будущее не существует. Сколько им ни вдалбливали истину: «Труд почетен, богачи порою бывают несчастны», – они знавали тружеников, отнюдь не пользовавшихся почетом, и вспоминали замок, где людям жилось, по-видимому, недурно.

Муки совести им расписывали с такими преувеличениями, что они чуяли тут какой-то подвох и начинали сомневаться во всем остальном.

Друзья пробовали воспитывать их, воздействуя на их самолюбие, на интерес к общественному мнению, на честолюбие; с этой целью им расхваливали великих деятелей, особенно людей, принесших человечеству пользу, вроде Бельзенса, Франклина, Жаккара. Виктор не проявлял ни малейшей охоты им подражать.

Однажды, когда он правильно решил задачку, Бувар пришел к его куртке ленточку, означавшую орден. Виктор щеголял ею, но стоило ему забыть обстоятельства смерти Генриха IV, как Пекюше нахлобучил на него ослиный колпак. Мальчишка принялся реветь по-ослиному, да так пронзительно и долго, что пришлось избавить его от ослиных ушей.

Сестра его, как и он, гордилась похвалой, зато была совершенно равнодушна к порицанию.

Чтобы развить у них чувствительность, им подарили черного кота, за которым они должны были ухаживать, и выдавали им по два-три су для раздачи нищим. Они находили это несправедливым – деньги они считали своей собственностью.

По желанию воспитателей, дети называли Буvara «дядюшкой», а Пекюше – «дружочком», но обращались к ним на ты, и половина учебного времени обычно проходила в препирательствах.

Викторина изводила Марсея; она залезала ему на спину, дергала за вихры, она подшучивала над его заячьей губой и, передразнивая его, гнусавила, а бедняга так любил ее, что не

решался жаловаться. Как-то вечером его хриплый голос раздался непривычно громко. Бувар и Пекюше побежали в кухню. Оба воспитанника уставились на очаг, а Марсель, сложив руки, восклицал:

– Вытащите его! Довольно! Довольно!

Крышка котла взлетела, словно разорвавшаяся бомба. Как-кая-то сероватая масса подскочила до самого потолка, потом стала дико, с отвратительным криком, вертеться волчком.

Бувар и Пекюше узнали кошку – ободранную, без шерсти, – хвост ее превратился в веревку, глаза готовы были выскочить из орбит – они были молочно-белые, как бы пустые, но все-таки смотрели.

Безобразное животное продолжало выть, бросилось в очаг, исчезло в нем, потом замертво свалилось в золу.

Эту чудовищную жестокость совершил Виктор. Приятели отпрянули, побледнев от изумления и ужаса. На упреки тот отвечал, как стражник, когда ему говорили о сыне, и как фермер, когда речь шла о лошади:

– А что ж тут такого? Ведь она моя. – И говорил он без тени смущения, простодушно, невозмутимо, как существо, утолившее свой инстинкт.

Пол был залит кипятком из котла; на каменных плитах валялись миски, щипцы, подсвечники.

Марсель усердно занялся уборкой кухни; с его помощью хозяева похоронили несчастного кота в саду, возле пагоды.

Потом Бувар и Пекюше долго говорили о Викторе. В нем

сказывалась отцовская кровь. Как же быть? Вернуть его де Фавержу или доверить еще кому-нибудь значило бы признать свое бессилие. А может быть, он исправится?

Как бы то ни было, надежды было мало, нежное чувство к нему исчезло. А ведь как приятно было бы иметь возле себя подростка, интересующегося твоими мыслями, наблюдать за его успехами и чувствовать, что со временем он станет тебе другом! Но у Виктора недоставало ума, а сердца и подавно. Пекюше вздохнул, обхватив руками колено.

– И сестра его не лучше, – заметил Бувар.

Он представил себе девочку лет пятнадцати, с нежной душой, веселого нрава, украшающую дом своею юностью и изяществом, и, словно то была его дочь и она вдруг умерла, заплакал.

Потом, пытаясь оправдать Виктора, он сослался на слова Руссо: «Ребенок не несет никакой ответственности, он не может быть ни нравственным, ни безнравственным».

А по мнению Пекюше, их питомцы находятся уже в сознательном возрасте, и они стали обсуждать, как их исправить. Чтобы наказание принесло пользу, говорит Бентам, – оно должно соответствовать проступку, которым оно вызвано. Если ребенок разбил стекло в окне, не надо вставлять новое: пусть страдает от холода; если, уже насытившись, он просит еще какого-нибудь кушанья – дайте ему; расстройство желудка не замедлит вызвать у него раскаяние. Если он ленив, пусть сидит без дела: скука заставит его взяться за

работу.

Но Виктор не стал бы страдать от холода – организм его мог выдержать любые крайности, а безделье было бы ему только на руку.

Педагоги остановились на противоположной системе оздоровительных наказаний: стали задавать дополнительные уроки – мальчик становился еще ленивее: его лишали сластей – он делался еще большим лакомкой. Может быть, принесет пользу ирония? Однажды он явился к завтраку с грязными руками; Бувар принялся высмеивать его, назвал его щеголем, модником, франтом. Виктор слушал, насупившись, потом вдруг побледнел и швырнул в Буvara тарелкой; потом, взбешенный тем, что промахнулся, бросился на него. Троице мужчинам еле удалось унять его. Он катался по земле, пытался их укусить. Пекюше издали вылил на него графин воды; он сразу утихомирился, но на два дня охрип. Средство оказалось негодным.

Они попробовали другое: при малейшем проявлении гнева они стали обращаться с ним как с больным, укладывали его в постель; Виктор чувствовал себя в ней отлично и целыми днями распевал. Однажды он обнаружил в библиотеке старый кокосовый орех и уже принялся раскалывать его, как вдруг появился Пекюше:

– Мой орех!

То была памятка о Дюмушеле! Он привез его в Шавиньоль из Парижа; Пекюше в негодовании всплеснул руками.

Виктор расхохотался. «Дружок» вышел из себя и дал ему такую затрещину, что тот кувырнулся в угол; затем Пекюше, дрожа от волнения, пошел жаловаться Бувару.

Бувар разобрал его:

– Дурак ты со своим кокосом! От побоев только тупеют, страх озлобляет. Ты сам себя унижаешь.

Пекюше возразил, что в некоторых случаях телесные наказания необходимы. К ним прибегал Песталоцци, а знаменитый Меланхтон признается, что без них ничему бы не научился. Но жестокие наказания могут довести детей до самоубийства – такие случаи упоминаются в литературе. Виктор забаррикадировался в своей комнате. Бувар стал вести с ним переговоры через дверь и, чтобы он отпер ее, посулил пирожок со сливами.

Мальчишка становился все несноснее.

Они вспомнили средство, предложенное епископом Дюпанлу: «Суровый взгляд». Они тщились придать своим лицам свирепое выражение, но никакого эффекта не добились.

– Остается испробовать религию, – сказал Бувар.

Пекюше возмутился. Ведь они исключили ее из своей программы.

Но доводы разума пригодны не для всех случаев. Сердце и воображение требуют иного. Для некоторых душ сверхъестественное необходимо, и они решили отправить детей на уроки катехизиса.

Рен вызвалась провожать их. Она снова стала их навещать

и расположила к себе детей ласковым обращением.

Викторина сразу изменилась, стала сдержанной, слащавой, преклоняла колени перед Мадонной, восторгалась жертвоприношением Авраама, презрительно усмехалась, когда речь заходила о протестантах.

Она объявила, что ей велено поститься, – они справились; оказалось, что это неправда. В праздник Тела Христова с одной из клумб исчезли ночные фиалки – ими был украшен переносный престол; девочка бессовестно отрицала, что сорвала их. В другой раз она стащила у Бувара двадцать су и за всюнощной положила их на тарелку пономарю.

Они заключили из этого, что нравственность расходуется с религией; если у нее нет дополнительных основ, ее значение второстепенно.

Как-то вечером, когда они обедали, к ним зашел Мареско; при виде его Виктор скрылся.

Нотариус отказался присесть и пояснил, что его привело: Виктор поколотил и чуть не убил его сына.

Происхождение маленького Туаша было общеизвестно, вдобавок все его недолюбливали, мальчишки называли его каторжником, а теперь он до того обнаглел, что избил Арнольда Мареско. У милого Арнольда на теле остались следы.

– Мать его в отчаянии, костюм разорван в клочья, нанесен ущерб здоровью! К чему это приведет в дальнейшем?

Нотариус требовал сурового наказания и настаивал на том, чтобы Виктора во избежание новых стычек больше не

пускали на уроки катехизиса.

Бувар и Пекюше, хоть и сильно задетые его высокомерным тоном, обещали удовлетворить все его претензии, со всем согласились.

Что побудило Виктора к такому поступку: чувство собственного достоинства или жажда мести? Во всяком случае, он не трус.

Но грубость мальчишки пугала их; музыка смягчает нравы, и Пекюше вздумал обучать его сольфеджио.

Виктор с немалым трудом научился читать ноты и не путать термины адажио, престо и sforцандо.

Учитель постарался объяснить ему, что такое гамма, полный аккорд, диатоническая гамма, хроматическая и два вида интервалов, именуемых мажором и минором.

Он заставлял его сидеть совершенно прямо, выпятив грудь, опустив плечи и широко раскрыв рот, и, показывая ему пример, издавал фальшивые звуки; голос Виктора с трудом вырывался из гортани – так он сжимал ее; если так начинался с паузы, мальчик либо вступал преждевременно, либо опаздывал.

Тем не менее Пекюше приступил к двуголосному пению. Он вооружился палочкой, заменявшей ему смычок, и величественно размахивал рукою, словно позади него был целый оркестр. Однако, занятый одновременно двумя делами, он порою сбивался со счета, а его ошибка влекла за собою ошибки ученика; невзирая на них, насупившись, напрягши

шейные мускулы, они продолжали петь до конца страницы.

Наконец Пекюше сказал Виктору:

– Тебе не блистать в хоре.

И на этом обучение музыке закончилось.

К тому же Локк, быть может, и прав: «Музыка увлекает человека в такие распутные компании, что предпочтительнее заниматься чем-нибудь другим».

Не собираясь сделать из Виктора литератора, они все же подумали, что неплохо было бы ему научиться писать письма. Но тут их остановило такое соображение: эпистолярному стилю научиться нельзя, ибо он является исключительным достоянием женщин.

Затем они решили обогатить его память несколькими литературными отрывками и, затрудняясь в выборе, обратились к помощи сочинения г-жи Кампан. Она рекомендует сцену Элиасена, хоры из *Эсфири*, Жана-Батиста Руссо – целиком.

Все это старовато. А что до романов, – то она их вообще запрещает, потому что они изображают мир в чересчур привлекательном свете.

Впрочем, она разрешает *Клариссу Гарлоу* и *Отца семейства* мисс Опи. А кто такая мисс Опи?

В *Биографиях* Мишо они ее имени не обнаружили. Оставались волшебные сказки.

– Они станут мечтать об алмазных замках, – сказал Пекюше. – Литература развивает ум, зато распаляет страсти.

Именно за страсти Викторину прогнали с уроков катехизиса. Ее застигли в тот момент, когда она целовала сына нотариуса, и Рен отнюдь не шутила: лицо ее, под чепцом с крупными оборками, было вполне серьезно.

Можно ли после такого срама держать в доме эту развратную девчонку?

Бувар и Пекюше обозвали кюре старым дураком. Служанка защищала его, ворча:

– Знаем мы вас! Знаем!

Они дали ей отпор, и она удалилась, сердито тараща глаза.

Викторина и в самом деле питала нежные чувства к Арнольду; он казался ей красавцем: он ходил в бархатной куртке с вышитым воротничком, волосы у него были надушены, и, пока ее не выдал Зефирен, она постоянно приносила ему букеты цветов.

Что за вздор вся эта история, – ведь они еще совсем дети!

Следует ли открыть им тайну деторождения?

– Не вижу в этом ничего дурного, – сказал Бувар. – Философ Базедов объяснял ее своим ученикам, ограничиваясь, правда, только беременностью и родами.

Пекюше придерживался иного мнения. Виктор начинал беспокоить его.

Он подозревал его в дурной привычке. Что ж, вполне возможно. Случается, что даже солидные люди предаются ей всю жизнь; говорят, будто не чужд ей был и герцог Ангулемский.

Он стал так настойчиво расспрашивать своего питомца, что навел того на некоторые мысли, и вскоре все его сомнения рассеялись.

Тут он обозвал его преступником и с воспитательной целью заставил прочесть сочинение Тиссо. По мнению же Буваря, шедевр этот не столь полезен, сколь опасен. Лучше внушить мальчику какое-нибудь поэтическое чувство: Эме Мартен рассказывает, что некая мать в подобном случае дала своему сыну «Новую Элоизу», и юноша, желая стать достойным любви, вступил на стезю добродетели.

Но Виктор был не из тех, кто способен мечтать о какой-то Софи.

Не лучше ли отвести его к девицам?

У Пекюше публичные женщины вызвали глубокое отвращение.

Бувар считал, что это глупо, и даже заикнулся о специальной поездке в Гавр.

– Ты понимаешь, что говоришь? Если увидят, как мы туда входим...

– Ну так купи ему прибор.

– Бандажист может подумать, что я покупаю для самого себя, – возразил Пекюше.

Следовало бы придумать для мальчишки какое-нибудь увлекательное развлечение вроде охоты, что ли, но тогда придется потратиться на ружье, на собаку. Они предпочли утомлять его ходьбой и стали совершать прогулки по окрест-

ностям.

Они сменяли друг друга, но мальчишка от них удирал; зато сами они так уставали, что вечером у них не хватало сил держать в руках газету.

Дождаясь Виктора, они беседовали с прохожими и в педагогическом рвении старались внушить им основы гигиены, сокрушались по поводу излишнего расходования воды и неэкономного обращения с навозом, громили предрассудки вроде чучела дрозда на гумне, освященной ветки самшита в хлеву, мешка с червями, который кладут к ногам страдающего лихорадкой.

Дошло до того, что они стали проверять кормилиц и возмущались тем, как ухаживают за младенцами; одни кормят их кашицей, от которой дети хиреют и гибнут; другие еще до шестимесячного возраста пичкают их мясом, и те мрут от несварения, многие утирают их собственной слюной, и все обращаются с ними варварски.

Если они видели над воротами пригвожденную сову, они выходили на ферму и говорили:

– Напрасно вы так поступаете; совы питаются крысами, полевыми мышами; в желудке одного сыча нашли множество личинок гусениц.

Сельские жители хорошо знали их, во-первых, как лекарей, во-вторых, как скупщиков старинной утвари, наконец, как собирателей камушков, и поэтому отвечали:

– Бросьте вы шутки шутить! Хватит с нас ваших чуда-

честв!

Их уверенность была поколеблена. Ведь воробьи очищают огороды, зато клюют вишни; совы пожирают насекомых, но также и летучих мышей, которые приносят пользу, и если кроты едят слизняков, то вместе с тем они и разворачивают почву. Единственное, в чем они были уверены, – это в том, что надо уничтожить всю дичь, ибо она вредит сельскому хозяйству.

Однажды вечером, гуляя в Фавержском лесу, они оказались возле охотничьего домика и увидели егеря Сореля, – он стоял у обочины с тремя мужчинами и возбужденно размахивал руками.

Один из них был сапожник Дофен, маленький, щупленький, с хмурой физиономией. Второй, папаша Обен, сельский посредник, был одет в поношенный желтый сюртук и синие тиковые брюки. Третий, Эжен, лакей Мареско, выделялся своей бородой, подстриженной, как у судейских.

Сорель показывал им затяжную петлю из медной проволоки на шелковом шнуре, с кирпичом на конце, то есть то, что называется силком; он застал сапожника за установкой этого приспособления.

– Вы свидетели, не правда ли?

Эжен утвердительно кивнул головой, а папаша Обен молвил:

– Раз уж вы так говорите.

Особенно злило Сореля то, что негодяй имел дерзость

расставить западню около его дома в расчете, что никому не придет в голову искать ее тут.

Дофен захныкал:

– Я наступил на нее, я даже норовил ее сломать.

Вечно его обвиняют, все обижают его, несчастный он человек!

Сорель, ни слова не отвечая, вынул из кармана записную книжку, перо и чернильницу, намереваясь составить протокол.

– Нет, зачем же! – сказал Пекюше.

Бувар добавил:

– Отпустите его, он славный малый!

– Славный малый? Браконьер?

– Ну и что же?

Они стали заступаться за браконьеров: как известно, кролики грызут поросль, зайцы приносят вред нивам, один только бекас, пожалуй...

– Оставьте меня в покое.

Егерь писал, стиснув зубы.

– Вот упрямец! – прошептал Бувар.

– Еще слово – и я вызову жандармов.

– Вы грубиян! – крикнул Пекюше.

– А вы не такие уж важные птицы, – отрезал Сорель.

Бувар вышел из себя, обозвал его тупицей, солдафоном, а Эжен твердил:

– Спокойнее! Спокойнее! Надо уважать закон!

Папаша Обен вздыхал, сидя на камнях в трех шагах от них.

Перепалка взбудоражила собак, и все они выскочили из своих конур; за оградой видно было, как они носятся во все стороны и как горят глаза на их черных мордах; поднялся страшный лай.

– Перестаньте морочить мне голову, – вскричал хозяин, – иначе я спущу собак, и у вас от штанов останутся одни лохмотья!

Друзья удалились, но все же они были довольны, что подержали прогресс, цивилизацию.

На другой день они получили повестки с приглашением явиться в полицию в связи с оскорблениями, нанесенными сторожу; им будет объявлено о взыскании с них проторей и убытков, «не считая штрафа в порядке прокурорского надзора за совершенные правонарушения. Стоимость повестки шесть франков семьдесят пять сантимов. Судебный пристав Тьерслен».

При чем тут прокурорский надзор? У них голова пошла кругом; немного успокоившись, они стали готовиться к защите.

В назначенный день Бувар и Пекюше явились в мэрию часом раньше. Ни души; вокруг овального стола, накрытого скатертью, стояли стулья и три кресла; в стене была ниша для печки, а надо всем возвышался стоявший на подставке бюст императора.

Они прошлись по зданию вплоть до чердака, где валялись пожарный насос, несколько знамен, а в уголке, прямо на полу, громоздились другие гипсовые бюсты: великий Наполеон без короны, Людовик XVIII в мундире с эполетами, Карл X, которого легко было узнать по оттопыренной губе, Луи Филипп с бровями дугой и пирамидообразной прической; покатая крыша касалась его темени. Все было засижено мухами и покрыто слоем пыли. Зрелище это повергло Бувара и Пекюше в уныние. Они вернулись в зал с чувством презрения ко всем правительствам.

Здесь они застали Сореля и стражника; один был с нашивкой на рукаве, другой в кепи. Человек двенадцать присутствующих беседовали между собой; всем им вменялось в вину какое-нибудь нарушение порядка – кто плохо подметал улицу, кто выпускал собак без присмотра, другие ездили в повозках без фонарей или не закрывали трактиры во время мессы.

Наконец появился Кулон, выряженный в черную саржевую мантию и круглую шапочку с бархатной оторочкой. Писарь поместился слева от него, мэр с перевязью – справа. Вскоре приступили к разбирательству иска Сореля к Бувару и Пекюше.

Луи Марсиаль Эжен Леневер, служивший лакеем в Шавиньоле (Кальвадос), воспользовался своим положением свидетеля, чтобы выложить все, что он знает относительно множества вещей, не имеющих никакого отношения к делу.

Мастеровой Никола Юст Обен боялся не угодить Сорелю и повредить господам; ругательства он слышал, но все-таки не совсем в этом уверен; он ссылался на свою глухоту.

Мировой судья велел ему сесть, потом обратился к стражнику:

– Вы настаиваете на своем заявлении?

– Разумеется.

Затем Кулон спросил у обвиняемых, что они могут показать.

Бувар утверждал, что не оскорблял Сореля; заступаясь за браконьера, он только защищал интересы крестьян; он напомнил о злоупотреблениях в феодальные времена, о разорительных охотах знати.

– Однако нарушение...

– Я протестую! – воскликнул Пекюше. – Словам «нарушение», «проступок», «преступление» – грош цена. Так классифицировать наказуемые действия – значит становиться на путь произвола. Это все равно что сказать гражданам: «Не беспокойтесь о значении своих поступков, оно определяется только карою, налагаемой властями». Да и вообще Уголовный кодекс представляется мне нелепым, необоснованным.

– Возможно, – заметил Кулон.

Он собрался объявить свое решение, но тут представитель прокурорского надзора Фуру поднялся с места. Сторожу нанесено оскорбление при исполнении им служебных обязанностей. Если перестанут уважать земельную собственность

– все погибло.

– Поэтому я призываю господина судью применить высшую меру наказания, предусмотренного в данных обстоятельствах.

Это равнялось десяти франкам, которые полагались Сорелю в возмещение понесенного убытка.

– Bravo! – воскликнул Бувар.

Кулон еще не договорил:

– Обвиняемые присуждаются, кроме того, к штрафу в сумме пяти франков как виновные в правонарушении, установленном прокуратурой.

Пекюше обратился к присутствующим:

– Для богатого человека штраф – пустяк, но для бедняка – разорение. А мне на него наплевать.

Он словно издевался над судом.

– Право же, я удивляюсь, как умные люди... – начал было Кулон.

– Закон освобождает вас от необходимости обладать умом, – ответил Пекюше. – Мировой судья исполняет свои обязанности неопределенный срок, судья верховного суда считается способным судить до семидесяти пяти лет, а судья первой инстанции только до семидесяти.

Но тут Фуру сделал знак Плаквану, и тот подошел к ним. Они запротестовали.

– Вот если бы судей назначали по конкурсу!

– Или назначил Государственный совет!

– Или собрание доверенных, после основательного обсуждения!

Плакван подталкивал их к выходу, и они удалились под улюлюканье остальных обвиняемых, которые надеялись подхалимством снискать расположение судьи.

Чтобы дать выход своему негодованию, друзья вечером отправились к Бельжамбу; в кабачке было уже пусто, ибо солидные посетители обычно расходятся часов в десять. Огонь лампы был приспущен, стены и стойка как бы тонули во мгле; вошла женщина. То была Мели.

Она, видимо, не чувствовала ни малейшей неловкости и, улыбаясь, налила им два бокала. Пекюше стало не по себе, и он поспешил удалиться.

Бувар вскоре снова отправился туда один; он позабавил нескольких обывателей выпадами против мэра и с того вечера стал частенько посещать кабачок.

Полтора месяца спустя с Дофена обвинение было снято за отсутствием улик. Какой срам! Опорочены были те самые свидетели, которым поверили, когда они выступали против Бувара и Пекюше.

Их негодование стало беспредельным, когда им напомнили о необходимости уплатить штраф. Бувар стал поносить казначейство, как учреждение, причиняющее вред собственности.

– Ошибаетесь! – ответил чиновник казначейства.

– Полноте! Оно собирает треть общественных повинно-

стей.

– Хотелось бы, чтобы налоги были менее обременительными, кадастр усовершенствован, чтобы ипотечная система была изменена, а Государственный банк вовсе упразднен, ибо он занимается ростовщичеством.

Жирбаль растерялся, упал в общественном мнении и больше не появлялся.

Между тем Бувар пришелся трактирщику по душе; он привлекал посетителей, а в ожидании завсегдатаев запросто беседовал со служанкой.

Он высказал несколько любопытных мыслей относительно начальной школы. По окончании школы молодежь должна уметь лечить больных, разбираться в научных открытиях, интересоваться искусствами. Непомерные его требования рассорили его с Пти, а капитана он обидел, заявив, что вместо того, чтобы тратить время на муштровку, лучше бы солдаты выращивали овощи.

Когда возник вопрос о свободе торговли, он привел с собою Пекюше. И всю зиму завсегдатаи трактира обменивались негодующими взглядами, презрительными улыбками, бранились, кричали и так стучали кулаком по столу, что подпрыгивали бутылки.

Ланглуа и прочие торговцы отстаивали отечественную коммерцию, прядильщик Удо и ювелир Матье – отечественную промышленность, землевладельцы и фермеры – отечественное сельское хозяйство, причем каждый требовал для

себя льгот в ущерб большинству. Речи Буvara и Пекюше настораживали.

В ответ на обвинения в том, что они не соблюдают церковных обрядов, призывают к нивелировке и безнравственности, они выставляли три предложения: заменить все фамилии регистрационными номерами; ввести для французов определенную иерархию, причем для того, чтобы сохранить свой ранг, надо будет время от времени подвергаться испытанию; отменить все наказания и награды, зато ввести во всех деревнях личные листы о поведении, которые затем передавать потомкам.

Их система не встретила сочувствия. Они изложили ее в статье для газеты, издававшейся в Байе, подали докладную записку префекту, петицию в парламент, прошение императору.

Газета их статью не напечатала.

Префект не удостоил их ответом.

Парламент молчал, и они напрасно ждали пакета из Тюильри.

И чем только занят император? Не иначе как женщинами!

Фуру от имени супрефекта посоветовал им быть сдержаннее.

Плевать им на супрефекта, префекта, советников префектуры, даже на Государственный совет. Господство бюрократов – чудовищное явление, ибо администрация неправильно руководит чиновниками, прибегая к наградам и угро-

зам. Словом, их присутствие становилось неудобным, и влиятельные лица посоветовали Бельжамбу больше не принимать у себя этих двух чудаков.

Тогда Бувар и Пекюше загорелись мыслью совершить что-нибудь такое, что потрясло бы их сограждан, и не нашли ничего лучшего, как разработать план благоустройства Шавиньоля.

Три четверти домов надо снести, посреди поселка разбить обширную площадь, на пути к Фалезу открыть богадельню, на дороге в Кан построить бойни, а в Паделяваке – пеструю церковь в романском стиле.

Пекюше тушью начертил план, не преминув отметить леса желтым, строения – красным, луга – зеленым; образы идеального Шавиньоля преследовали его даже во сне; он без конца вертелся в постели.

Как-то ночью от этого проснулся Бувар:

– Тебе нехорошо?

Пекюше пролепетал:

– Осман не дает мне покоя.

К этому времени он получил письмо от Дюмушеля – тот спрашивал, во что обходятся морские купанья на нормандском побережье.

– Пошел он к черту со своими купаньями! Есть у нас время заниматься перепиской!

Они обзавелись землемерною цепью, угломером, нивелиром и буссолюю, и тут началась иного рода работа.

Они совершали набеги на усадьбы; нередко жители с удивлением наблюдали, как они расставляют вежи.

Бувар и Пекюше спокойно разъясняли, в чем состоят их планы и что из этого получится.

Население стало беспокоиться, – ведь может случиться, что начальство окажется на их стороне.

Иногда их грубо прогоняли.

Виктор взбирался на стены, лазил по чердакам в качестве сигнальщика, старался угодить и даже проявлял некоторый пыл.

Викториною они тоже были довольны.

Глядя белье и вода утюгом по доске, она что-то напевала нежным голосом, охотно занималась хозяйством, сшила Бувару ермолку, а своими вышивками заслужила похвалу Ромиша.

Это был один из тех портных, что ходят по фермам чинить одежду. Он прожил у них две недели.

Он был горбун, глаза у него были красные, но свои телесные недостатки он возмещал веселым нравом. Когда хозяйва отлучались из дому, он развлекал Марсея и Викторину разными побасенками, высовывал язык до самого подбородка, подражал кукушке, чревовещал, а вечером, чтобы не тратиться на постоялый двор, отправлялся спать в пекарню.

И вот как-то ранним утром Бувар, озябнув, зашел туда за щепками, чтобы развести огонь.

То, что он увидел, ошеломило его.

За старым ларем, на соломенном тюфяке, спали вместе Ромиш и Викторина.

Он обхватил рукою ее стан, а другою, длинной, как у обезьяны, держал ее за колено; глаза его были полузакрыты, с лица еще не сошла сладострастная судорога. Она улыбалась, раскинувшись на спине. Кофта у нее распахнулась и обнажила детские груди, испещренные красными пятнами – следы ласк горбуна; белокурые волосы разметались; занявшая заря бросала на обоих белесый свет.

В первый миг Бувар почувствовал как бы толчок в грудь. Потом от смущения застыл на месте; его одолевали грустные мысли.

– Такая молоденькая! Погибла! Погибла!

Вернувшись в дом, он разбудил Пекюше и сразу все ему выпалил.

– Подумай только! Вот негодяй!

– Теперь уж ничего не поделаешь! Успокойся!

Оба долго вздыхали, сидя один возле другого: Бувар без сюртука, скрестив на груди руки, Пекюше – свесив ноги с постели, в ночном колпаке.

Ромишу в тот день предстояло от них уйти, – он кончил работу. Они расплатились с ним молча и высокомерно.

Но провидение не благоволило к ним.

Вскоре после того Марсель повел их в комнату Виктора и показал в ящике комода двадцатифранковую монету. Мальчишка поручил ему ее разменять.

Откуда она у него? Украл, конечно, во время их инженерных походов. Но, чтобы ее вернуть, надо было знать, чья она, а если станут ее требовать, то могут принять их за сообщников.

В конце концов они позвали Виктора и велели ему открыть ящик; монеты там уже не оказалось. Он делал вид, что не понимает, в чем дело.

Но ведь они только что видели ее, а Марсель никогда не лжет. Эта история так его взволновала, что он все утро протаскал в кармане письмо, адресованное Бувару.

«Милостивый государь!

Боясь, не заболел ли господин Пекюше, обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой...»

– Чья же это подпись?

«Олимпия Дюмушель, урожденная Шарпо».

Они с мужем запрашивали, на каких морских купаниях – в Курселе, Лангрюне или Люке – собирается лучшее общество, наименее шумное, как туда доехать, сколько берут прачки и т. п.

Назойливость Дюмушелей страшно разозлила их; потом от усталости оба погрузились в полное уныние.

Они стали припоминать все свои старания: сколько уроков, предостережений, забот, мучений!

– И подумать только, – говорили они, – ведь мы хотели сделать из нее учительницу, а его еще недавно мечтали устроить десятником!

– Какое разочарование!

– Если она столь развратна, так, во всяком случае, не из-за чтения.

– А я-то, надеясь воспитать его честным, заставлял его учить биографию Картуша!

– Быть может, они такие оттого, что у них не было семьи, что они не знали материнской ласки?

– Я был им матерью! – возразил Бувар.

– Увы! – продолжал Пекюше. – Бывают натуры, совершенно лишённые нравственного чувства, и тут воспитание не поможет.

– Да, нечего сказать, хорошее дело – воспитание!

Так как сироты не знают никакого ремесла, надо отдать их в услужение, а там, слава Богу, можно о них больше не заботиться.

С тех пор «дядюшка» и «дружочек» отправляли их обедать на кухню.

Но вскоре им стало скучно, ум их нуждался в деятельности, существование – в какой-либо цели.

К тому же о чем говорит неудача? То, что не удалось с детьми, может быть, легче осуществить со взрослыми? И они надумали открыть курсы для взрослых.

Надо бы устроить собеседование для ознакомления с их идеями. Для этой цели вполне подходит большой зал постоянного двора.

Бельжамб в качестве помощника мэра сначала испугался,

как бы себя не скомпрометировать, и отказал им в помещении; потом, рассчитав, что тут можно заработать, изменил свое решение и послал служанку сообщить, что согласен.

В избытке счастья Бувар расцеловал ее в обе щеки.

Сам мэр отсутствовал; другой его помощник, Мареско, всецело занят своей конторой и собеседованием заниматься не станет. Итак, оно состоится, и глашатай с барабаном объявил о нем, назначив на следующее воскресенье в три часа пополудни.

Лишь накануне они подумали о своих костюмах.

У Пекюше, слава Богу, сохранился старый парадный фрак с бархатным воротничком, два белых галстука и черные перчатки. Бувар облачился в синий сюртук, нанковый жилет, касторовые штиблеты, и они прошли по деревне и прибыли в гостиницу «Золотой крест» крайне взволнованные...